

1951

Mem 27

Год 27

Сборник,
воспоминаний

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1970

3K26.3

E70

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Быстрые, четкие шаги гулко отдаются еще по пустому коридору. Это он рано утром спешит из своей квартиры в кабинет Совнаркома. Часовой, всегда дежуривший здесь, у дверей кабинета, увидев приближающегося Владимира Ильича, подтягивается, чтобы с гордой радостью отдать честь тому, который сам столько лет бесменно стоит на страже всемирной революции».

Так в 1929 году писал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома, в своих воспоминаниях о Ленине, о его встречах с часовыми — кремлевскими курсантами.

Кремлевские курсанты были бесстрашными солдатами революции. На фронтах гражданской войны их прозвали «ленинскими юнкерами». Курсанты Первых Московских пулеметных курсов, созданных сразу же после Октября и преобразованных затем в школу красных командиров, носившую имя ВЦИК, а затем Верховного Совета РСФСР, жили, учились и служили в Кремле. Они охраняли первое в мире рабоче-крестьянское правительство и несли почетный караул у квартиры и кабинета Владимира Ильича Ленина. Это их, простых рабочих и крестьян со всех концов необъятной России, каждое утро, идя на работу, приветствовал Ленин.

Более чем за полвека своего существования старейшее училище Вооруженных Сил воспитало многих крупных военачальников — офицеров, генералов, маршалов, Героев Советского Союза, прославивших нашу Родину в гражданской и Великой Отечественной войнах.

Эта книга возникла по почину старых кремлевцев. После долгих лет разлуки поседевшие ветераны нашли

друг друга и решили восстановить для истории штрихи из самого дорогого и сокровенного. В книге собраны рассказы тех, кто, учась на Кремлевских курсах, встречался с В. И. Лениным, стоял на посту № 27, у его квартиры, кто до наших дней сохранил в памяти дорогие каждому советскому человеку ленинские черты.

Воспоминания кремлевских курсантов даются в литературной записи писателя Владимира Александровича Рудного.

ИЗ СМОЛЬНОГО — В КРЕМЛЬ

Ранным ноябрьским утром 1917 года мы прибыли из Юрьева в пылающий огнем революции Петроград.

В Юрьев я бежал с группой латышских стрелков из штрафного батальона, в который меня загнали за участие в июльских выступлениях солдат против власти Керенского. Мы влились в красногвардейский отряд, выступавший в Юрьеве против власти Временного правительства. Сразу же после Октябрьского вооруженного восстания по приказу исполнительного комитета латышских стрелков отряд избрал наиболее надежных, преданных революции товарищей и командировал в столицу, в Смольный, в распоряжение Военно-революционного комитета.

Мы явились в Смольный прямо с вокзала. На площади перед оградой чернели головешки от костров, зажженных в дни восстания. За решетчатыми воротами стояли конфискованные у сановников черные лимузины. Ощетинились пулеметами грузовики. Напротив главного входа — броневик, а по бокам — два трехдюймовых орудия.

Сразу же окунулись в напряженную атмосферу Смольного. В вестибюле, в коридорах — всюду люди с винтовками, гранатами, пулеметами. Тут и рабочие, перепоясанные поверх пальто и курток солдатскими ремнями, и матросы, увешанные оружием с головы до ног, и наш брат — солдаты с фронта.

Нас встретил балтийский матрос Павел Мальков, комendant Смольного. Задав несколько вопросов, он по-матросски прощупал каждого — кто чем дышит — и назна-

чил в отряд охраны Совета Народных Комиссаров, кабинета и квартиры В. И. Ленина.

Латышских стрелков разместили тут же, в Смольном, и распределили по постам. Я попал в охрану Ленина.

Большевики тогда только что взяли власть в свои руки. Постоянно можно было ждать нападения на Смольный, на Совет Народных Комиссаров. В большой комнате секретариата стояли у окон два «максима». Возле них посменно дежурили пулеметчики. Из этой комнаты одна дверь вела в приемную, разделенную деревянным барьером. Там, у барьера и у выхода в коридор, тоже стояли латышские стрелки. Другая дверь из секретариата вела в маленький кабинет, в котором работал Ленин. У этой двери был назначен круглосуточный пост латышских стрелков.

Все это было для нас пока вновь, как и десятки разных событий, которые довелось пережить в бурный семнадцатый год. В январе я был ранен и отравлен немецкими газами. Февральскую революцию встретил в госпитале. В марте стал членом ротного комитета в латышском резервном полку. Большинство стрелков безоговорочно перешли на сторону большевиков и вступили в борьбу против кадетов, корниловцев, меньшевиков, эсеров.

У латышских стрелков уже был недолгий, но бурный опыт революционной борьбы. Мы стали солдатами революции. Это превращение совершилось неизмеримо скоро, но не случайно: состав латышских частей был в основном пролетарский — рабочие промышленных предприятий и батраки из барских поместий.

Нас долго муштровала царская казарма. Солдаты знали наизусть все уставы и наставления, умели стрелять, колоть штыком, окапываться, стояли на часах у складов с боеприпасами, у полковых знамен и денежных ящиков. Но как положено охранять правительство, еще никто не знал.

Само правительство — еще небывалое на земле, само государство — новое. Настало время сокрушения всего старого, протеста против всяких казарменных порядков. Старые уставы мы отвергали, а новых еще не было. Мы чувствовали себя не солдатами в прежнем понимании этого слова, а бойцами революции. Поэтому нам казалось не столь важным — стоять ли часовому на посту или сидеть. Тем более — теперь это уже широко известно —

Ленин сразу же предложил часовому стул, считая неудобным, что человек так долго стоит. Мы твердо знали только одно: Ленина надо беречь, за Ленина — умрем.

Первым наставлением для часового была инструкция, составленная в ноябре семнадцатого года самим Владимиром Ильичем. В ней он называл нас не часовыми, а «вестовыми». Он считал первым и важнейшим делом — установить и поддерживать в революционной суматохе Смольного деловой порядок. В инструкции — она опубликована в XXXV Ленинском сборнике — было сказано:

«1. Не пропускать никого, кроме *Народных комиссаров* (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билета, т. е. удостоверения от них).

2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передавать председателю и без его разрешения никого не пускать в комнату.

3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону.

4. Когда в комнате председателя кто-либо есть, — держать дверь всегда закрытой» *.

У этой двери латышские стрелки дежурили с ноября семнадцатого до десятого марта восемнадцатого года.

Почти каждый день мы видели Ленина. Сменяясь и уходя на отдых, стрелки только и говорили о нем. Дело было не в том лишь, что мы видели вождя революции, обсуждали друг с другом, каков он, Ленин. Глядя на него, мы словно бы разглядывали революцию — какова она есть, какой она будет, как сложится жизнь и как сами должны жить.

Еще на фронте я слышал о вожде большевиков, читал его статьи и брошюры, слышал, как поносило Ленина офицеры, с какой злобой говорили о нем эсеры и меньшевики. В глазах солдат ругань врагов была наилучшей похвалой для человека. Ленина-человека я увидел здесь впервые.

За несколько месяцев после Февраля перед нашими глазами прошли десятки политических деятелей, то поднятых на гребень волны, то сметенных революционным

* Ленинский сборник XXXV. Госполитиздат, 1945, стр. 7.

вихрем. Гучковы, милюковы, гоцы, керенские, даны, черновы — толстосумы, сановники, позеры, болтуны, авантюристы, — сколько их шумело тогда, в семнадцатом году!

А тут я впервые увидел человека великого и простого, устремленного в одну цель — жизнь ради народа, жизнь для других.

Часовой на посту, быть может, знает немного, но если он человек наблюдательный, то видит многое. Видит, какие идут в кабинет люди, с каким лицом входят и выходят, через этих людей чувствует силу, волю, обаяние, характер сидящего в кабинете человека, отражение его гнева и радости, доброты и твердости. Видит, как этот человек умеет каждого раскусить и в каждом разобраться, с каждым найти верный тон или общий язык — будь то рабочий или ученый, крестьянин или иностранный дипломат.

Часовые сменяют друг друга. Но его не сменяет никто. Откуда у этого человека столько сил? За день он успевает переговорить с десятком людей, отдать массу распоряжений, выступить на заседаниях и на митингах, и при этом со всеми быть равным, спокойным, то веселым, то строгим. Никто еще не видел его грубым или раздраженным, никогда не раздавалось его окрика и, разумеется, не чувствовалось начальственного тона.

Часовой становился невольным свидетелем и государственной деятельности Ленина, и его домашней жизни. Люди шли к нему потоком. Каждый хотел повидать Ленина лично. Помимо народных комиссаров, которых мы уже скоро знали в лицо, появлялись все новые и новые люди. Организаторы Советской власти на местах, рабочие крупнейших заводов Петрограда, крестьянские ходоки со всех концов необъятной России шли за помощью и советом к Ильичу. Особенно трудно было с крестьянскими ходоками. По инструкции часовой должен узнать цель визита. А они о своих намерениях не говорили. Больше ни к кому они не хотели обращаться — только непосредственно к Ленину. И он всех принимал, хотя, казалось, это немисливо. Он понимал, что за каждым из ходоков — огромные массы крестьян, желающих знать, какая она, Советская власть. Не случайно посланцы из деревень требовали у секретарей справки о том, что они действительно были у Ленина и разговаривали с ним. На далеких от Смольного крестьянских схо-

дах эти справки становились важнейшим документом — посланием от новой власти.

А вечером Ленин сидит допоздна один или в кабине за столом, или в своей маленькой квартирке. Сквозь напряженную тишину лишь доносятся шаги или вдруг слышится голос Надежды Константиновны, называющей его по-домашнему, как все близкие люди, когда обращаются друг к другу, по имени. Становится неловко, будто ненароком ты подглядел то, чего не следует знать. И в то же время хорошо на душе: все великое становится земным.

Нашего брата солдата Ленин очень уважал. Мы это чувствовали на каждом шагу. В трудную пору, среди огромных забот он находил время узнать, как и чем нас кормят. И не только узнать, но и посильно помочь. Однажды он увидел, что мы спим на холодном полу, и приказал коменданту немедленно снабдить каждого стрелка койкой и постелью.

Уже позже, в Москве, в Кремле, он пришел к латышским стрелкам на первомайское торжественное собрание. Чтобы никого не беспокоить во время доклада, он тихо присел на стуле, прослушал выступающего до конца и только потом попросил слова. Он поздравил нас с пролетарским праздником, впервые свободным, в свободной стране, и рассказал, как отмечал этот день в далекой ссылке, в Сибири вместе с товарищами по революционной борьбе. Таким был Ленин, которого нам, солдатам революции, было доверено охранять.

Мы знали, что за Лениным охотятся враги. Давно охотятся. Еще будучи в полку, я слышал, что за ним гоняются ищейки Керенского. Большевистского вождя Временное правительство вызывало в Питер на суд и расправу. А теперь вся контрреволюция точила на него зубы. Бывали случаи, к часовым у ворот приставали какие-то подозрительные личности. Сослуживцы рассказывали о попытках подкупа, о стремлении каких-то темных элементов проникнуть в штаб революции без пропуска. А ведь народу шло столько, что попасть в Смольный было не так уж сложно. Мы берегли жизнь В. И. Ленина, как могли. Для нас не было строго распланированных часов отдыха и службы. Каждый готов был круглые сутки служить.

Питер становился фронтом. Немцы заняли мою родную Латвию, Эстонию, захватили Псков. В Финляндии

наступала белогвардейщина. Всюду возникали заговоры контрреволюционеров различных мастей. Иностранные дипломаты готовили восстания. Анархисты и иные темные личности громили винные склады и магазины. В городе было введено осадное положение. Каждый из нас чувствовал себя, как на передовой линии фронта.

И вдруг — обстрел автомобиля, в котором ехал Ильич, покушение в центре Питера. Оно было предотвращено лишь благодаря самоотверженности швейцарского социалиста Платтена, сумевшего уберечь Ленина.

Комендант Смольного предупредил: будьте наготове, не исключено, что придется в любой момент выступить с оружием в руках.

Мы еще не знали, о чем речь, куда выступать. Несколько ночей подряд спали тут же, воле комнат Ильича, не раздеваясь и не расставаясь с оружием.

Поздним вечером 10 марта 1918 года из решетчатых ворот Смольного выехали два автомобиля: впереди — лимузин, следом — грузовик с латышскими стрелками.

Шел сильный дождь со снегом. Наши намокшие шинели леденели на ветру. Машины мчались по пустынным улицам города, быстро проскакивая перекрестки. На темных перекрестках возникали таинственные силуэты, возможно патрули. Но, может быть, и враги из питерского подполья. Где-то постреливали. Откуда-то доносился крик. В те времена это никого не удивляло и днем. Но в ту мартовскую ночь каждый выстрел и крик, появление неожиданного прохожего заставляло крепче сжимать оружие. Мы стояли в кузове, теснясь друг к другу, с винтовками в руках, не спуская глаз с легкового автомобиля, идущего впереди. В нем — Ленин.

Правительство переезжало в Москву. Были приняты все меры предосторожности. Отправление назначено не с Николаевского вокзала, откуда обычно отходили поезда, а с загородной дачной платформы Цветочная. Там под парами уже стоял правительственный поезд. Только очень немногие люди знали — в нем поедет Ленин.

Миновали московскую заставу и подкатили к дачной платформе. Здесь отряд разделился: одни оцепили станцию, другие встали к вагонам. Погрузка закончилась быстро. И поезд пошел в Москву.

Меня назначили в вагон, в котором ехал Ленин. Часовые стояли в тамбуре и на подножках, часто сменяя друг друга, чтобы никто не уставал.

Глубокой ночью по вагонам передали тревожную весть: впереди видны хвостовые огни какого-то поезда. Он движется в одном направлении с нами. Это не был один из трех правительственных поездов. Это чужой состав. Все по тревоге приготовились к бою. На площадках установили пулеметы. Подняли на ноги и тех, кто свободен от караула.

Неизвестный состав возле какой-то станции замедлил ход. Затормозил и наш машинист. Потом незнакомый состав стал с каждой секундой расти в размерах: значит, делает остановку...

Впереди, в темноте, с лязгом открылись двери товарных вагонов. Вооруженные люди выскочили на насыпь и с гамом ринулись к нашему поезду.

Мы сразу узнали: анархисты. Уже не раз доводилось с ними сталкиваться в Петрограде. Не задумываясь, эти могли пустить в ход бомбы и гранаты, а в открытом бою они трусы. Главное, надо сделать так, чтобы они не поняли, что нас намного меньше.

Мы выскочили из вагонов, сняли с площадок пулеметы. Толпа анархистов заколебалась и повернула назад. Через несколько минут мы разогнали их по местам, задвинули двери теплушек и накинули засовы. Поезд их отправили в тупик. Все было закончено за каких-нибудь четверть часа.

Наш поезд снова пошел вперед. И тут настала моя очередь заступить на пост.

Когда я вошел в вагон, Ленин что-то быстро говорил В. Д. Бонч-Бруевичу. Увидев меня, он подошел и спросил, не участвовал ли я в устрашении анархистов. Я подтвердил, что участвовал.

— Ну а самому вам не страшно было? — спросил Ленин в свойственном ему задушевном тоне.

Я сказал, что было страшно в самом начале, а потом, когда анархисты побежали, стало очень даже весело.

Правительственный поезд прибыл в Москву вечером одиннадцатого марта.

Потом несколько дней мы не видели Ленина. Знали только, что он живет в гостинице «Националь», а в Кремле ему подыскивают квартиру.

Нас включили в состав отряда, который в то время охранял Кремль, а позже влился в 9-й Латышский полк.

В Кремле еще жили царские слуги, попы, монахи. Улицы и дворы захламлены. Всюду виднелись следы недавних боев с юнкерами, валялись осколки снарядов, бревна, битый кирпич. Лишь кое-где рабочие приводили в порядок здания. Ленину готовили квартиру.

Когда ремонт закончился, нам было приказано обставить квартиру мебелью. В нашем распоряжении оказался весь Кремль, все дворцы и казенные дома, все брошенные знатью квартиры.

Решили постараться изо всех сил — обставили квартиру на славу. Привезли туда позолоченные, обитые шелком и плюшем стулья и кресла, зеркальные шкафы и массивные столы.

Но все это пришлось вытаскивать. Ленин велел всю роскошную мебель убрать.

Обстановка должна быть удобной и простой, такой, какая она была в Смольном. Какая это обстановка, теперь может видеть каждый, кто хоть раз посетит квартиру-музей Ленина в Кремле. Для нас, коммунистов, это стало уроком на всю жизнь.

Пожалуй, самая роскошная мебель осталась в первое время на посту возле квартиры Ильича. Там стоял столик и обитый красным бархатом мягкий стул с высокой спинкой, на котором в то время разрешалось сидеть и даже читать.

Это был пост № 27.

Мне, как и другим латышским стрелкам, приходилось стоять на этом посту до июля восемнадцатого года, пока мы не были отправлены на фронт.

КРЕМЛЕВСКИЕ КУРСАНТЫ

Когда правительство переехало в Москву и меня назначили комендантом Кремля, передо мной встала самая важная задача: организовать бдительную караульную службу. У молодого Советского государства было немало врагов, поэтому необходимо было усилить охрану правительства.

Первые месяцы охрану Кремля несли латышские стрелки, переехавшие в Москву вместе с правительством из Смольного. Но через некоторое время пришлось расстаться с ними: многих измотала тяжелая караульная служба, ночи без сна, частые сложные операции, в которых они участвовали по заданию ЧК (Чрезвычайной комиссии); многие рвались на фронт, в бой с врагами молодой Советской республики.

Командование Латышской стрелковой дивизии предложило вывести из Кремля 9-й полк на отдых. Состоялось специальное совещание командования и комендантуры. Комиссар дивизии К. Петерсон обратился письменно к Якову Михайловичу Свердлову:

«1918 г. 18 сентября.

Председателю ВЦИК товарищу Свердлову:

На общем собрании, при участии комиссаров и командиров Латышской дивизии, председателя Исколастрела и коменданта Кремля тов. Малькова, мы пришли к единогласному решению, что 9-й полк, находящийся в Кремле, сейчас целесообразно из Кремля перевести в казармы Александровского училища, а вместо 9-го полка для несения караульной службы в Кремль перевести 2-й Латышский стрелковый советский полк, ныне находящийся в лагерях.

Ввиду изложенного просим Вашего согласия заменить 9-й Латышский стрелковый полк 2-м полком.

Комиссар Латышской стрелковой советской дивизии

К. Петерсон».

Яков Михайлович согласился с предложением о выводе 9-го полка, но сказал:

— Правильно. Пора переменить обстановку товарищам латышам. Только зачем заменять один полк другим? Получится то же самое — изматываем народ однообразием службы. Сделаем иначе: переведем в Кремль командные курсы: курсанты будут и охрану Кремля нести, и учиться, вот и не заскучают. Кроме того, состав на курсах переменный — одни окончили, ушли, другие пришли, так что караульная служба никому не успеет набить оскомину. Народ же на курсах надежный, много коммунистов. Не подведут.

Так и сделали. В конце 1918 года латышские стрелки покинули Кремль. Их место заняли курсанты пулеметных курсов, позже преобразованных в Военную школу имени ВЦИК.

К своей новой обязанности курсанты отнеслись ответственно. Отличаясь высокой политической сознательностью и крепкой дисциплиной, они несли охрану Кремля надежно и четко. С особой любовью и старанием охраняли они здание Совнаркома и квартиру В. И. Ленина.

В просторном, но отнюдь не громадном кабинете Ленина было три двери.

Одна, направо от письменного стола, выходила в коридор, связывавший кабинет и приемную Председателя Совета Народных Комиссаров с его квартирой. У этой двери стоял часовой. Никто, кроме самого Ильича, пользовавшегося обычно именно этой дверью, никогда через нее не ходил. Часовой возле этой двери имел строжайшую инструкцию: кроме Ленина, не пропускать ни одного человека, кто бы это ни был. Специальный пост был установлен в конце коридора, у квартиры Ильича. На эти посты всегда назначались самые надежные курсанты.

Вторая дверь, расположенная напротив стола, вела в приемную, где работала Лидия Александровна Фотиева и другие секретари Совнаркома. Входили в приемную через дверь из того же коридора. Возле этой двери поста

не было. Все посетители — будь то народный комиссар или рядовой рабочий, член Центрального Комитета партии или крестьянский ходок, командарм или ученый — попадали к Ильичу только через эту дверь, через приемную, только по вызову и в строго определенное время. Это было правилом, установленным почти для всех. Только на двух человек это правило не распространялось. Только два человека — Яков Михайлович Свердлов и Феликс Эдмундович Дзержинский — проходили к Ильичу иным путем, минуя приемную, тогда, когда сами находили нужным. Но и они, прежде чем войти к Ильичу, созванивались с ним по телефону.

Яков Михайлович и Феликс Эдмундович пользовались третьей маленькой дверью, находившейся позади письменного стола, за спиной у Ильича. Дверь эта вела в небольшую комнату, смежную с кабинетом Ленина, именовавшуюся аппаратной.

В аппаратной круглые сутки находились дежурные, и проникнуть к Ильичу можно было, только минуя дежурных, а они никого, кроме Свердлова и Дзержинского, никогда бы не пустили.

К часовым Владимир Ильич всегда относился исключительно тепло и внимательно. Так же относился он и ко всем сотрудникам аппарата, никогда не раздражаясь и не повышая голоса, если даже возникали какие-либо недоразумения. А они возникали.

В 1918—1919 годах время от времени бывали перебои с подачей электроэнергии, и порою здания Кремля погружались в темноту. Улицы Кремля освещались тогда не электричеством, а газовыми фонарями, которые специальный фонарщик каждый вечер зажигал, а по утрам гасил.

Однажды свет погас в тот момент, когда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной возвращались домой. Дошли они до своей квартиры, а часовой в темноте их не узнал и в квартиру не пускает. Хорошо еще, что согласился позвонить начальнику караула.

Начальник караула доложил мне, и я поспешил к квартире Ильича, захватив с собой несколько толстых церковных свечей, которыми как-то «разжился» в одном из кремлевских монастырей.

Прибегаю и вижу: Владимир Ильич стоит с Надеждой Константиновной возле часового, посмеивается. Начал было я часового ругать, Ильич вступился:

— Что вы, товарищ Мальков, что вы! Нет ничего страшного в том, что товарищ нас не узнал в такой темноте, а вот обеспечить всех часовых свечами на случай, если погаснет электричество, следует. Об этом подумайте...

Часовые хорошо знали Владимира Ильича в лицо, и он обычно входил и въезжал в Кремль, не предъявляя пропуска. Нередко поэтому Ильич, уезжая из Кремля, не захватывал с собой кремлевского пропуска. Как-то он выехал из Кремля, а за это время караул сменился. На пост к Спасским воротам, которые тогда уже были открыты для транспорта, встал часовой, не знавший Ильича в лицо. Он-то и задержал Ленина. Ильич попросил его позвонить начальнику караула.

Часовой вызвал начальника караула. Тот, конечно, сразу узнал Ильича, велел пропустить, а сам позвонил мне и доложил: так и так, мол, скандал! Только я положил трубку, снова звонок. Слышу голос Владимира Ильича:

— Товарищ Мальков, прошу отметить часового, который сейчас стоит на посту возле Спасских ворот. Хороший товарищ. Прекрасно знает свои обязанности и превосходно несет службу.

Большую помощь оказывали курсанты при ликвидации различного рода контрреволюционных организаций.

Обстановка требовала со стороны курсантов постоянной боевой готовности. По сигнальному звонку «Тревога», который находился в кабинете коменданта Кремля, курсанты должны были немедленно выстраиваться в полном вооружении перед зданием курсов. Не помню уже, какое время для этого давалось, но, вероятно, самое минимальное: минуты три или четыре. Во время учебных и боевых тревог курсанты всегда показывали самые лучшие результаты.

А однажды нашу бдительность и боевую готовность решило проверить командование гарнизона. Часа в два ночи в Кремль прибыли несколько товарищей и предложили мне объявить курсам тревогу. Я нажал кнопку сигнального звонка и вместе с поверяющими вышел из комендатуры, направляясь к зданию курсов, которое находилось за углом. И что же? Подходим к зданию, а курсанты уже стоят в две шеренги с оружием и ждут распоряжений.

Поверяющие переглянулись, видимо не веря своим глазам...

Вскоре мне довелось побывать в штабе Московского военного округа. Один из работников штаба А. А. Бурдуков подошел ко мне и сказал:

— Поздравляю, Мальков. У вас в Кремле с готовностью по тревоге лучше, чем в других частях.

Конечно, мне это было приятно. О высокой оценке боевой готовности курсов я незамедлительно сообщил командованию.

Между прочим, акт об этой поверке и по сию пору хранится в делах Московского военного округа.

СМЕНА КАРАУЛА

В декабре 1918 года начальник Первых Московских пулеметных курсов приказал мне построить свой взвод и следовать в Кремль для несения караульной службы.

Все было так, как я пишу, и не совсем так. Время стерло многие детали прошлого. Многое теперь звучит проще и будничнее, чем было на самом деле.

Прежде всего, курсы возглавлял не начальник, а заведующий. И я значился на этих курсах не командиром взвода, а инструктором.

В ту пору у Красной Армии еще не было своих командиров из рабочих и крестьян. Обучение только начиналось. Многие офицеры старой армии пошли тогда на службу Советской власти. Их называли военспецами. Разумеется, военспецы были разные — честные и нечестные, колеблющиеся и нейтральные. Иные предавали, вступая в связь с послами белогвардейщины. Иные саботировали, выжидая, «как все кончится». Но многие, особенно из молодежи и прапорщиков военного времени, которых офицерская каста считала людьми второго сорта, давно мечтали о переменах в жизни России, хотели помочь голодному, измученному народу, пошли с революцией, искренне служили Родине.

Я был тогда очень молод. Отслужив два года солдатом в Ашхабаде, в 5-м Сибирском стрелковом полку, был направлен в школу прапорщиков и уже после Февральской революции произведен в прапорщики.

В Красную Армию я вступил добровольно. Не так-то просто было бывшему прапорщику попасть в ряды Ра-

боче-Крестьянской Красной Армии. До сих пор я храню ценнейший для меня документ — вырезку из газеты «Известия» (очевидно, она относится к началу июля 1918 года). Сохранил я обрывок газеты не случайно — этот документ заставил меня в тот год немало поволноваться. В начале документа было сказано:

«Опубликовывая список кандидатов, предназначенных на должность, Аттестационная комиссия объявляет, что все граждане, которые могут высказать свои соображения по поводу этих кандидатур, могут прислать письменные заявления в Аттестационную комиссию с указанием своего адреса или явиться лично в Мобилизационный отдел Военного комиссариата города Москвы (Арбат, здание бывш. Александр. воен. учил.), где и будут рассматриваться Аттестационной комиссией мотивированные заявления по поводу отвода нижепоименованных в списке кандидатур».

После такого вступления следовал список бывших офицеров, претендующих на командные должности в Красной Армии. Про меня в этом списке говорилось:

«Александр Александрович Александров, бывший прапорщик 5-го Сибирского стрелкового полка, 218-го пехотного полка и 194-го пехотного полка, младший офицер, желает занять должность командира взвода в Красной Армии».

Каждый гражданин, знавший про меня что-либо предосудительное, порочащее, мог прочесть в газете мою фамилию и немедленно дать отвод.

Я не знал за собой грехов, но все же поволновался, пока не получил удостоверение инструктора курсов, созданных из Первой и Второй революционных пулеметных школ. До этого в кармане у меня было удостоверение московского военкомата, выданное сроком всего на один месяц. В нем было указано, что я являюсь «инструктором по обучению пехоты советских войск».

Наши курсы занимали в то время два здания в Таганском районе — особняк известного богача Зимина на Большой Алексеевской улице и помещение женской гимназии в Дурном (ныне Товарищеском) переулке. В классах гимназии стояли топчаны, железные печурки и оружие. Курсанты — либо недавние фронтовики, либо впервые взявшие в руки винтовку и пулемет молодые рабочие, реже — крестьяне. По существу, тот же состав, что

и в старой армии, ведь всякая армия состоит из крестьян и рабочих. Но это были совсем другие солдаты — знающие, зачем они пошли служить; они готовы были по зову сердца, ради идеи умереть. Плохо владеющие грамотой, но больше всего озабоченные тем, чтобы «все было по справедливости», они настороженно относились даже к самому слову «приказ», особенно если он исходил от человека, который и до революции был вправе приказывать. В таких случаях курсанты задумывались: «Не есть ли это проявление старого режима, не делается ли попытка ущемить завоеванные права?»

Противоречиво было само понятие о дисциплине. До революции те же люди стояли в строю не дыша и, как автоматы, исполняли любое приказание такого «прапора», как я. Правда, в душе они ненавидели офицеров. Но приказание исполняли. Теперь о ненависти не могло быть и речи: тех, кого ненавидели, в армию бы не допустили.

Взаимоотношения с курсантами сразу сложились у меня самые хорошие, однако не обходилось и без шероховатостей. Помню, осенью 1918 года провожу в классе занятия по уставам. А нужно заметить, новых уставов тогда у нас не было и приходилось пользоваться уставами старой армии. Во время занятий получаю приказание вывести взвод на строевую подготовку. Я подал команду:

— Выходи строиться!

Ко мне подходит один курсант, стройный, худощавый юноша из нашего партийного актива, и совершенно серьезно говорит:

— Что значит «выходи»? Тут не старая армия, чтоб командовать. Можно и попросить.

Не помню точно, может быть, я и «попросил» — лишь бы поскорее построить взвод и вести на плац.

Этот юноша, выступивший «ревнителем демократии», стал впоследствии генерал-лейтенантом*. И когда мы с ним при встречах вспоминали иногда этот запомнившийся обоим эпизод, он от души смеялся вместе со мной.

Случаев, подобных этому, больше не повторялось. По крайней мере, я не помню, чтобы потом еще когда-нибудь приходилось «просить» курсантов строиться.

* Речь идет о генерал-лейтенанте В. Ф. Воробьеве, умершем в 1966 году. — *Прим. ред.*

В декабре 1918 года нашим курсам было поручено нести охрану Кремля. Весть об этом всеми нами была встречена восторженно. Курсанты и командиры со всей ответственностью стали готовиться к столь почетной службе. На следующий день мы должны были сменить в Кремле караул от Вторых Московских пулеметных курсов. И вот мне выпала честь быть начальником первого кремлевского караула от наших курсов.

Я построил караульный наряд на заснеженной мостовой Дурного переулка сдвоенными рядами.

Каждому выдали пилотку из хорошего сукна с красным кантом. Зима, холодно, но все охотно надели пилотки. Впереди построился оркестр, и под жизнерадостный марш из балета «Конек-горбунок», с винтовками на плечах, курсанты двинулись к Кремлю.

Я чувствовал себя по крайней мере полководцем во главе такого строя и в паузах между маршами, когда смолкал оркестр, четко отсчитывал шаг. Через Таганскую площадь, Яузский мост, по Солянке мы шли к Китай-городу. У Подколокольного переулка я, не стесняясь и не сдерживая себя, гаркнул:

— Караул, стой!

Отдых в пути был предусмотрен. Я отлично помню и маршрут, и место привала — именно у Подколокольного переулка, потому что был в этом заинтересован лично: на Солянке жила моя невеста. Времени для свиданий у меня не хватало. На курсах я дневал и ночевал. А тут вдруг такой отличный повод для встречи! И позже, отправляясь в караул, я обязательно звонил невесте по телефону и предупреждал, что мы встретимся на углу Подколокольного переулка. Конечно, мне было лестно, что она увидит меня во главе строя красных курсантов. Взгляды тогда на нас бросали разные: Москва купеческая и торгашеская презирала, хотя и побаивалась; люди рабочие любовались, радовались, что появилась своя надежная сила. А я гордился тем, что мне эту силу доверили.

В Кремль мы вошли через Троицкие ворота. Кремлевские улицы не были расчищены от снега. Мы протапывали тропу в глубоком снегу, маршируя к кремлевским казармам.

Перед караульным помещением и гауптвахтой, рядом с красным крыльцом, я развернул строй фронтом. При-

шли представители комендатуры, вручили мне все необходимые инструкции.

Развернутым фронтом построился караул, на смену которого мы пришли. Им командовал Станислав Викентьевич Искржицкий, бывший офицер, который служил на Вторых пулеметных курсах в Аптекарском переулке. Я стоял на правом фланге, против начальника сменяемого караула. Мы оба, с обнаженными пашками, вышли на середину между строями и обменялись паролями. Каждый строй четко развернулся: один — на выход из Кремля, другой — в караульное помещение.

Ко всяким церемониям тогда, естественно, относились сомнительно, как к ненужной «мишуре прошлого». Но против этой торжественной церемонии никто из красных курсантов не возражал.

Не раз видел я смену дворцового караула в Кремле. В дореволюционное время, когда царь и его двор обитали в Питере, в Зимнем, доступ сюда, в Кремль, для нас, московских мальчишек, был открыт. Я мог подолгуглазеть на часовых, важных и нарядных, на весь церемониал смены караула, производимый на том же месте, где мне предстояло действовать сейчас. И хотя годы революционной ломки гигантским барьером отделяли один церемониал от другого, мне хотелось провести его именно так, как я наблюдал смену караула в детстве.

Я нахожу — и убежден в этом, — что ритуал и торжественность создают у часового определенное настроение. Одно дело сказать человеку: стой тут и неси охрану. Другое дело — вручить ему пост со всеми воинскими церемониями. Это настраивает на глубоко серьезный лад. А комендант Кремля, инструктируя нас, потребовал, чтобы мы сразу же внушили часовым строго уставное отношение к караульной службе.

Начальнику караула не разрешалось прилечь даже ночью. Постов много — и на кремлевских стенах, и у ворот, и у хранилищ ценностей, и в здании, где размещалось правительство. Надо было то и дело поверять несение службы, приучая людей к бдительности. И тут, совершенно неожиданно для меня, первыми и самыми настойчивыми помощниками стали те, кому еще накануне не нравился приказ «Выходи строиться».

Каждому хотелось скорее увидеть Ленина. Некоторые уже слышали его выступления и встречали на заводах

Москвы. Я еще не видел Владимира Ильича. Я знал, что после ранения он выздоровел и уже работает в Кремле. Возле его квартиры назначены два поста: один, № 19, у черного хода, другой, № 27, — в коридоре, соединяющем квартиру с Совнаркомом. Был тогда пост и возле кабинета. Значит, первый, кто попадет на один из этих постов, увидит Ильича...

Когда часовые с 27-го и других постов в Совнаркоме вернулись в караульное помещение, мы устроили им форменный допрос. Так повторялось не раз. Каждая встреча с Лениным становилась общим достоянием: что сказал, что спросил, как подошел, как посмотрел; быть может, именно поэтому даже теперь, много лет спустя, бывшие часовые хорошо помнят каждую деталь этих встреч, каждое произнесенное Лениным слово.

Отдежурив положенные дни в первом карауле, мы строем вернулись из Кремля на Таганку. Нас сменял караул Вторых пулеметных курсов.

Так мы посменно ходили в Кремль — с Таганки и из Аптекарского переулка — до февраля 1919 года. Иногда по ночам в караульном помещении появлялся комендант Кремля Павел Дмитриевич Мальков. После проверки караула он обыкновенно задерживался и многое рассказывал бодрствующей смене. Вполне понятно, что нас больше всего интересовало каждое его слово о Ленине. Товарищ Мальков рассказывал, как работает Владимир Ильич, о его скромном образе жизни, исключительной внимательности к людям и отзывчивости на их просьбы. Мы жадно ловили каждое его слово. В эти минуты я жалел, что был караульным начальником, а не рядовым или разводящим.

Часовыми у квартиры и кабинета Ленина назначались коммунисты. И не просто члены Коммунистической партии, а ротный актив — самый отборный, боевой рабочий народ. И самый горячий. Я строго инструктировал часовых, как должно вести себя на постах, как приветствовать главу правительства.

Ленин, подойдя к часовому, обычно говорил:

— Здравствуйте, товарищ курсант.

Как же тут не ответить: «Здравствуйте, Владимир Ильич»?!

При всей своей приверженности к порядку против этого никто не мог возразить. Да и о каком «порядке»

может идти речь, если глава правительства здоровается с часовым: ведь это не предусмотрено никакими уставами, никакой практикой армий мира. Часовых обычно просто не замечают. А тут, оказывается, Ленин не только здоровается, но и расспрашивает — кто, откуда, что пишут из дому. Он видит перед собой не просто часового, а рабочего и крестьянина с винтовкой в руках.

За годы службы в Кремле я видел Ленина не раз. Встречал его на кремлевских улицах, слушал на Красной площади в первомайский праздник 1919 года, однажды даже занимался при нем строевой подготовкой со своим взводом, сдавая зачет поверяющему; Ленин подошел поближе и некоторое время наблюдал за нами, пока не заметил, что курсанты волнуются и «подводят» своего командира. Мне запомнились жесты Ленина, голос, лицо, и теперь, спустя пятьдесят лет, я невольно становлюсь придирчивым, когда смотрю спектакли и фильмы, в которых показан Ленин.

Самое сильное впечатление в моей жизни оставило одно слово, впервые мною услышанное от него, — «товарищ».

— Здравствуйте, товарищ! — сказал Ленин, когда я впервые столкнулся с ним лицом к лицу, поверяя караулы в здании Совнаркома.

Слово «товарищ» звучало в его устах как-то особенно тепло и сердечно. При встречах с ним надо было торопиться, чтобы поздороваться, потому что Владимир Ильич сам спешил поздороваться первым.

В январе 1919 года наши и Вторые Московские пулеметные курсы решено было перевести в Кремль, пополнить их курсантами из других городов и создать крепкое военно-учебное заведение, которое одновременно будет нести караульную службу. Так появились Кремлевские курсы.

Более пятидесяти лет назад нам пришлось нести первый караул в Кремле. Навсегда останутся в памяти и этот караул, и учебные будни курсов. Учеба была напряженная, часто ходили в караул, но я не помню ни жалоб, ни какого бы то ни было недовольства трудными условиями службы со стороны курсантов.

Не помню, чтобы на кого-либо накладывались дисциплинарные взыскания. Курсантский состав отличался высокой революционной сознательностью. Трудности

лишь закаляли нашу волю. Высокая сознательность и постоянная готовность личного состава к преодолению любых трудностей были в большой мере результатом работы партийной организации курсов.

Я храню документ за подписью нашего комиссара, выданный мне в девятнадцатом году в Кремле. В нем в духе того времени было написано:

«Дано сие взводному командиру Первых Московских советских пулеметных курсов командного состава РКК Армии товарищу Александрову Александру в том, что он состоит на платформе Советской власти, что подписью и приложением печати удостоверяется».

ДУХ ВРЕМЕНИ

Да, это я был тем «ревнителем демократии», о котором вспоминает мой взводный командир восемнадцатого года Александр Александрович Александров.

Не могу ручаться, что именно так я ответил на его приказание. Возможно, другими словами, это не столь существенно. Важно то, что это вполне соответствовало моему тогдашнему настроению, духу времени. Вот об этом духе революционного времени стоит рассказать.

Восемнадцатый год. Осень. Разруха и голод. Кусок воблы и пол-ломтя хлеба — сущий праздник. Но для нас, рабочей молодежи, все это было не более чем мелочи. Главное — революция. Только что свершилась Октябрьская революция, и Советской власти еще нет года. А зубы на нее точат со всех сторон.

Что там фронты — англичане, Каледин, Колчак! В самой Москве, тут, на нашей Рогожской стороне, того и гляди всадят в спину нож. Офицеры перерядились в солдатские шинели. Чисто одетый рабочий парень выглядит среди этих ряженных аристократом. Торгаши нацепили тряпье. Только по физиономии видно породу. И по взгляду. Взгляд в лицо, взгляд в спину — злобный и мстительный. А в дни плохих вестей с фронта — злорадный.

С начала года я служу в рабочей милиции. Помогаем чекистам: трясем буржуев, ловим уголовную шпану, воюем с анархистами и эсерами. Еще в феврале меня приняли в партию. На бюро райкома некоторые сомневались: молод. Рекомендаций письменных не было. Главная рекомендация — дело: воевал за большевиков

или не воевал. Меня хорошо знал старый большевик Василий Федорович Федоров, рабочий завода «Гужон», знал всю нашу семью. А я был рабочим кабельного металлопрокатного завода Подобедова. На бюро райкома Федоров сказал: «Знаю его, ручаюсь...» А сам он — член райкома. Приняли. Прошло несколько месяцев, и я из милиции смог, наконец, перейти в ряды Красной Армии.

Вся Москва в плакатах: на фронт, на защиту республики! Это особый стиль — плакаты гражданской войны. Недавно вышел сборник репродукций этих плакатов*. Люблю их рассматривать. Люблю их грубый почерк, резкие краски. Они возвращают меня в незабываемые годы революции и гражданской войны.

Со всех плакатов броско зовут слова: «Иди запишись в Красную Армию!»

В Рогожско-Симоновском районе создавался рабочий полк. Я решил в него вступить. В районном военкомате спросили:

- Рабочий?
- Да. Слесарь.
- Образование?

Я испугался: не возьмут. Учился я в школе при железной дороге, потому что отец был путевым сторожем, и проучился всего пять лет. Пять классов образования! Военком посмотрел на меня, вздохнул и спросил:

- Коммунист?
- Да.

А военком говорит:

— Образованный рабочий и коммунист. Это же клад. Тебе надо учиться на командира. На командные курсы пойдешь?

Я что-то сказал про незаконченное образование и про свой возраст. Но военком знал, что говорил. Пять классов — по тому времени тоже солидное образование. Он только усмехнулся, написал мне направление и подает:

— Иди. Будешь курсантом.

Так осенью 1918 года решилась моя военная судьба.

Я не собирался стать профессиональным военным. Не думал, что после гражданской войны мне доведется

* С момента выхода сборника прошло более десяти лет. —
Прим. ред.

кончить еще две военные академии. И уж никак не предполагал, что через двадцать лет стану советским генералом. Само слово «генерал» было для меня в восемнадцатом году враждебным, связанным с контрреволюцией. Я шел на военную службу, чтобы защищать Советскую власть. Или погибну, или вернусь живой на завод. Кем буду после гражданской войны, я, пожалуй, и не задумывался. Больше всего волновало, чтобы во всем мире была революция, чтобы всюду для рабочего человека установилась справедливость и чтобы все делалось сознательно. Все, связанное с муштрой, дисциплиной, чинами и званиями, я считал фельдфебельщиной. То было в старой армии. Нам оно ни к чему. Главное — хорошо стрелять, крепко бить врагов.

А тут — учиться на командира. С этой мыслью еще надо было свыкнуться. Как же это я буду командовать?

Впрочем, главное остается тем же: скорее оружие в руки и — на фронт.

С такими чувствами я пришел в Дурной переулок, в бывшую женскую гимназию, в третий взвод, которым командовал бывший прапорщик Александров.

Прошло столько лет, а я помню взводного как своего первого военного наставника. Представляю себе, как ему было трудно справиться с нами и с самим собой.

Так я рассуждаю теперь. А тогда я был молод, горяч, необуздан, все внутри бунтовало против только что свергнутого строя, и всякий человек из другого мира вызывал настороженность. Я вырос в Рогожско-Симоновском районе. Недаром этому району потом дали название Пролетарский.

Помимо фабрик и заводов в нем были размещены и два кадетских корпуса. Для меня, сына рабочего, все эти кадеты, юнкера, офицеры были кровные враги. Они тянули Россию назад, к монархии. И с ними еще до Октябрьских дней шла кровавая борьба за власть.

Таково было состояние моей души, быстро признавшей необходимость революционной дисциплины и строгого порядка, но все же болезненно реагировавшей на командный тон.

Мне дорог дух революционного времени, и я вспоминаю о нем всегда с волнением. Мы привыкали относиться к людям определенно — либо друзья, либо враги. Только равнодушия мы не знали.

Горячность мою охлаждал мой товарищ по взводу Иосиф Иванович Кузин, старший друг. Старший — всего лишь два года разницы! Но во времена войн и революций даже год разницы может быть решающим.

Кузин обладал бóльшим, чем я, практическим жизненным опытом. Он с малолетства батрачил, работал в Юзовке и многих других городах России, на фронте империалистической войны был солдатом — а ведь и я в пятнадцать лет убежал из дому на фронт и даже добрался до Варшавы. Кузин и на курсах оказался уже старожилом — он провел лето в лагерях на Ходынском поле. В офицерах он разбирался лучше меня: видел их на фронте и в тылу, громил у себя на родине, сражаясь с кулацкими бандами. Он мог сразу определить: этот с нами, этот против нас. Кузин хорошо знал самое передовое оружие того времени — пулемет: он служил под Петроградом, в полку пулеметчиков-кольтистов. И главное, Кузин вступил в партию большевиков на год раньше меня: а то был не простой год — год Октября! Словом, Кузин сразу стал для меня и товарищем по взводу, и авторитетом, и в какой-то степени партийным наставником, подобно моему поручителю на бюро райкома, старому большевику Федорову.

У каждого человека, очевидно, бывают на разных этапах жизни встречи с людьми, оказывающие на его развитие решающее влияние. В те годы для меня это были встречи с Федоровым, Кузиным, политруком Ворганом и, конечно, с Лениным.

Я не случайно перечисляю фамилии этих товарищей одновременно с именем Ленина. Конечно, имена несопоставимые, но связь естественная, жизненная. Ленина знали многие миллионы людей. Близко его видели только тысячи. Обаяние его личности и значение личных встреч огромное. Но дело не только в личных встречах. Дело в громадном влиянии Ленина на наше и на последующие поколения. Дело в том коммунистическом духе, который он утверждал, в том, что мы до сих пор называем ленинским стилем жизни. А это явление настолько обширное, что невольно хочется говорить обо всех товарищах, которым ты обязан партийным воспитанием, о ленинцах, у которых мы учились.

Рабочий-большевик Федоров — это тоже частица Ильича. Мягко высмеяв мои романтические побеги «в

окопы», он ввел меня в настоящую жизнь и убедительно внушил, чего должен добиваться рабочий человек. А ведь и ему не чужда была романтика, и, когда в девятнадцатом году мы привезли с фронта эшелон хлеба рабочим Рогожской стороны, он сам стал проситься на фронт и уехал с нами.

И мой политрук на фронте, Игнатий Ворган, которого я только что упомянул, тоже был носителем пролетарского духа, ленинской простоты, честности и чистоты. Помню нашу совместную службу с ним на Восточном фронте, на родине Ильича, в Симбирске, где я командовал ротой. Я поселился в поповском доме, на спуске к реке, и предложил политруку занять соседнюю комнату. Он отказался, утверждая, что политрук должен всегда жить в казарме, рядом с бойцами. Мы изголодались, а попадья вкусно кормила. Политрук Ворган сказал, что он должен быть за одним столом с красноармейцами. На всю роту приходила одна газета. Политрук получал ее первым, чтобы за ночь всю проштудировать, а потом так пересказать бойцам, что сама редакция могла бы позавидовать этому. Большинство красноармейцев ходили тогда в лаптях и обмотках. Я раздобыл у тыловиков валенки для всей роты. Переобулся, конечно, и политрука. А он дня через два снова приходит в лаптях, смущенный, и говорит: отдал, мол, валенки Саше.

— Какому, спрашиваю, Саше? Это дружку твоему?

— Ему, — подтверждает виновато Ворган, испытывая передо мной неловкость, хотя по возрасту он был много старше и большевиком стал задолго до революции.

А я сгоряча возмутился:

— Так это же красноармеец из другой роты. Пусть его командир и достает ему валенки!

— Ну и что ж, что из другой роты, — сердито ответил Ворган. — Я-то на посту не стою. А ему холодно на посту стоять. Ему нужнее.

Пустьяковый, кажется, случай, а запомнился навсегда.

Таким же был и наш партийный вожак на курсах Иосиф Иванович Кузин, коммунист ленинского поколения.

Я расскажу лишь один эпизод из моей партийной жизни восемнадцатого года, когда Кузин дал мне серьезный урок.

Это было в канун перевода наших курсов в Кремль.

Меня избрали председателем партийной ячейки роты, — наверно, за горячность и искренность. А Кузин был председателем бюро партийной организации наших пулеметных курсов. Организация многочисленная, большинство курсантов — коммунисты. Кузина любили, верили ему. При этом он оставался таким же курсантом во взводе, как и все. Ни в чем себя не выделял, делил с нами голод и холод. Впрочем, это было нормой поведения, естественным явлением времени. Правда, на наших ротных партийных собраниях Кузин не всегда бывал: часто его отвлекали поручения райкома на заводах. Мы тоже нередко выполняли такие поручения, ходили на рабочие собрания срывать выступления эсеров. Не был он на нашем собрании и в тот раз, когда ячейка решала персональное дело одного курсанта. Назову этого курсанта Галкиным: он здравствует и по сей день, и, возможно, не стоит напоминать ему историю многолетней давности.

Курсант Галкин был некурящим. Но махорку получал, как и все. Махорка и хлеб — золото восемнадцатого года. И вот мы узнаем, что член нашей партийной организации, курсант Галкин, выменивает у товарищей махорку на хлеб. Узнаем случайно: видим — один голодает, другой голодает, уже так подтянули животы, что на последней дырке ремень едва держится. А дымят день и ночь. Но ведь махоркой хлеба не заменишь?..

Одно дело — был бы такой меняла парнем деревенским, мелкобуржуазные склонности которого не так скоро истребишь. Но Галкин — парень городской.

Я срочно созвал президиум ячейки и вызвал Галкина.

Он ничего особенного в своем проступке не нашел. Даже не считал это за проступок. Мне, говорит, положено, я получаю. Мне нужен хлеб — им табак. Я же, говорит, не граблю, не ворую, отдаю свое. За мой табак получаю законную замену.

«Мое», «мне положено», «я получаю» — как все это резало слух рабочим парням, для которых любое понятие о собственности, вплоть до собственности личной, было враждебно. Вот он, мелкобуржуазный торгашеский дух, дух алчности и наживы, который нам ненавистен! Мы волновались и горячились, изничтожая в пух и в прах Галкина, произносили пламенные речи и постановили единогласно: за спекуляцию из партии исключить.

Сразу же собралась вся ячейка. Галкин опять упорствует: я, мол, ни у кого не украл.

Потерпевшие стесняются, говорят что-то в защиту: «я сам ему предложил», «я не голоден».

Нас же такой интеллигентщиной с толку не собьешь, мы — твердокаменные. Что значит «сам предложил» или «кто-то навязал»? Для коммуниста тут разницы нет.

Ты лишил товарища пайка. Ты с целью наживы воспользовался его слабостью. Ты за его счет выделил себе двойную порцию. Значит ты — эксплуататор. А ведь только что свершилась революция, и всякий эксплуататор — наш враг. Государство дает нам паек, ничего не получая взамен. Мы учимся, а нас кормят. Рабочий недоедает и свою долю отдает нам, чтобы мы скорее стали сильными и пошли воевать. А ты этот паек у товарища забрал и ослабил его. Значит, ты ослабил революцию. В партии тебе места нет.

Мы были беспощадны, мы умели поднимать дело на принципиальную высоту. Колеблющихся не оказалось. Проголосовали единодушно: Галкина исключить.

А через день и меня на бюро партийной организации курсов «подняли на принципиальную высоту». Кузин дал мне жару: ты, говорит, загибщик, горячка, а не партийный руководитель. Он кто, Галкин? Кулак, капиталист? Он еще темный человек, малосознательный. Его надо воспитывать, а не рубить сплеча.

Я страшно обиделся: Галкин спекулировал, а кроют меня.

Бюро воздало каждому свое: Галкину — строгий выговор, пусть продумает и поймет, а с Воробьева спрос особый — председатель партячейки должен действовать не дубинкой, а большевистским словом; несознательных людей надо перевоспитывать. Я, конечно, долго не мог успокоиться и где-то в глубине души был доволен, что все же с собой Галкина не взяли, он остался на других курсах, вне Кремля. Но для меня это был урок, он стоил года учебы в классах.

А учились мы, по совести говоря, мало. До перевода в Кремль, пожалуй, больше всего митинговали. Мы были заняты с утра до ночи, не считались ни с отдыхом, ни со сном, были готовы в любую минуту мчаться на любой завод, на любой митинг, разгружать вагоны на товарных станциях, исполнять поручения ЦК, участвовать в обла-

вах и меньше всего проводили времени в учебных классах. А срок оставался ничтожный — в апреле выпуск, и наше место на курсах займет следующий набор будущих красных командиров.

И вот тут-то многое сразу изменилось. Началась трудная, но очень напряженная военно-учебная жизнь. Вначале как-то я не придавал большого значения тому, что мы идем в Кремль, в караул. Но когда мы пришли туда, я сразу ощутил перемену. Из гущи городских страстей, из шума митингов и разноголосых споров мы сразу же попали в обстановку сурового фронтового штаба. Да, фронтового. Отсюда тянулись нити управления на все фронты гражданской войны. Сюда стекались люди не только со всей России, но и из других стран. И мы, часовые Кремля девятнадцатого года, сразу почувствовали это.

В коридоре между постом № 27 и кабинетом Председателя Совнаркома стояли телеграфные аппараты. В комнатке за кабинетом был правительственный пункт связи. Ленин и наркомы отсюда управляли боевыми действиями на фронтах.

Когда я впервые оказался на посту № 27 и увидел Ленина близко, я не собрался с духом спросить у него пропуск. Он, правда, сам вынул этот пропуск заблаговременно, показал его и быстро прошел в квартиру. Я увидел, что Ленин не теряет и минуты зря. Работал он, как говорится, от зари до зари.

На I конгрессе Коминтерна я стоял часовым у входа в президиум. Ленин прошел в зал до начала конгресса. Я приоткрыл портьеру: Ленин устроился на ступеньках сцены и что-то писал. Делегаты входили в зал, стараясь ему не мешать. Он, очевидно, любил вот так сидеть на ступеньках и работать — об этом мне рассказывали многие товарищи, которые и раньше и позже бывали на съездах и конгрессах, в которых участвовал Ленин. Ему, видно, не мешало присутствие многих людей, шум, хоть и сдержанный, но шум. Так его поглощало дело. К нему подошла Надежда Константиновна Крупская, в черном платье, с карандашиком на серебряной цепочке, — вот почему-то отпечаталась в памяти такая деталь, — и они ушли куда-то.

С Н. К. Крупской Ильич регулярно выходил на прогулку по кремлевским улицам. Конечно, им не следовало

мешать. Но я ничего не мог с собой поделать: в свободные минуты выскакивал из казармы в надежде «случайно встретить» Ленина. Не потому, разумеется, что он возглавляет правительство — всякое чиновничество было для нас чуждым, — а потому, что это был Ленин. Так притягательна была сила его личности.

Три месяца службы в Кремле не могли, конечно, превратить нас в настоящих командиров. Но перелом наступил. Для своей будущей службы в армии каждый получил сильный заряд.

Мы отправлялись на фронт. Как красным офицерам, каждому из нас вручили кортик и шпоры. Мы же потребовали настоящего оружия и так шумели, что прибежал комендант и всем выдал по нагану.

На фронте все вошло в свое русло. Мы становились настоящими красками, суровыми людьми. И недаром враги прозвали кремлевских курсантов «ленинские юнкера». Мы старались быть достойными ленинского революционного времени.

ПРАВДИВОЕ СЛОВО

Мне остается немногим дополнить то, что рассказал Василий Фролович Воробьев. Мы служили в одном заводе, состояли в одной партийной ячейке, в одной смене караула охраняли квартиру Ильича. А потом вместе с красками первого выпуска в одном и том же вагоне ехали на фронт, где и расстались надолго. Горячая это была голова — Василий Воробьев! И хоть все мы не были людьми хладнокровными, но таких горячих приходилось для пользы дела остужать.

Он говорит, что я влиял на него. А разве на меня не влияли? На фронте, еще в феврале 1917 года, я получил первые уроки большевиизма. Наставником нашим был петроградский рабочий Буров. В большевистскую партию он вступил еще до февраля. Мы познакомились с ним в окопах под Молодечно. Коренной рабочий, он всегда отличался от других высокой пролетарской сознательностью. У него и голова яснее работала. Сам я корнем из деревни: мать кухаркой ходила по помещикам, отец рано надорвался в батраках и умер, когда ему еще не было тридцати. Был я и подпаском, и учеником на огнеупорном кирпичном заводе, и мастеровым, но крестьянская психология все же долго сказывалась. Когда после Февральской революции в полку был митинг, один эсер из офицеров стоял на трибуне и ораторствовал:

— Братцы! Землю дадим крестьянам, как только разобьем германца.

Что еще нужно окопному солдату? Большинство из них крестьяне — земля нужна. А насчет «германца

разобьем» — мимо ушей. Я вместе со всеми что есть сил кричал «ура».

Тут Буров дернул меня за шинель и громко, чтобы слышали все, выговорил:

— А на кой ляд нам земля, коли сами будем в земле.

Сказал он это не с трибуны, а из толпы. Эдак спокойно, будто своему соседу высказал. А услышала вся масса. Всех облетела крылатая фраза. И все закричали. Сначала «долой войну», потом — «даешь землю».

И ораторствовать Бурову не пришлось — такова сила простого и правдивого большевистского слова. Муть в голове сразу развеялась, все стало ясно, до самого сердца дошло большевистское слово.

Буров мне сказал:

— А ты поразмысли. Не мной оно придумано, это слово. Ленин так говорит: долой войну.

И он рассказал об отношении большевиков к империалистической войне, о превращении войны империалистической в войну гражданскую, о предательстве меньшевиков и эсеров и о многом другом — все в доступных моему пониманию простых словах. Вот тогда-то я и вступил в ленинскую партию.

Она была самой для меня понятной партией и от всех других, помимо всего прочего, отличалась тем, что в нее никто не завлекал трескучими, пустыми лозунгами. В нее звал свой брат — солдат, как в партию дела.

Я слышал Ленина не раз — в 1918, 1919, 1921, 1922 годах, но особенно врезались в память две его речи: на I (Учредительном) конгрессе Коминтерна и на Съезде Советов в Большом театре — проездом с фронта мне тогда случайно довелось побывать в Москве. В его речах все было понятно, все просто. Говорил он, как известно, прекрасно, зажигательно и свободно. Это отличало Ильича от других «ораторов» того времени. «Ораторами» для нас были те, кто ораторствовал между двумя революциями, уговаривая идти умирать за Гучкова, Милюкова и Временное правительство. А это был трибун революции, выражавший наши мысли, до которых ты сам, может быть, и не додумался, но тебе казалось, что они взяты Лениным из тайников твоего сердца. Его слово было тем словом правды, которого рабочий и крестьянин ждали много лет. И я не раз вспоминал солдата Бурова: это он впервые донес до нас правдивое ленинское слово.

Мы знали, что курсы красных командиров созданы по предложению Ленина, знали и о его добром отношении к курсантам. Оно было не случайным. В каждом выступлении, объясняя обстановку на фронте, Ильич говорил о необходимости скорейшего строительства Красной Армии, которая обязательно разобьет всех белых и иноземных генералов. Тот, кто побывал в окопах, ясно понимал, что без военной науки армии не построить. Нужна паука, но ею владеют те, кого обучали в училищах и академиях при царе.

И в царской армии мы видывали разных офицеров. Не буду говорить о тех, которые били морду солдатам — те сразу ушли к Корнилову или в кулацкие банды. После Октября у себя на родине, в Болховском уезде, Орловской губернии, я встречался с такими офицерами в бою. Они поднимали кулацкие мятежи, чинили зверские расправы над рабочими, посланцами партии в деревне, сажали на вилы большевистских агитаторов. Но были и другие офицеры старой армии — те, что потом присматривались к Советской власти, шли за ней с колебанием или без колебаний. В Ораниенбауме был такой генерал Филатов, ему подчинялась Ораниенбаумская офицерская школа и наш, расположенный в Стрельне, 2-й пулеметный полк кольтистов. Филатов еще в шестнадцатом году приезжал к нам в полк и устраивал массовые опросы солдат: нет ли мордобития, не позволяют ли себе господа офицеры рукоприкладства. Это очень отличало его от военачальников царского времени. Раз сам начальник осуждает такое обращение с солдатами — мордобоя в полку не будет. Недаром лучшие офицеры, которые долгие годы обучали курсантов в Кремле, пришли именно из Ораниенбаума: это и Станислав Викентьевич Искрицкий, и однофамилец нашего командира взвода Александров Леонид Григорьевич, бывший полковник из Ораниенбаумской офицерской школы, который был вначале заведующим курсами, а потом начальником Школы имени ВЦИК. Такие люди переходили на сторону Советской власти без оглядки. И работали без оглядки на свое прошлое, хотя мы к ним присматривались, а иногда и придирались.

В тот период помимо комиссара всю деятельность командиров-военспецов строго контролировала партийная организация — президиумы ячеек и бюро курсового

партколлектива. Мы постоянно вмешивались в дела командования. Горячих и запальчивых сдерживали, но и сами не были тихонями, пока не установилось единоначалие и бывшие офицеры не растворились в массе новых, красных командиров.

До перехода в Кремль весь упор на курсах делался на политическую работу вне казармы — куда пошлют на митинг или агитатором, туда и спешим на помощь, хотя это и наносило ущерб основному делу.

В Кремле мы научились дорожить временем — примером для каждого был прежде всего Ленин.

Остановив первого же курсанта и расспросив его, откуда он и как живут родители в деревне, Ленин интересовался, как нас обучают. Таких непродолжительных бесед курсантов с Ильичем было много. О них тотчас становилось известно бюро партийной организации курсов.

До выпуска оставались считанные недели, а мы кроме учебы были еще заняты очень серьезной и трудной караульной службой.

Командиры и преподаватели добросовестно взялись за нас, наводили порядок. Начались такие занятия, какие были раньше в любой офицерской школе. Мы понимали, что у наших курсов есть одна особенность: все обучение — в четыре месяца, а объем необходимых знаний огромен. Возможно, следующая смена будет заниматься методичней и спокойней. А нам — некогда. Нам надо на фронт, где решается главное: быть или не быть Советской власти.

На общем собрании курсантов заведующий учебной частью доложил о программе строевой подготовки, убеждая нас, что без выправки, знания уставов и дисциплины нет армии. Мы подняли шум, что нам не нужна сейчас муштра. Большинство из нас — солдаты старой армии. Мы уже намаршировались досыта. Нам бы грамоты побольше, в том числе и военной, и оружие как следует изучить. Горячились, шумели, нервничали, требовали.

Трудно многому научить курсантов, которые так далеки по культуре и подготовке от юнкеров. Но мы были жадны до знаний, и наши преподаватели сумели это оценить. Без учебников и пособий, без уставов и наставлений мы схватывали азы военных дисциплин. А что

касается оружия — тут пригодился опыт старых солдат. Таким юнцам, как Воробьев, завязывали глаза и заставляли разбирать и собирать «максимы», «гочкисы», «кольты» вслепую.

Наш выпуск был первым в Кремле. 1 мая 1919 года мы получили воинские звания «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Уезжая из Кремля на Восточный фронт, мы приняли и подписали резолюцию-платву:

«Здесь, в центре Мировой революции, мы, красные офицеры, клянемся, что до последнего патрона и винтовки будем отстаивать диктатуру пролетариата, клянемся не вернуться с фронта до тех пор, пока не будет беспощадно раздавлена буржуазия с ее диктаторами, Колчаком и прочими царскими генералами, пока Красное Знамя трудящихся не будет развеяться там, где теперь царство угнетателей и паразитов.

Да здравствует наша победоносная Красная Армия!

Да здравствует наша Мировая рабочая революция!

Да здравствует дорогой вождь Всемирной революции Владимир Ильич Ленин!

Да здравствует III Интернационал!

Выпускные красные офицеры 1-х Моск. сов. пул. Курсов состава РККА».

В 1919 году, в бою под Курском, меня ранило. Я отлежался в санитарном поезде возле Орла, а оттуда получил направление в тыловой госпиталь — через Москву в Казань.

Со станции Рогожская я позвонил в Кремль начальнику курсов Александрову и доложил, что кремлевский курсант воевал, был ранен, а ныне едет долечиваться в тыл. По совести говоря, боялся я звонить начальнику курсов: может быть, он запомнил, как бунтовали мы против муштры. Но я ошибся. Начальник курсов обрадовался мне, своему питомцу, и приказал:

— Ждите. Пришлю за вами лошадой.

На пароконной пролетке, через всю Москву, меня доставили со станции Рогожская в Кремль и я предстал перед товарищем Александровым. Попал как в родной дом. Полковник Александров представил меня заместителю комиссара бывшему политкаторжанину Петропавловскому с гордостью, думаю, большей, чем представлял когда-то царским сановникам своих подчиненных по

сфицерскому училищу. Я был оборван, разут, раздет, как и всякий раненый, приехавший с фронта в 1919 году. Меня переодели с ног до головы и, отправляя дальше, взяли слово: вылечусь — явлюсь в Кремль.

Мне довелось потом послужить и в Школе имени ВЦИК. Но я чувствовал призвание к партийно-политической работе. Был и комиссаром полка, и чекистом, боролся с детской беспризорностью, потом перешел на транспорт.

Все минувшие годы я не отходил от партийной работы. В какие только передряги не бросала меня жизнь! Но правдивое ленинское слово всегда оставалось для меня самой крепкой и надежной опорой.

СМОЛЕНСКИЕ ХОДОКИ

Открылась дверь главного входа, и в коридор с лестницы вошли трое крестьян — в лаптях, в домотканых кафтанах, длиннобородые и седые.

У меня защемило сердце: родня. Сразу вспомнил нашу деревню Крочишки, под Двинском. Нас осталось семеро сирот, я плохо помнил отца, но он был таким же бородатым, сморщенным и седым, как вот эти ходоки.

Трое крестьян осмотрелись в коридоре, увидели человека с ружьем, смяли шапки и, кланяясь в пояс, пошли ко мне.

— Деда, не надо кланяться, — шепнул я старикам.

— Мы смоленские, сынок, — не поняли меня старики. — Мы к Ленину. — И снова поклон в пояс.

— Дед, — повторяю я чуть погромче и оглядываюсь на часового в другом конце коридора: нельзя же мне разговоры тут разводить. — Здесь кланяться запрещено. Унижение это.

— Мы с уважением, сынок, — не понимают меня старики. — К Ленину.

— Не любит Ленин поклонов. Обидится на вас.

— На уважение и подношение обиды не бывает, — сказал один из стариков. — Допусти нас, сынок, к главному. Век тебя будем благодарить.

«Ну как же им разъяснить? Да еще мне, часовому, когда разговаривать запрещено». Я стою «смирно» и бормочу им, поглядывая по сторонам. Идите, говорю, в приемную, ждите там. Скоро придет женщина, Ленина секретарь. Ей все расскажете.

Слышу — шагает смена, идет разводящий по лестнице. Беда мне может быть.

— Вы меня, деды, не подведите, — шепнул я старикам. — Отойдите в сторонку. Мне с вами разговаривать не положено. Только кланяться не смейте. Говорю вам, недоволен он будет за ваше унижение. Тут не баре и не господа.

Разбередили мне душу эти смоленские ходоки. Хоть я с малых лет месил за полтинник в день глину ногами на кирпичном заводе, хоть поработал я и слесарем в трамвайном парке в Москве, а все ж крестьянская косточка во мне сильна. Я очень страдал из-за любой несправедливости, а вся юность прошла только в обидах да в горе. Империалистическая война разнесла нашу семью по свету. Трех братьев погубила: одного убили немцы, другого — Колчак, третьего мы с сестрой отыскивали в грудe трупов в тифозных бараках в Москве. Где остальные — не знаю, родные края теперь оставались за рубежом.

Я думал, сколько в России таких, как эти ходоки, живут надеждой на Советскую власть. Приглядываются, не доверяют, взвешивают. Нередко они заходят и к нам, к курсантам. Знакомые или родители — это тоже ходоки. Некоторые приезжают из далеких губерний, привозят из села белые сухари, яички, масло. Ворчат, когда сыновья сдают все в общий котел, а потом ходят по Кремлю, приглядываются, как живет новая власть.

Выходя от Ленина, ходоки мне уже не кланялись — сказали, что Ильич их пристыдил.

— Мы рассказали ему про свою беду, и он про уезд, про все расспросил, все на бумажку записал, пообещал помочь в нашем деле.

В конце 1919 года, когда мы, выпускники, уезжали на фронт, нас напутствовал Ленин. Обращаясь к нам с речью, он сказал, что мы, будучи сынами рабочих и крестьян, должны честно выполнить не только воинский долг перед революцией на фронте, но и разъяснить всем и всюду политику Советской власти. Мы должны быть и командирами и пропагандистами. Владимир Ильич сказал нам:

— Для того чтобы вы могли лучше разъяснять и пропагандировать, надо хорошо знать, что пропагандируешь, а для этого больше читайте, учитесь и наблюдайте.

Я провоевал против белых до конца гражданской войны. Служил и на бронепоезде, ходил в бой против басмачей. Еще на фронте я приобрел библиотечку. Всюду, где мог учиться, учился. А потом поступил на вечерний рабфак, окончил Химико-технологический институт имени Менделеева, аспирантуру и теперь обучаю студентов на кафедре общей органической и неорганической химии в одном из институтов Москвы.

Так я выполняю наказ Ленина кремлевцам-выпускникам.

ИЛЬИЧ ГОРДИЛСЯ НАМИ

Я, рабочий-токарь депо Люблино, в Октябрьские дни семнадцатого года в составе отряда красногвардейцев с боями пробивался к центру Москвы, к Кремлю.

Орудия с Никольской улицы открыли огонь по запертым воротам Никольской башни. Первые снаряды пробили кирпичную кладку, остальные — проделали брешь в дубовых воротах и разворотили баррикаду из ящиков с винтовками, доставленных сюда юнкерами из арсенала. Юнкера выбросили белый флаг. Через эту брешь мы вошли в Кремль.

Вскоре наш отряд красногвардейцев погрузили на бронепоезд, построенный рабочими железнодорожных мастерских, и мы поехали на Украину громить гайдамаков.

Когда вышел декрет Ленина о создании Красной Армии, наш рабочий отряд в полном составе вступил в нее добровольно. А осенью меня откомандировали на курсы красных командиров в Аптекарский переулок в Москве. В большинстве своем курсанты были коммунистами — рабочими Москвы, Люберец, Перово, Раменского, Подольска, Люблино, других городов и солдаты с фронта.

В начале ноября, перед VI съездом Советов, мы приняли военную присягу. А в декабре заступили в первый кремлевский караул. Время было трудное и голодное. Заводы и фабрики стояли. Железные дороги разбиты. Хлеб и топливо поступали в столицу с грехом пополам. Сутки мы проводили в карауле, двое — занимались так-

тикой, топографией, фортификацией и стрельбой из пулеметов.

Жили в кремлевских казармах, где еще в семнадцатом году располагался 56-й полк. Я знал историю этого полка: в дни революционных боев его солдаты отказались выступить на стороне юнкеров, против красногвардейцев. Я видел тогда трупы революционных солдат, расстрелянных юнкерами...

На пост № 27 я попал в один из мартовских дней, около полуночи, в двадцать три ноль-ноль. Смена всегда происходила в нечетные часы. Курсант, которого я сменил, сказал мне, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна дома, а Марии Ильиничны нет. Я принял пост. Второй часовой встал у входа в коридор. Оба мы, наверно, думали об одном и том же: какие же мы неудачники, попали на пост в ночное время, когда Ильич уже отдыхает.

В полночь я услышал шаги в квартире Ленина. Я подтянулся, взял винтовку «к ноге», принял положение по стойке «смирно».

Дверь отворилась, и оттуда осторожно вышел Владимир Ильич, тихо ступая ботинками и слегка наклонив голову, словно прислушиваясь, не разбудил ли кого.

Я смотрел на его озабоченное лицо и думал: «Не спится Ильичу, забот много!»

Может быть, Владимир Ильич и догадался, о чем думает часовой. Он тихо сказал:

— Я ненадолго, товарищ курсант.

И прошел по коридору в свой кабинет.

В конце коридора выглянул другой часовой — я показал ему глазами: Ильич в кабинете.

Тихо в Кремле. Ночь. Но тревожно в стране. Ильич в Совнаркоме, Ильич работает.

Через несколько дней я стоял у входа в зал I конгресса Коминтерна. Часовых было всего четверо — двое около президиума и двое у входа в зал. Мы были одеты в парадную форму девятнадцатого года: защитного цвета цилотка с малиновым кантом, такая же гимнастерка и брюки, на ногах ботинки и обмотки. В руках — винтовка.

Ильич появился рано, с группой зарубежных делегатов. Он показался мне не таким, как в Совнаркоме, другим — веселым и очень возбужденным. Мимо нас шли коммунисты из Германии, Китая, Франции. Некоторые

прохаживались по коридору, поджидая, когда появится Ленин.

Он шел несколько впереди группы. Ильич был одет в свой обычный, скромный костюм, хорошо известный по фотграфиям. У входа он жестом стал приглашать иностранных делегатов в зал.

Делегат из Венгрии остановился возле поста и спросил по-русски, показывая на часового, моего товарища:

— Это солдат революции?

— Да, — услышал я ответ Ильича. — Это — воин Красной Армии, курсант.

Делегат улыбнулся и подошел к часовому, желая обнять.

Ильич с улыбкой, но строго сказал:

— Часовой — лицо неприкосновенное. Ему надо предъявить мандат.

Ильич первым предъявил мандат, за ним — товарищ из Венгрии.

Мы уже знали Ильича и понимали, что он гордится нами, армией рабочих и крестьян.

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА В ОПАСНОСТИ

Когда до Аптекарского переулкa докатилась страшная весть, что на заводе Михельсона эсерка Каплан ранила Ленина, наши Вторые пулеметные курсы поднялись в ружье. Мы приготовились к бою, ожидая, что левые эсеры, которых в то лето разгромили в Б. Трехсвятительском переулке, снова поднимут мятеж. С того дня в сознание каждого из нас врезалось: жизнь Ленина в опасности, в опасности революция. Яков Михайлович Свердлов тогда писал, что на покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции.

Мы были готовы с оружием в руках выступить против любых врагов революции и грудью заслонить Ильича.

1 января 1919 года курсанты в очередной раз пришли строем в Кремль, в караул. Меня поставили в коридор Совнаркома, возле двери в кабинет Владимира Ильича.

В час дня я заступил на пост. На стене был прикреплен листок из блокнота с инструкцией, написанной от руки, кого можно пропускать в эту дверь.

Вдруг по коридору идет Ленин, направляясь в свой кабинет. Остановившись, он бодро сказал:

— Здравствуйте, товарищ курсант. С Новым годом!

— С Новым годом, Владимир Ильич!

«Курсант» — это было как звание, повое и гордое. Лучше, чем «юнкер». До «курсанта» у меня было другое звание — «красногвардеец»: я был командиром Красной гвардии фабрики «Универсал», Благуща-Лефортовского района, и выбивал юнкеров из Кремля со стороны Никольской и Ильинки.

Ленин любил во всем порядок и сам строго придерживался установленных правил.

Мне посчастливилось не раз стоять у кабинета и квартиры Ильича и в ту пору, когда курсы перевели в Кремль. Роты были смешанные, из курсантов Первых и Вторых пулеметных курсов, людей мы еще хорошо не знали, на особо ответственные посты назначали только коммунистов из партийного актива. Я был избран в партийное бюро первого состава, когда председателем был курсант Кузин.

Случалось, что кто-либо из работников идет к Ленину по его вызову, а пропуск забыл. Пускать нельзя — такова инструкция. У дверей начинается нервный разговор. Ленин, конечно, в кабинете все слышит. Но не было случая, чтобы он упрекнул часового, наоборот, всегда поддерживал и защищал. И не только в тех случаях, когда это касалось других. Он был столь же строг и к себе. К требованию часового Ленин относился очень серьезно, всем своим видом показывая, что поддерживает и уважает строгую дисциплину.

Домашняя работница управляющего делами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича иногда приносила Ульяновым на квартиру бидончик молока. Но однажды, в воскресенье, молоко принесла не домашняя работница, а дочь Бонч-Бруевича. Она предъявила мне свой пропуск в Совнарком. Я показал ей инструкцию и сказал, что пропустить не могу.

Ильич, наверное, услышал. Он открыл дверь, вышел в коридор и сказал:

— Сейчас уладим.

Тут же вышла из квартиры домашняя работница и перелила молоко в свою посуду. А смущенной девушке Ленин показал на меня глазами: ничего, мол, не поделаешь, порядок... Он поддержал часового: правильно, мол, поступил.

Каждый такой случай сразу становился известен всем курсантам. Это очень помогало воспитывать чувство ответственности и строгой дисциплины.

Раз Ленин так неуклонно соблюдает порядок, значит, все правильно. А ведь мы все еще жили в духе ниспровержения старых порядков. Нелегко было в этих условиях внушать людям уважение к порядку, добиваться дисциплины и бдительности. А обстановка в стране, в

Москве, требовава всеми силами укреплять дисциплину. Мятежи, восстания, заговоры, поджоги, убийства. Убили Урицкого. Убили Володарского. С целью провокации убили германского посла Мирбаха. На Ленина — уже второе покушение. Партийный коллектив был озабочен тем, чтобы в караульной службе не осталось никакой лазейки для врага. Сохранился приказ, в котором сказано, что члены бюро партийной организации по очереди сутками дежурят по караулам и по курсам с правом проверки всех постов наравне с командованием.

Я был избран председателем товарищеского суда и помню, как строго мы судили одного курсанта за сон на посту. У хранилища с ценностями казначейства было двое часовых: один за запертой изнутри дверью, которую полагалось открывать только по паролю, произнесенному знакомым голосом разводящего; другой — снаружи, возле двери. На мартовском солнышке этот часовой вздремнул. Возможно, он устал: мы очень много учились, работали и несли трудную караульную службу, а питались впроголодь. Но разве это оправдание в момент, когда ежечасно ждешь нападения на Кремль, когда жизни Ленина грозит опасность? Мы судили его со всей строгостью революционного закона, и по приговору товарищеского суда командование отчислило этого курсанта из Кремля.

Наше оружие стояло в пирамидах, а патроны выдавали лишь при выходе на стрельбище или при назначении в караул. В остальное время склад с боеприпасами был закрыт. А если случится нападение на Кремль?

Существовал план обороны Кремля. Нам устраивали внезапные боевые тревоги, и комендатура была довольна нашей готовностью. Но грош цена этой готовности, если винтовки без патронов, пулеметы без лент и в случае боя надо еще искать от склада ключи. Десяток белогвардейцев сможет нас прикончить.

В составе делегации партийного коллектива я ходил в Реввоенсовет просить, чтобы курсантам выдали боевые патроны. С нашим мнением там согласились, и ключи от оружия и патронов, имеющих на складах, было приказано вручать дежурному члену партбюро курсов. Кроме того, было объявлено в приказе, что на должность заведующего оружием назначается надежный коммунист.

Такова была бурная обстановка первых месяцев девятнадцатого года.

ВЗВОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АРМИИ

В годы революции — взводный командир социалистической армии. С этого начался мой командирский путь в Красной Армии — от взводного до генерал-майора.

Имя Ленина я впервые увидел в «Правде». Не помню, что я читал, только хорошо знаю — в «Правде», во время забастовки, я прочел рабочим вслух: Ленин. Запомнил потому, что за это чтение я поплатился. Вот как это произошло.

Я родился и вырос в лесной деревушке, в дремучей глуши российского северо-запада, в стороне от железных дорог и городов. До школы — двенадцать верст, до больницы — двадцать пять. За лесами и болотами — джутовая мануфактура, принадлежавшая иноземным хозяевам, англичанам. С осени и до весны туда уходил отец. Он работал на этой мануфактуре за гроши. Туда на заработки подавалась вся беднота из лесных сел, все малоземельные крестьяне.

В четырнадцать лет я тоже двинулся из деревни на заработки. У меня уже было двухклассное образование. В наших краях я мог сойти за грамотея.

Мне удалось сразу попасть на фабрику, где трудился отец.

Меня пристроили в мальчики на лесную биржу в Боровичах, в контору лесопромышленника Шульгина. Отцу хотелось вывести сына в люди. И когда меня взяли в контору, он очень был рад. Как ни говори, работа чистая, хоть и на побегушках.

Когда рабочие лесной биржи объявили забастовку, меня попросили читать вслух большевистские газеты, поступающие из далекого Питера. Я читал вслух газету с са-

мым привлекательным из всех существующих на земле названий: «Правда».

Рабочих тогда уже побаивались. Их требования хозяин удовлетворил: прибавил всем какие-то гроши. Но мальчишку, который путался с забастовщиками, хозяин через некоторое время прогнал и я вернулся в свою лесную деревушку.

После Февральской революции в нашей деревушке я был уже не просто семнадцатилетний паренек без звания и профессии, а трудящийся человек, обиженный хозяином за правду.

Зимой, уже после Октября, в поисках заработка я попал в Питер. В провинции фабрики тогда совсем остановились, хозяева разбежались, а в Питере, как мне сказали родичи, у меня есть могучий дядя — Василий Дмитриев, рабочий завода «Арсенал Петра Великого».

И вот я вышел на привокзальную площадь, увидел толпу, невиданные доселе трамвай, дома под небо ростом и расходящиеся в разные стороны широкие улицы. Шагнул вперед: куда иду — сам не знаю. Вступил на самую широкую из широких улиц и пошел.

Было уже поздно, когда догадался спросить прохожего, как пройти на завод, где работает мой родственник. Мне показали дорогу за Неву. В трамвай войти я не решился и двинулся пешком.

Уже при свете тусклых фонарей я пересек Литейный мост и к полуночи очутился перед воротами завода.

Шла ночная смена. Было морозно; все торопились. Никто не знал Василия Дмитриева.

В конторе сказали, что дядя уже сменился и ушел домой. Жил он в одном из тринадцати домиков недалеко от завода, в рабочем поселке. Мой приезд его не обрадовал: он никак не мог понять, зачем я приехал из деревни в Питер, где на каждый голодный рот выдают по осьмушке хлеба. На ночь я примостился на полу среди своих родичей, а утром пошел с дядей пытаться счастья на завод. В кармане я нащупал ломоть хлеба — так повторялось потом каждый раз: тетка клала мне в карман ломоть, хотя карточек у меня еще не было.

Неожиданно повезло. По всем заводам Питера был дан приказ подобрать мало-мальски грамотных рабочих для создававшегося Высшего Совета Народного Хозяйства. Так я попал на Тучкову набережную, в Высший Совет

Народного Хозяйства, делегатом питерского пролетариата, отношение к которому имел только родственное. Я сидел в огромной пустой комнате нетопленного здания и выписывал чеки в Государственный банк.

Получатели были вооружены винтовками, грапатами и наганами. И не случайно: получатели знали, что в банках сидят чиновники, саботируют приказы новой власти, могут денег и не выдать. Оружие отлично подкрепляло чек. На это оружие я смотрел с завистью. Мне очень хотелось выкинуть писарскую ручку за окно, разжиться пистолетом и пойти на службу в ЧК.

В конце семнадцатого или в начале восемнадцатого года в наш дом на Тучкову набережную на заседание ВСНХ приехал Ленин. Кто-то сказал об этом в комнате, где я работал, мы все выскочили на мраморную лестницу, которая вела от парадного к бывшим министерским кабинетам. Я увидел каких-то людей, быстро поднимающихся по лестнице. Наверное, среди них был и Ленин. Мог ли я тогда думать, что через год с небольшим военная служба приведет меня в Кремль, где я не раз близко буду видеть Ленина и даже разговаривать с ним.

Скоро мне дали в руки оружие.

После переезда правительства в Москву я вернулся под Боровичи, на фабрику. Меня избрали секретарем фабрично-заводского комитета. Я слабо разбирался в профсоюзных делах. Знал одно: профсоюз всегда должен быть на стороне рабочего. Новгородский губком призывал тогда коммунистов в Красную Армию. Подбирали людей на командные курсы. Послали в апреле девятнадцатого года и меня.

Вначале я учился в Петергофе. Там были курсы, созданные на базе гренадерской школы прапорщиков. Потом попал в Москву, в Кремль, на пулеметные курсы.

Мы приехали в Кремль в конце апреля девятнадцатого года. Ну, думаю, жизнь в Кремле, наверно, богатая. Хоть я уже участвовал в революции и кое-что знал о Советской власти, но представление о «верхах» и «низах» оставалось старое. Раз, думаю, в Кремле живет правительство, здесь не может быть такого же голодного пайка, как во всей стране. И вдруг сразу: хлеба пет, соли пет, каша ржаная, немолотая, а по воскресеньям как праздничное блюдо суп, заправленный знаменитыми «кариями глазками» — селедочной головой.

Некоторые, особенно из далеких сельских местностей, не верят, думают, что только курсантов так кормят, наркомы живут лучше. Но все доходит до нас быстро: часовые бывают в таких местах, куда не всякому доступ есть; от нас не скроешь ничего. Столовая, оказывается, для всех сотрудников Кремля общая, одна — и для рядовых и для наркомов. А курсантский паек, пожалуй, самый лучший. Вообще лучшим из пайков считался красноармейский. Если Совнарком хотел помочь какому-нибудь ученому, поддержать его, ему назначался красноармейский паек. Кроме того, сразу стало известно, что Ленин постоянно интересуется, чем кормят курсантов, не голодно ли им. Стоит заикнуться, что хлеб плохой или кухня недодает положенные скудные порции, тут же ведется проверка и положение выправляется.

А когда я стал дежурить на посту в Совнаркоме и у квартиры Ильича, я сам увидел, как живет наивысшая в стране власть. Сколько раз приносят, бывало, ходоки из деревень Ленину посылки, подарки, всякие там гостинцы по старинке, все это тут же сотрудники Совнаркома отправляют, по его указанию, в детские сады. В первое же мое дежурство Ленин спросил меня, не голоден ли я. Мне давно хотелось попасть на пост № 27. Легче было нести службу в наружном карауле — по стенам Кремля или в парном посту у ворот. И веселее, и двигаться можно. Внутренний пост — это двухчасовая стойка без движения. Очень утомительно. Но все рвались на этот пост. А назначали туда только тех, у кого нет замечаний по службе, самовольных отлучек и кто политически проверен.

Еще до того как я пришел на 27-й пост, мне казалось, я уже все знаю, что меня ждет. Каждый, кто там бывал, охотно и по многу раз рассказывал, как поздоровался с ним Ленин да о чем спросил, да кто там бывает, как друг к другу относятся. А все же, когда я остался один на посту, очень волновался. Увидел, идет по коридору человек с папкой, решил: Ленин. Но человек свернул в другую дверь: наверно, кто-то из наркомов. Как же будет, когда подойдет Ленин? Приказано спрашивать пропуск только в том случае, если не узнаешь в лицо. А вдруг обознаюсь? Скажет: эх вы, курсант, служите в Кремле и не знаете Председателя Совета Народных Комиссаров. Будь что будет — пропуск спрошу.

Так бывало со многими: ждал, волновался, а Ленин сам показал пропуск, поздоровался и прошел.

У нас вначале действовала очень строгая инструкция: часовой ни с кем не разговаривает. Рассказывали, что один из курсантов ни за что не захотел отвечать Ленину на вопросы. Ленин спрашивает, а тот молчит: не положено — и баста. Ленин позвонил коменданту: в чем дело, почему курсанты не отвечают на вопросы Председателя Совнаркома? Комендант ответил, что устав запрещает часовому разговаривать на посту. Но все же вопросы-то задает не кто-нибудь, а Председатель Совнаркома. После этого на все посты передали поправку к инструкции: с Лениным часовому разговаривать разрешено. Не знаю, так это было или иначе, но, когда я стоял на посту, с Лениным уже разрешалось разговаривать.

Карaulьную службу нес каждый курсант. Но ничто, пожалуй, так не воспитывало сознание молодого человека, как пребывание на посту в Совнаркоме. Не в том только дело, что повидaeшь Ленина и иногда перемолвишься с ним. Два часа стоишь на посту, потом сменишься, лежишь и думаешь: вот ведь как работают люди, когда никакой другой жизни, кроме интересов революции, у них нет! Всегда тобой и твоим отцом управляли люди, которые думали только о личной выгоде. И вот пришло время, когда власть не дает человеку никакой личной выгоды, а приносит лишь трудности и заботы. Приходят ходоки из деревень, ходоки с фронта — каждый и тебя оглядывает с головы до ног, и все помещение ощупывает глазами, особенно старики крестьяне: придиричивый взгляд, цепкий, будто проверяют, кто теперь в этих комнатах, где когда-то обитали царские сановники, не будет ли обмана. Уж очень много обманывали русского мужика. Уйдет такой мужичок и все наматает на ус. Просто видишь — есть ему что порассказать односельчанам. Мы тоже наматываем на ус. Мы уносили из совнаркомовских стен в душе тот заряд для будущего, который должен был послужить и нам, и последующему поколению.

Я видел Ленина и слушал его речь на празднике Всевобуча на Красной площади 25 мая 1919 года. Был военный парад, в котором участвовали и наши пулеметные курсы. Владимир Ильич вместе с группой командиров из штаба Всевобуча и военным комиссаром Венгерской советской республики Тибором Самуэли обошел фронт

рабочих полков, военных школ и курсов, и потом произнес речь, которая каждым словом касалась нас, молодых краскомов, и нашего будущего. Он сказал, что власть капиталистов во всей Европе поддерживается остатками старой армии, которой командуют старые офицеры. Но эта самая прочная опора падет, когда рабочие возьмут в свои руки винтовку, когда они начнут создавать свою огромную армию пролетариата, начнут воспитывать солдат, которые будут знать, за что они воюют, будут защищать рабочих и крестьян, фабрики и заводы, чтобы помещики и капиталисты не могли вернуть своей власти. Ленин еще говорил об успехах, достигнутых в этом деле. Затем он представил нам Тибора Самуэли.

Потом я слушал речь Ильича 14 июня 1919 года в Доме Союзов на вечере первого выпуска наших курсов, а 12 июля — его доклад на Московской конференции РКП(б), куда несколькими из нас дали пригласительные билеты.

Я вспоминаю теперь каждую встречу с Ильичем, каждую его речь, каждое слово. Когда читаю его сочинения, то слышу его голос. Это, конечно, передать трудно. Но черточки его характера, его коммунистического отношения к жизни, все, что видел своими глазами, хочется передать всем. Он не раз бывал на концертах и спектаклях в нашем курсантском клубе. Там выступали самые знаменитые артисты того времени, были и свои, доморощенные актеры.

Наверно, Ленину при его занятости удобнее было ходить в наш клуб, а не в театр. Он никогда не выделял для себя особых мест и не любил, чтобы ему оставляли места. Всегда пристроится там, где не занято. При этом старается сесть не впереди, а в середине зала, в проходе. Я думаю, что он поступал так не только потому, что не любил сидеть впереди. Его часто вызывали из зала, и ему не хотелось, уходя, мешать другим.

Однажды я видел, как Ленин, вызванный из зала в начале вечера, через некоторое время вернулся, но его место было занято какой-то женщиной. Начальник клуба бросился было освобождать место, да и сама женщина поднялась и хотела уйти. Ленин, конечно, на свое место не сел. Рассердился он на начальника клуба за ненужное усердие и примостился на свободном стуле, где-то в глубине зала. Хорошо бы всем нам так себя вести!

Ленинский пример воодушевлял нас, помогал вынести неимоверно тяжелую нагрузку в нашей курсантской жизни. Ни на одних командирских курсах в стране ничего похожего не было. Мне потом довелось учиться и в других военных учебных заведениях. Но по тяжести суточного режима ничто с кремлевскими пулеметными курсами сравнить нельзя. Каждую субботу мы ходили на субботники, каждое воскресенье — на воскресники. Были и вторники, и четверги; нас вели строем под оркестр на товарные станции московских железных дорог, и мы разгружали продовольствие, уголь, дрова. Возвращались усталые, но с сознанием исполненного долга, как с фронта. И когда я потом воевал на фронте, в трудные минуты всегда рассказывал своим товарищам, как мы работали в Кремле сверх наших учебных программ и караульной службы. Учебную программу надо было уложить в несколько месяцев, ведь только потом, в Школе ВЦИК, стали обучать командиров годами. Мы занимались и математикой, и русским языком, и всевозможными военными науками, ходили на стрельбища, собирали и разбирали пулеметы. А ведь многие из нас впервые в жизни взяли в руки оружие. Нам предстояло стать на фронте начальниками пулеметных команд — ударной огневой силы гражданской войны. И надо сказать, что все мои сверстники, товарищи по выпуску, знали свое дело в совершенстве.

Командиром нашей роты был старый офицер Петров, старшиной — Антонов, сам недавний курсант, рабочий и коммунист. Петров гонял нас до седьмого пота, и теперь я отлично понимаю, какой это был хороший командир и верный товарищ. Впрочем, и наш рабочий краском товарищ Антонов был, пожалуй, жесточе любого командира из бывших офицеров, взыскателен и даже придирчив. И спасибо им — и тому и другому. Они успешно выколачивали из нас всякое подобие штатского духа.

За несколько месяцев мы прошли хорошую школу. Но самое главное — приобрели ясность революционного сознания.

Когда настал день выпуска, мне вручили мой первый командирский аттестат: взводный командир социалистической армии.

С этим кремлевским аттестатом мы уходили на фронты гражданской войны добивать белых. Мог ли я предпо-

лагать, какой огромный путь откроется перед каждым из нас! Мой сосед по койке курсант Петр Фигурнов, с которым мы вместе воевали под Астраханью, стал полковником, потом доктором экономических наук, руководителем кафедры в Академии общественных наук при ЦК КПСС. А сколько Героев Советского Союза, генералов, маршалов выросло из бывших взводных командиров социалистической армии, из краскомов, воспитанных в Кремле, на курсах, созданных по указанию Ленина! Из нашей школы вышли и маршал Советского Союза Бирюзов, и Главный маршал бронетанковых войск Ротмистров, и маршал артиллерии Казаков, и генерал-полковник авиации Белов, и генерал-полковник Кузовков, и генерал-майор Младенцев...

С годами каждый человек мечтает о возврате прожитых лет. Конечно, всем хочется быть молодыми. Некоторые говорят: эх, теперь бы я знал, как надо жить. Мне это чувство незнакомо. Вспоминая те суровые годы, я думаю: «Нет, не хотел бы я жить иначе. Возможно, я был бы строже к себе, тверже шагал по жизни, но шел бы всегда только тем же путем».

СИЛА ПРОСТОТЫ

В круглый зал имени Свердлова на наше открытое партийное собрание весной девятнадцатого года Ленин пришел через несколько минут после того, как мы уже заняли свои места. Мы знали, что Ленин будет на собрании, и без него не начинали. «Ничего, обождем», — говорили курсанты, когда кто-то заикнулся, что пора, может быть, собрание открыть.

Войдя в зал, Владимир Ильич тут же публично извинился перед всеми, коротко объяснив, что был очень занят. А ведь и задержался-то всего на несколько минут.

С этого момента сразу возник контакт между каждым из рядовых парней, сидящих на собрании, и главой государства. Ленин выступил с докладом по текущему моменту. Он говорил всего минут двадцать. Удивительное умение — уложить доклад обо всем, что нас в этот момент волнует, в двадцать минут! И, как всегда в речах Ленина, ни одного пустого слова, ни одной зря потраченной минуты!

Слушать Ленина было и трудно и легко. Трудно потому, что ловишь каждое слово и внимание сосредоточено до предела. Легко потому, что все слова, даже впервые услышанные, понятны, и в голове становится ясно.

А был я тогда политически развит слабо. Строго говоря, темный еще человек, хотя и доброволец Красной Армии. Не без смеха вспоминаю я один курьезнейший эпизод.

Меня назначили часовым у лифта здания Совнаркома на третьем этаже, у входа с лестницы в коридор. Я уже бывал в этом здании на посту, стоял и в самом корид-

доре — у квартиры Ильича, у кабинета — и не очень-то робел. Разводящий поставил меня возле металлической сетки, ограждающей лестничный провал, и ничего о лифте не сказал. А я-то в жизни своей еще не видел лифта и что за сетка позади — не понимал. Я считал, что все это относится к категории «дворцовых удобств». Вот, мол, боялись буржуи, как бы невзначай с лестницы не свалиться, и оградили провал сеткой.

Обычно часовой направляет свое внимание туда, откуда ждет прихода людей. Шаги с каменной лестницы хорошо слышны. Значит, надо стоять лицом к двери в коридор, откуда может неожиданно выйти человек. Так я и стоял.

Внезапно я услышал позади себя какой-то шум и обернулся. Я обомлел, увидев, что снизу вверх движется непонятная коробка, останавливается напротив меня, и сетка, возле которой я стою, превращается в дверь. Дверь открывается, из коробки собирается выйти женщина. Я отскочил и закричал:

— Ваш пропуск!

Наверно, у меня был такой глупый вид — испуганный человек с винтовкой в руках, — что женщина рассмеялась и протянула пропуск. Это была Надежда Константиновна Крупская.

Когда она ушла, я осторожно приоткрыл дверь лифта, поставил в коробку одну ногу, искренне боясь, что улечу вниз.

Вот на таком уровне развития мне предстояло изучать азы военных наук и передовую технику того времени.

Для успеха надо было прежде всего поверить в себя. Обстановка, в которой мы жили и учились, простота и доступность окружавших нас больших людей, и прежде всего самого Ленина, помогали почувствовать себя твердо на ногах. Мы ловили косые и недоверчивые взгляды привилегированных людей прошлого. «Неужели из этих неотесанных чурбанов выйдут командиры?» — словно говорили эти взгляды. Что вышло, показала история. Многого за несколько месяцев учения не узнаешь, но старт в будущее нам дали хороший.

Все товарищи теперь вспоминают о пулеметах, которые мы разбирали и собирали с завязанными глазами. Не только замок, но и весь пулемет — «максим», «гоч-

кис», «льюис», «шоша». Мне, впервые увидевшему в Кремле лифт, это, возможно, давалось труднее, чем другим.

Мы не были избалованы богатством вооружения. Оружие подчас добывалось в бою. Так началось еще с баррикад — отбитое у врага оружие обращалось против врага же. На фронтах гражданской войны захват трофеев у противника означал, что полк или дивизия усилили свою огневую мощь на столько-то орудий и пулеметов. Антанта снабжала белых вдоволь, а мы это богатство отбивали у белых и обращали отбитое оружие против тех же белых. На польском фронте, куда я попал после курсов, наши захватили у противника партию пулеметов «льюис». Никто из красноармейцев не знал, что это за пулемет. А меня в Кремле уже к этому подготовили. Вот когда пригодилась кремлевская тренировка.

Значит, все человек может сделать, если ему помочь поверить в себя. Вот этого и достигал каждым своим словом Ленин. Я слушал его короткий доклад на открытом партийном собрании и с каждой новой мыслью как будто взрослел. Антанта, лидер американских капиталистов Гардинг, иностранные интервенты, желающие задуть нашу республику в зародыше, — в устах Ильича все это становилось настолько доступным и понятным, что результат сказывался немедленно: после каждой его речи десяток-другой курсантов подавали рапорт о досрочной отправке на фронт. Командованию и партийным ячейкам приходилось сдерживать нас силой: надо же хоть немного поучиться, ведь для того и собраны мы со всей России в Кремль. Я тоже после одного из выступлений Ильича не выдержал и настоял, чтобы меня отправили в бой. И поехал на польский фронт, так и не закончив учебу на курсах.

ЗА ДЕЛО ОТЦА

Время было голодное. С ночи я стоял в очереди за хлебом у булочной возле завода Михельсона. Хозяин дал мне карточки всей семье и наказал без хлеба не возвращаться.

Ночь и день простоял среди старух и мальчишек — хлеба все нет. Старухи злятся, ругают торговцев.

Когда под вечер к заводу Михельсона подъехал автомобиль, кто-то ехидно бросил:

— На автомобилях ездют, а жрать не дают.

Высокий мужчина с усталым лицом строго сказал:

— Это из Кремля Ленин приехал. На собрании будет выступать.

Я попросил соседей сохранить за мной очередь и побежал на завод. С рабочими михельсоновского завода я давно познакомился. Хозяин, у которого я работал за харчи, не раз водил меня в чайную напротив завода. Весной семнадцатого года мы пришли в чайную, а она пустая. Я увидел, что рабочие собрались возле завода и куда-то уходят. И тут же, не раздумывая, побежал за михельсоновцами. Мы дошли до типографии Сытина на Пятницкой улице, остановили типографские машины, взяли с собой печатников и направились к Москворецкому мосту. Но нас разогнали городовые и казаки. Один казачок так всадил мне по ягодице, что я лет пять после этого стеснялся в баню ходить. Словом, дорогу на завод я знал хорошо, пускали туда свободно, хоть там и производилось оружие. Я добежал до цеха, где делали гранаты, заглянул в узкий проход: цех полон, с трибуны говорит Ленин.

Послушать мне почти что не пришлось. Пока я протискивался поближе, Ленин уже заканчивал речь. Я только запомнил его слова про голод и буржуазию, которая хочет задушить нас без хлеба, но мы все равно победим. Вспомнил я тут про хозяйские карточки — вдруг очередь пропадет — и бросился из цеха вон.

А в булочную как раз привезли хлеб. Старухи галдят, толкают друг друга. Одна кричит «он стоял», другая — «не стоял». Я протиснулся на свое место. Жду.

Вот тут-то и случилась великая беда.

Когда с улицы донеслись звуки выстрелов, очередь притихла. Потом все сорвались от прилавка кто куда. Хочешь — подходи, бери хлеб — никто не берет. Старухи — по домам, мужчины, а вместе с ними и мальчишки — к заводу. Окружили автомобиль из Кремля.

Я пробрался к самому автомобилю — никакой охраны, только шофер с револьвером да еще двое усаживают раненого Владимира Ильича.

Кругом плакали.

Вернулся я в Арсеньевский переулок к хозяину, положил перед ним карточки, реву и говорю:

— Ленина убили.

— Что же ты, дурак, хлеба не принес, — обругал меня хозяин. — Тебе было строго сказано — без хлеба не возвращаться.

Посмотрел я на него и сказал:

— Не надо мне вашей крыши, ухожу...

В чем стоял, в том и ушел. И — прямо на вокзал.

Просидел там до утра. Утром люди говорят: Ленин не убит, а только ранен. Я залез в какой-то попутный эшелон на крышу вагона и поехал на станцию Балабаново, к матери.

До нашей деревни Чериково, Калужской губернии, от Москвы всего девяносто верст. Мать говорила, что я родом из Москвы, с Рогожской стороны. В деревню она меня привезла маленьким, в девятьсот пятом году, когда в Москве на баррикадах убили моего отца, слесаря завода Гужон. Со всей своей ребятней мать тогда приехала к деду. А деда сразу забрали в холодную жандармы и забили его до смерти за то, что сын забастовщик. Дед умер тут же, едва вернувшись из холодной домой. Вся деревня звала нас забастовщиками, а про мать говорили — каторжная вдова. Мать всем была чужая. Она —

сирота, из рабочих, за отца вышла в городе и знала, что он заодно с революционерами, против царя.

Годы шли. В деревне к каторжной вдове стали привыкать. Говорили даже, что она счастливая женщина, раз у нее растут три сына. Подрастут — хозяйство поправят и будут жить как люди. Но мать старалась определить сыновей в мастеровые. Старшего, Григория, отправила в Москву в маляры. Потом Владимира следом — в столяры. Меня, младшего, на лето отдавала обществу в подпаски, а зимой в церковно-приходскую школу. Не было мне житья ни летом, ни зимой. Летом ходишь, бывало, в очередь по богатым домам кормиться. Хозяйские дети дразнят забастовщиком. А в школе зимой кулацкие сынки подсовывают книгу, в которой нарисован прикованный к тачке шахтер, и говорят: «Это твой батя — каторжник?»

Гордиться бы надо, а я в слезы. Прибегу к матери, она меня приласкает и шепчет:

— Отец погиб за хорошее дело. Есть люди — за нас, бедных, борются. Не забывай отца.

Такой была наша мать, простая, но очень твердая женщина, никогда не забывавшая, за что погиб отец. Умерла она уже в Отечественную войну, когда нашу деревню сожгли фашисты.

Я добрался после ранения Ленина до деревни и рассказал все, что видел, матери. Она тоже заплакала и сказала мне:

— Вертайся в Москву, Зуева разыщи. Что скажет Василий Иванович, то и делай.

Василий Иванович Зуев, столяр-краснодеревщик трамвайного парка, был товарищем и другом моего отца. Крупный рабочий-революционер (в ту пору этого, конечно, я не знал), Зуев не забывал нашу семью и после того, как отца убили. Через него мать определила в мастеровые братьев. И для меня Василий Иванович стал первым учителем и покровителем. Он устроил меня в портняжную мастерскую. А когда учение кончилось и я убежал в деревню к матери, Зуев настоял, чтобы я вернулся. Он договорился с хозяином, что тот будет платить мне с харчами и квартирой сто рублей в год. Нашими заказчиками были скороспелые прапорщики военного времени из Александровских казарм. Каждый из них старался пофрантить и обязательно подогнать

казенное обмундирование по фигуре. Примерку мундиров таким франтам хозяин передоверил мне. Так что я часто ходил в казармы. А Зуеву как раз это и требовалось. Он поручал мне заранее узнавать, когда и откуда какая часть отправится на фронт, чтобы «начинать» пополнение большевистской литературой. Конечно, смысла всех его поручений я не понимал. Я и не спрашивал зачем. Раз Василий Иванович говорит, значит, для хорошего дела.

Помню еще, как приносил Василий Иванович тетрадки курительной бумаги для отправки братьям на фронт. Что было в них вложено или записано, не знаю. Зуев только наказывал:

— Приищи Григорию привет от дяди Василия: шлет он, мол, тебе подарок. А он уж будет знать.

А году в пятнадцатом, когда я уже подросток, случилось участвовать и в деле посерьезнее. Василий Иванович позвал за грибами за Воробьевы горы, в Кноповский лес. Я разжился модной в те времена в Москве тростниковой сумкой, ручки ее обшил лоскутами черной материи и набрал полную сумку грибов. Василий Иванович очень меня за эту сумку похвалил. На одной поляне в лесу мы остановились. Он спросил:

— Сам дорогу сюда найдешь?

— Найду.

— В воскресенье с этой своей нарядной сумкой становись возле ресторана Крипкина на Воробьевых горах и жди. Подойдет к тебе человек, спросит, не продашь ли сумку под грибы. Ты поторгуйся. Если он тебе медными деньгами даст, сумки не отдавай. Вручит серебряную монету — сумку отдай, а сам иди вперед, не оглядываясь, в лес. Выведешь его на эту поляну, ничего не спрашивай и уходи.

В воскресенье я уж с рассвета стоял среди торгового люда на Воробьевых горах. Дождался, когда ко мне подошли двое. Один по-рабочему одет, другой — побогаче. Прошли было мимо, потом оглянулись. Слышу, как один другому говорит:

— Как же это мы по грибы собрались, а сумки не взяли.

В общем, дал мне один из них серебряный пятиалтынник, и я отвел их в лес.

Там в кустах оказались люди. Они-то и встретили тех, кого я привел. Сумку мне вернули, и я что есть духу побежал в Москву.

Только в семнадцатом году, когда Зуев взял меня связанным в свою красногвардейскую дружину, я узнал, что водил на рабочую сходку представителя большевистского комитета.

Я не отходил от Василия Ивановича Зуева почти весь семнадцатый год. А потом закрутила его революция. В последний раз я его видел на Красной площади, в семнадцатом году, в ноябре, когда мы копали у кремлевской стены братские могилы для героев Октябрьской революции. На телегах, на двуколках, на руках туда сносили со всей Москвы рабочих, павших в боях. Зуев от имени своих красногвардейцев произнес над могилами речь, и я только тогда увидел, какой он большой, всеми уважаемый человек. Так и не решился я подойти, а вот мать наказала мне обязательно его разыскать.

Я нашел Зуева в Москве. Он меня очень ругал за то, что я раньше не приходил, и сказал, что мне пора вступать в Красную Армию и отправляться на фронт.

Пулеметные курсы уже находились в Кремле. Григорий, мой старший брат, состоял в первой роте и готовился на фронт. Владимир — в четвертой роте, его выпустили попозже, когда Деникин подошел к Туле. Меня, третьего из Шорихиных, по рекомендации Зуева зачислили на курсы и определили в пятую роту.

Прежде всего я расспросил братьев, видели ли они Ильича, здоров ли он. Ленина они уже видели не раз, стояли часовыми на посту в Совнаркоме, но мне — наверное, всегда так старшие разговаривают с младшими — и Григорий и Владимир твердили:

— Старайся, Федя, учись и поменьше бегай к московским девушкам в Александровский сад. Тогда и тебя допустят на пост.

Я старался изо всех сил, но Ленина мне долго не удалось увидеть. Всем везет, а мне нет. Как в Совнарком — так старших Шорихиных, а младшего — на разгрузку дров или картошки.

Впервые в Кремле я встретил Ленина, когда мы разгружали эшелон с рисом и мукой, присланный на его имя с фронта. Я участвовал в выгрузке вагонов и в доставке

продовольствия в Кремль. Кладовая находилась у Успенского собора.

Прошло полгода, оба моих брата уехали на фронт, а меня назначили наконец часовым на 27-й пост.

Порядки уже были установлены строгие. Возле поста висят инструкция и образцы пропусков. Кто бы ни пришел — без пропуска допускать запрещено.

В час ночи, когда я только что заступил, услышал со стороны лестницы в полутемном коридоре шаги и голоса:

— Наденька, куда я дел пропуск?

— Посмотри хорошенько, Володя, — сказала Надежда Константиновна, подходя к посту и показывая свой пропуск. — Ты, наверно, оставил его в библиотеке. Теперь тебя и домой не впускают.

Надежда Константиновна, улыбаясь, смотрит на меня и оборачивается к Владимиру Ильичу, который все еще обшаривает карманы.

— Верно, товарищ часовой? — серьезно спрашивает меня Лепин. — Не пустите?

Я открыл дверь, готовый впустить Владимира Ильича. Но тут же вспомнил, что Ленин всегда хвалит курсантов, если они точно соблюдают устав. Я робко произнес:

— Вот, правда, пропуск полагается...

— А что должен делать в таких случаях часовой? — спросил Ильич.

— Позвонить в караульное помещение и вызвать разводящего. Но вас я знаю и могу пропустить.

— Нет-нет, товарищ курсант. Звоните и вызывайте разводящего.

Я немедленно позвонил. Ленин отошел в сторону, снял шапку, вынул платок и вытер им голову и шею. Я стою смиренно у двери, не знаю, что делать, что сказать. Я, девятнадцатилетний юноша, видел Ильича, истекающего кровью, слышал его речи в защиту бедных и угнетенных, знаю, что он борется за дело, за которое погиб мой отец, и вот я держу его возле двери в коридоре, пока не придет разводящий. У меня слезы навернулись на глаза. Я попросил Владимира Ильича:

— Может быть, вы войдете домой? Я же вас знаю и могу пропустить.

— Откуда вы меня знаете?

— Я видел вас раненого...

Владимир Ильич вынул из кармана жилета часы, взглянул на меня и спросил:

— А долго будем ждать разводящего?

— Минут десять пройдет.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

— Давно служите в армии?

— Полгода.

— В какой роте служите?

— В пятой.

Уже пришел разводящий и можно Ильичу пройти в квартиру, а он все продолжал меня расспрашивать. Узнав, что нас три брата и все мы служим в Красной Армии, Ленин спросил про отца, потом про мать — где она, как живет.

— Плохо живет, — ответил я.

— А вы давно были у матери? Скоро к ней поедете?

Я сказал, что в деревне не был уже давно, а когда поеду — это зависит не от меня.

— Обязательно надо съездить. Узнайте про все, что там происходит, и заходите ко мне вот сюда, расскажете.

Спросив мою фамилию, Владимир Ильич ушел домой.

В первое же воскресенье я неожиданно получил от начальника школы увольнительную на двое суток и бумагу для местных властей, чтобы моей матери была оказана всемерная помощь.

В деревню я приехал как раз вовремя. Мою мать обижали кулаки. Односельчане расспрашивали про Москву, про Ленина. Мне удалось привлечь в Красную Армию некоторых из моих сверстников, с которыми я когда-то учился в школе и которых кулаки запугали и загнали в лес. А в лесах в ту пору бродило немало всевозможных банд.

Не знаю, была ли еще когда-нибудь мать так счастлива, как в тот момент, когда я ей рассказал о службе ее сыновей в Кремле и о наших встречах с Владимиром Ильичем.

Во время Всероссийского субботника Первого мая двадцатого года Ильич пришел на плац, где мы построились, встал с нами в строй и работал на расчистке

В. И. Ленин, К. Е. Ворошилов среди делегатов X съезда партии и кремлевских курсантов — участников подавления кронштадтского мятежа, 1921 год

Кремля. Все окружили его во время перекура, а мне даже удалось посидеть с ним рядом на бревне.

А через несколько дней, перед отъездом на польский фронт, я устроился у его ног, фотографируясь в группе курсантов. Напутствуя нас, Ленин сказал, чтобы мы помнили, что польский народ нам не враг. Враг — буржуазия, которая посылает солдат душиТЬ молодую республику.

С бригадой Котовского на пулеметных тачанках я, третий из Шорихиных, воевал за дело отца на фронтах гражданской войны. Под Дубно, когда враги прижали нас и перебили последних лошадей, я снял с тачанки пулемет и задерживал наступающих сколько мог. Василий Иванович Зуев прочел в газете про поступок кремлевского курсанта в бригаде Котовского и прислал мне на фронт письмо. Первый раз случилось, что Василий Иванович, друг и соратник моего отца, меня похвалил.

КРЕМЛЕВСКИЕ КУРЬЕРЫ

Не знаю, найдешь ли теперь в Москве такое чудо техники, как самокат. Не велосипед, а именно самокат военного образца, складной: приедешь на место, сложил колесо к колесу и — на плечо. Само название «самокатчик» мало что кому говорит. А вот мы были в двадцатые годы самокатчиками, кремлевскими курьерами.

Всякому понятно, кто такой, к примеру, диккурьер. Есть об этом книги, фильмы. Увлекательная и опасная профессия! Наши масштабы, правда, поменьше, хотя дела, возможно, были и поважнее. Государственные дела. И опасность подстерегала нас на каждом шагу, потому что курьеру на самокате вверялась важнейшая государственная тайна.

Вот листаешь десятилетия спустя Ленинские сборники, том за томом, читаешь записки Ленина наркомам, секретарям ЦК, всякие по тому времени секретные документы. Прикидываешь время, даты и думаешь: «А может быть, ты, Иван Громушкин, их доставлял? Может, это в твоей сумке они лежали за пятью сургучными печатями?»

Не я, так мой товарищ. Но наверняка наши самокатчики. Особенно если на документе пометка: «Лично. Под расписку. Ответ немедленно».

Эти письма и записки Ленина по всей Москве возил наш военный отряд самокатчиков в своих кожаных сумках на ремне через плечо.

В моей команде около сорока молодых парней. «Сорок скороходов» — называют нас в Кремле. Это верно:

иногда приходится самокатчику скакать на своих двоих. Спустит камера или сломается «конь» — нет времени ждать смены или помощи. Да и телефон не всегда есть под рукой — очень мало было телефонов в Москве. Значит, приходилось самокат складывать на плечо и — бегом вперед. Добежишь, пакет сдашь и, в ожидании ответа, чинишь своего «коня».

Ребята на подбор, сильные, смелые. Все, кроме меня, москвичи и хорошо знают путаную Москву с ее кривыми улочками и переулками. И все — потомственные рабочие.

Я — из Подмосковья, из крестьян-хлеборобов, но Москву знаю тоже неплохо. Во время революции исколесил ее вдоль и поперек, особенно центр, Лефортово и Рогожскую сторону. Хорошо еще знаю район бульваров, где воевал с анархистами, когда служил в Военно-революционном штабе. Рабочий класс надо мной слегка подтрунивает: какой ты, Громушкин, хлебороб, когда под Москвой одна капуста и огурцы, ты — огородник. Но слушаются меня хорошо. За мной — две войны: окопы на румынском фронте и бои против Врангеля, курсантская бригада. Ребята уже успели про меня все узнать и разукрасить. Даже то, как под Сладкой балкой свои же хлопцы из соседнего отряда приняли меня за мертвяка. С меня сдирали пистолет и планшет с документами, а я вцепился и рук не разжимал. «А-а, да он, наверно, живой», — догадались люди и, схватив меня за ремень, приподняли. А я контужен был — в сознании, но голоса не подавал. Когда бросили на подводу, я забылся до самого Харькова. Так теперь самокатчики и говорят: хоть мертвым будешь, хоть штыком тебя коли, а почетную службу крепко держи, не зевай. Придумали же!

На фронте я был командиром пулеметного взвода. Краскомом стал здесь же, в Кремле. Значит, я здешний старожил. Ребятам это нравится.

Тогда форма наша была не такая праздничная — сборная: один — в ботинках, другой — в сапогах. На мне была защитная гимнастерка и кожаная фуражка, которую я сам себе приобрел в магазине офицерского общества на Воздвиженке.

Однажды я был вызван в канцелярию Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона. Начальник канцелярии и говорит мне:

— Здорово вы, товарищ Громушкин, своего Гаврилова настрополили. Такой настойчивый — никого не признает!

Я взял этого Гаврилова за бока: в чем дело, что ты там натворил?

Он, оказывается, доставил от товарища А. Д. Цюрупы Ленину пакет и требует личной расписки Ильича в получении этого пакета. Здесь присутствовала Лидия Александровна Фотиева. Она сказала:

— Молодец Гаврилов, правильно выполняет указания Ленина!

— Кто тебе наказывал требовать от Ленина расписки? — напустился я на Гаврилова.

— Зря вы меня ругаете, товарищ командир, — обиделся Гаврилов. — Владимир Ильич расписался и рассмехался.

А в другой раз был такой случай. Гаврилову вручили пакет для передачи лично Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Пакет от Ильича.

Возле здания ЧК на Гаврилова напал какой-то гражданин, схватил сумку и сорвал с ремня. Одной рукой Гаврилов перехватил сумку, другой — за наган и так дал преступнику рукояткой по голове, что тот сумку выпустил и упал.

Кругом — толпа, могут быть и сообщники. Сумку Гаврилов прижал к себе, а на преступника поставил самокат, затем передал задержанного чекистам.

Когда Гаврилов вручил Феликсу Эдмундовичу ленинский пакет, а потом вернулся в Кремль, мы узнали, что он задержал очень важную птицу.

Хоть я и начальник команды, но случается везти пакеты и самому. Особенно если в Совнарком вызывают ночью, — значит, пакет срочный и важный.

Кремля мы не покидали ни ночью, ни днем. Другой жизни и не было. Тут же, в Чудовом монастыре, наш гараж: наилучшая техника того времени — самокаты фирмы «Дукс». За их исправностью следил специалист-механик Л. А. Потупинский (ныне он пенсионер и проживает в Москве). В двадцать втором году он хорошо справлялся с нашими самокатами.

Однажды ночью раздается звонок, срочно вызывают в приемную Совнаркома: нужен самокатчик. Звонит Фотиева, иду сам.

Часовые пропускают беспрепятственно. Еще бы: у каждого из нас пропуск, годный везде. Самокатчик облечен большим доверием: лично в руки — лично от Лепина.

Кроме того, часовые меня знают: после фронта я несколько месяцев командовал взводом в Школе ВЦИК. В наши времена на пулеметных курсах личный состав менялся каждые три-четыре месяца. Не успеют друг друга как следует узнать — и на фронт. А в Школе имени ВЦИК обучение длилось тогда два года. Так что курсанты успевали запомнить друг друга навсегда и всех живых в Кремле знали в лицо.

В Совнаркоме Фотиева говорит мне:

— Обождите, Громушкин, присядьте, — и уходит за дверь в кабинет.

Там Владимир Ильич. Наверно, склонился над столом, дописывает бумагу.

Я жду стоя, не могу заставить себя сесть. Уже который раз являюсь я по вызову в секретариат, а всегда волнуюсь. Смотрю на дверь и жду: может быть, выглянет Владимир Ильич.

Я не видел его близко с тех пор, как мы вместе носили бревна на Первомайском субботнике в Кремле. Часто он теперь болеет... Как он теперь выглядит, постарел, наверно...

Мысленно начинаю подсчитывать, сколько раз я видел и слышал Ильича. Пока учился, часто встречал. Особенно на прогулках или на рабочих собраниях, где он выступал. Будучи в охране VIII и IX съездов партии и в охране II и III конгрессов Коминтерна, я слышал его речи.

...Одно за другим проносятся воспоминания. Может быть, мне показалось, что я долго жду, а времени прошло не так уж много.

Выходит Лидия Александровна. Наконец я принимаю увесистый пакет — что-то важное посылает Ильич. Адрес: Наркоминдел. Заместителю наркома лично. С ответом.

Все размышления — побоку. Теперь у меня одно: боевой приказ.

Внизу уже поджидает молодой самокатчик, из новеньких. Ночью стараемся ездить по Москве парами. Кроме того, надо приучать новичков к кратчайшим маршрутам.

Мы быстро добираемся до Наркоминдела. Свой само-

кат оставляю товарищу впизу, а сам мчусь по ступенькам вверх.

И здесь еще не спят, ждут.

По натертому паркету вхожу в кабинет замнаркома. Тут шикарнее, чем в Кремле. Ходят сюда не красноармейцы и не крестьянские ходоки, а дипломаты, иностранцы.

На ковре, в кольце книг, сидит, поджав по-восточному ноги, заместитель Чичерина — Карахан. Он чем-то увлечен, отмахивается от меня, вроде: положи, мол, что принес, на стол.

Но я службу знаю не хуже моего Гаврилова. Пакет от Ленина под расписку. И с ответом. Буду хоть до утра ждать ответа.

Человек недоволен, отрывается от книг, берет в руки конверт...

Я жду. Жду, как всегда, терпеливо и настойчиво. Только тогда приказ будет выполнен, когда я вручу ответ Л. А. Фотисвой.

Хорошо бы иметь характер Гаврилова: ворваться к Ильичу в кабинет, сдать бумагу лично, под расписку. Но я знаю не только службу, но и порядок. Ильич работает всю ночь. Ему не до меня.

С тех пор прошли десятилетия, есть время подумать и вспомнить, уточнить детали. Я листаю Ленинские сборники, и передо мной проходят события 1922—1923 годов. Телеграммы, приказы, записки, давно забытые имена. Записка Авапесову — да, возил. И ответ от него был. Какой — не знаю. Только теперь я могу предположить, что именно вот этот, который я только что прочитал. Письмо Дзержинскому — да, бывал и в кабинете Феликса Эдмундовича. Но ему письма обычно шли без указания о немедленном обязательном ответе: как знает, так и поступит.

Читаю Ленинские сборники и думаю: «Сколько сил потратил Ленин, строя твердую государственную власть и дисциплинированный аппарат, сколько он затратил труда, чтобы установить революционный порядок, при котором не может быть никакой лазейки для самых ненавистных Ленину зол — расхлябанности и бюрократизма!»

ХЛЕБ С ФРОНТА

Очевидно, каждый по-своему пришел в революцию, но всех нас к тому подготовила жизнь. Со мной все произошло на первый взгляд случайно: шел ночью по Саратову мимо консерватории, увидел в поздний час толпу, узнал, что в этом здании заседает Совет. Едва переступил порог, как услышал жаркий спор большевиков с меньшевиками. Спор этот настолько захватил меня, что на следующий день я пошел записываться в партию.

Конечно, внутренне я уже был к этому подготовлен и своим трудовым прошлым, и окружающей средой. Спор я услышал о том, что меня больше всего волновало. И в этом споре сразу встал на сторону тех, чьи взгляды мне пришлись по душе. До этого я работал в саратовской гостинице чернорабочим. Там у нас бывал жилец Дмитрий Бассалыга. Не знал я тогда, что он с девятьсот четвертого года состоит в подпольной организации большевиков. Просто знал его как хорошего, душевного человека, который, хоть и интеллигент, но не гнушается поговорить с мальчишкой о жизни. Он-то и приобщил меня к идеям коммунизма.

Вступить в партию в начале восемнадцатого года — значило взять в руки оружие. Первое испытание — в бою. В жаркой схватке с врагом выяснялось, достоин ли ты быть коммунистом.

Я учился на Саратовских пехотных курсах красных командиров. Однажды осенней ночью нас подняли по тревоге и бросили за Волгу, на станцию Покровск. Только перед погрузкой в эшелон мы узнали, что направляемся под Уралск, на помощь Чапаевской дивизии.

Там, в Уральске, мы воевали, там позже, уже зимой, застал нас приказ Реввоенсовета, разосланный на разные фронты и в города республики: немедленно откомандировать в Москву для продолжения учебы и несения ответственной службы по охране Кремля лучших курсантов-коммунистов. Саратовцев было двадцать. Кто достоин, решало партийное собрание. Для каждого такое решение значило много.

Мы ехали в Москву словно наэлектризованные. Шутка ли — признание товарищей, Кремль, доверие, а самое главное, увидим Ленина! Семь суток скакали с эшелона на эшелон, из теплушки на тендер паровоза, из вагона в вагон. Пересекли всю воюющую и голодающую Россию и мартовским вечером вышли на платформу Павелецкого вокзала, не думая ни о сне, ни об отдыхе, только бы скорее попасть в Кремль.

Москву никто из двадцати не знал. Навьюченные багажом и запасом продуктов, накопленных в Заволжье на богатых базарах, шагали строем по темным улицам, и старший среди нас курсант Никитин каждого встречного спрашивал: «Как пройти в Кремль?»

К Спасской башне подошли в тот момент, когда куранты заиграли «Интернационал». Мы стояли притихшие, слушая революционный гимн, и с благоговением взирали на каменные стены, на могучую башню, озаренную жарким костром. У костра топтались часовые — двое, в длинных тулупах поверх шинелей и в валенках.

Когда куранты смолкли, мы спросили часовых, как войти в Кремль.

— А-а-а, попались, голубчики! — огорошил нас один из часовых. — Вперед топайте, кругом стен!

Мы зашагали вдоль братских могил, где теперь находятся трибуны, мимо костра, пылавшего у Никольской башни, к Троицким воротам. Там нас впустили в Кремль. И снова — пустынная тишина. По старинным кремлевским улицам, мимо черных чугунных пушек, казенных домов, освещенных луной, молча дошли до казармы и поднялись на третий этаж по истоптанным и стертým бетонным ступеням.

На железных койках спали курсанты, покрытые шинелями поверх одеял. Холодно, неуютно, темно.

Наш приход многих разбудил. Нашлись гостеприимные, сбегали с ведерными чайниками на кухню за кипя-

ком. Мы развязали мешки и разложили свое богатство. Белых сухарей и прочей снеди, которой угощали товарищей, здесь никогда не видали. Чаепитие затянулось до тех пор, пока дежурный по роте не подал команду разойтись по местам.

Из числа приехавших мы оказались не первыми. Нас опередили товарищи из Питера, из Иванова, из Смоленска. Все вновь прибывшие были коммунистами-фронтовиками. Они съехались в Кремль с разных фронтов гражданской войны и думали о том, когда же удастся снова вернуться на передний край борьбы.

Большинство курсантов косо смотрело на старых офицеров, которые были назначены в качестве преподавателей и инструкторов. Нам же, фронтовикам, была понятна ленинская установка о всемерном использовании в Красной Армии старых военных специалистов. Мы имели возможность проверить ее на практике и научились подчиняться бывшим офицерам — при контроле, конечно, за их деятельностью.

Чтобы окончательно разобраться во взаимоотношениях, мы потребовали провести партийное собрание.

В своей жизни я не помню таких бурных собраний. Страсти накалились. Комиссар Даниеля не знал, как унять наш пыл. Он упрекал курсантов в неправильном отношении к бывшим офицерам. Курсанты из старожилов упрекали комиссара в том, что он все время на стороне офицеров, за революцию же отвечают не офицеры, а рабочие и крестьяне. Нам, свежим людям с фронта, эти споры пришлось не по нутру. Нам скорее учиться надо, а тут еще выясняют отношения. Так и высказали все, что думали, товарищам в лицо. Хватит, друзья, митинговать.

Меня избрали председателем бюро новой, объединенной партийной организации. И первое, о чем договорились, — собрать вместе курсантов и бывших офицеров, протянуть нашим преподавателям руку помощи.

Для командного состава это было ново и неожиданно. Ячейки всегда заседали при закрытых дверях, и бывшие офицеры настороженно ждали, что еще там надумают горячие и непримиримые головы. А тут — совместное собрание и прямой вопрос: почему вы не командуете нами, как положено? Что вам нужно для полноты командирской власти?

Офицеры молчали. Первым заговорил бывший полков-

ник Александров, в то время начальник курсов. Он сказал, что потрясен и искренне обрадован таким подходом коммунистов к общему делу. Пусть командиры скажут все откровенно.

Бывший штаб-ротмистр Петров, один из лучших командиров рот, которого невзлюбили было за то, что он твердо насаждал дисциплину, сказал:

— Командовать можно только при доверии и без оглядки. Будете помогать — дело пойдет.

Мы, коммунисты, взяли командирам помочь. А это было очень трудно. В Москве была раскрыта подпольная организация, состоявшая из бывших офицеров. Щупальца ее протянулись в военные учреждения страны. Даже у нас на курсах чекисты арестовали двух преподавателей, входивших, как оказалось, в состав этого центра. Любители пошуметь и поворчать сразу всполошились: вот кто нами командует! Но у нас был очень сплоченный партийный коллектив, и мы сумели утихомирить крикунов.

Стремление сделать кремлевские курсы лучшими в республике увлекло всех. На первомайском параде в девятнадцатом году Ленин сказал, что курсанты-кремлевцы прошли лучше всех. Дело не в шагистике и маршировке, а в том, как выглядели будущие командиры из рабочих и крестьян, собирающиеся занять место тех, кто считал военную профессию чуть ли не своей наследственной классовой привилегией. Нам по этому поводу даже выдали праздничный обед: щи с копченой и гречневую кашу с кусочком той же копчины.

О белых калачах и сухарях с рынков Заволжья мы давно уже забыли. Голод в Москве к лету стал страшным. И хотя все несли тройную нагрузку, совмещая караульную службу, учебные занятия и работу на субботниках, хотя курсанты сами страдали от недоедания, в трудный для Москвы июль мы решили помочь рабочим.

В то время все политически важные решения партийного коллектива и общего собрания объявлялись в приказе по курсам. Стоит привести хотя бы два документа девятнадцатого года — нашу резолюцию о помощи голодающим рабочим Москвы и принятое на другой день решение о бдительности на постах в Совнаркоме.

«В последние дни, — говорилось в этой резолюции, — контрреволюционеры ведут свою агитацию на почве голода среди красных рабочих Москвы. Мы, рабочие и кре-

стьяне, пошедшие на командные курсы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, призываем товарищей рабочих стоять твердо на своем посту, ибо до нового урожая остается несколько недель, вместе с тем Красная Армия с оружием в руках идет гигантскими шагами вперед, забирая хлеб для голодных рабочих Москвы и Петрограда...

Мы, курсанты 1-х Московских советских пулеметных курсов, обсудив вопрос о бедствии и голоде рабочих Москвы, постановили: отчислять от каждого курсанта по полфунта хлеба ежедневно, надеясь, что рабочие от своих товарищей по труду и мозолистым рукам примут все то, что мы могли сделать».

Эта резолюция была объявлена в приказе 23 июля. А на следующий день состоялось экстренное заседание бюро партийного коллектива курсов совместно с дежурными по караулам и комендаптом Кремля. Товарищ Мальков доложил коммунистам, что в Совнарком прошли несколько человек по пропускам, каких не было на образцах возле часовых. В решении нашего бюро было сказано: «...Если и еще раз напомнить курсантам о постановлении, вынесенном месяц тому назад на общем собрании об охране Кремля. Еще раз напоминаем каждому товарищу, стоящему на посту: **ПОМНИ, ЧТО ТЫ ОХРАНЯЕШЬ МОЗГ ВСЕМИРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ТЫ ОТВЕЧАЕШЬ ЗА СВОЮ ОПЛОШНОСТЬ ПЕРЕД ПРОЛЕТАРИАТОМ ВСЕХ СТРАН**». Бюро предложило председателям президиумов ротных ячеек назначить по тридцать испытанных коммунистов из каждой роты на посты в Совнарком.

15 августа и я окончил командные курсы. Для нас это был большой праздник, все уже считали дни и часы, оставшиеся до отъезда на деникинский фронт. Мы условились, что на выпускной вечер попробуем пригласить Ленина.

Владимир Ильич принял нашу делегацию, расспросил, из кого состоят выпускники, каково настроение курсантов, какой состав аудитории выпускного вечера, и обещал прийти и выступить, только чтобы мы напомнили ему по телефону минут за десять до начала.

Во время чтения приказа о выпуске в президиум собрания пришел В. И. Ленин в сопровождении коменданта Кремля. Конечно, никто уже не слушал приказа, как ни старался Ленин утихомирить зал. Я посмотрел на това-

рища, читавшего приказ, и вспомнил, что недавно сам пережил такое же.

15 апреля 1919 года кремлевские курсанты послали меня делегатом на командные курсы тяжелой артиллерии, которым вручали Красное знамя Рогожско-Симоновского райкома партии. Вдоль стен огромного актового зала бывшей гимназии построились артиллеристы. Только я вошел на трибуну и начал приветственное слово, как в другом конце огромного зала появился Ленин. Конечно, меня уже не слушали, да и сам я — с трибуны долой. Ленин приехал с какого-то завода, где он выступал перед рабочими. Он тут же подошел к трибуне и произнес перед артиллеристами речь.

На нашем выпуске Ленин тоже начал говорить сразу, не хотел терять дорогого времени. Едва произнес он первые фразы, как аудитория успокоилась.

Ленин говорил о дисциплине. Он говорил о том, что красные командиры наделены большими правами наравне с крупнейшими государственными деятелями. Многие наверняка будут крупными руководителями Вооруженных Сил и вожаками народных масс не только в вооруженной борьбе, а и в мирном строительстве, когда закончится борьба на фронте.

— Помните, — сказал Ленин, — вы должны быть примером во всякой работе как для красноармейцев, так и для гражданского населения. Полученные вами знания на курсах — это только начало. Необходимо эти знания всячески увеличивать и углублять.

Мы просили Ленина остаться с нами на концерт. Ленин отказывался: много срочных дел. Но курсанты окружили его и не отпускали, убеждая, что ему следует хоть немного отдохнуть. Тогда Владимир Ильич согласился остаться ненадолго, но попросил пригласить Надежду Константиновну. Мы побежали за Крупской, она пришла с нами, и Ленин остался в зале. Потом не раз я вспоминал об этом дне.

Все уехали на фронт, а меня выдвинули на должность командира взвода на курсах. Но мне тоже хотелось на фронт. Разгромлен Колчак. Ленин зовет: «Все на борьбу с Деникиным!» Деникин рвется к Туле и Москве. Сформирована Московская курсантская бригада. Один курсант уговаривает другого: «Уступи место, ты оставайся, а я пойду». Неужели я в такое время останусь здесь, в тылу?

Я подавал рапорт за рапортом, но два месяца пришлось обучать других, пока не отпустили меня наконец на Туркестанский фронт начальником батальонной пулеметной команды в 3-й Оренбургский крепостной полк.

С этим полком я провоевал до ранения на польском фронте, под Брест-Литовском. Я снова вернулся на службу в Кремль в январе двадцать первого года и оставался там, пока не попал в первую тысячу коммунистов-добровольцев, уехавших на партийную работу на периферию. Но это уже другая тема разговора. Я расскажу еще об одном случае, когда мне пришлось побывать в Кремле, у Ленина в кабинете. Это было тогда, когда наш Оренбургский крепостной полк воевал в Заволжье, в феврале двадцатого года.

Совершая тридцатикилометровые переходы, мы шли из Оренбурга к Уральску — на помощь Чапаевской дивизии. Это было в конце декабря, под рождественские праздники. На почлег остановились в деревне Чинки, в районе Ак-Булака. Почти в каждой хате стоял самогонный аппарат, крестьяне переговляли к празднику самогон из чистой пшеницы. Село богатое, горы хлеба на токах. Наше появление здесь было неожиданным.

Многие крестьяне пытались «угощать» и наших бойцов. Мы предприняли чрезвычайные меры, собрали сельский сход.

Я объявил, что если самогоноварение и пьянка не прекратятся, пойдем по домам и порушим все аппараты.

— Что же вам, нашего добра жалко? — загалдели на сходе жители. — Все равно зерну гнить-пропадать.

— Как так гнить, когда города голодают?! Рабочему классу есть нечего, животы подвело, а вы тут хлеб на брагу гоните!

— Так берите его, гоните в город. Мы давно рады бы продать, да вывозу нету.

Действительно, село верстах в сорока от железной дороги, и никакне продотряды до него не добираются.

Полк постановил: излишки хлеба погрузить в эшелоны своими силами. Так и доставили хлеб до железной дороги на своих повозках и лошадях, погрузили в вагоны и отправили в Оренбург.

А там в это время городские власти отметили двухлетие полка — он состоял целиком из местных железнодорожников и рабочих оренбургских заводов. В городском

театре на праздновании решили избрать В. И. Ленина и М. И. Калинина почетными красноармейцами. Документы почетным красноармейцам и форму должна была вручить выбранная делегация, в том числе и я, как бывший курсант из Кремля. И тут же постановили: эшелон с хлебом отправить в Москву.

До Москвы добирались две недели. С вокзала я позвонил в Кремль старым друзьям, пропустили нас быстро, в приемную Совнаркома пришли как к себе домой. Все-таки я здесь немало прослужил и не раз стоял часовым.

В приемной в очереди сидели две делегации из-за рубежа, с Востока. Я обратился к Л. А. Фотиевой с просьбой пропустить нас к Ильичу, которому мы должны вручить документ почетного красноармейца Оренбургского крепостного полка. Фотиева объяснила нам, что Ильич занят, народ к нему приехал издалека, ждут люди, спросила, не можем ли мы прийти в другой раз или передать документ. Но тут мы объяснили, что, кроме документа, мы привезли форму, а кроме формы — эшелон с пшеницей.

Товарищ Фотиева немедленно доложила об этом Ленину, и мы были приняты.

Ленин встретил нас у двери веселый, крепко пожал каждому руку, предложил садиться. Мы стоим, жмемся. Товарищ Фотиева предупредила нас, что времени — пять, от силы десять минут, где уж тут расслаживаться. Но Ленин всех нас усадил, сам сел за стол и стал расспрашивать, с чем приехали.

Помня предупреждение секретаря, я скороговоркой доложил об избрании В. И. Ленина и М. И. Калинина почетными красноармейцами и о том, что нам поручено вручить лично документы и обмундирование.

— Это хорошо, очень хорошо, что вы доставили хлеб, — сказал Ленин, взял телефонную трубку, попросил соединить с Наркомпродом и сообщил туда, что с фронта доставлен эшелон с пшеницей.

Этот эшелон он предложил немедленно распределить по детским домам и яслям Москвы. Положил трубку и сказал:

— С вами нужно обсудить много вопросов, а времени у нас мало. Поэтому давайте установим такой порядок: я буду задавать вам вопросы, а вы будете отвечать. Идет?

Он начал задавать нам вопросы, на которые мы впятером едва успевали отвечать. Вопросы обо всем: обстановка на фронте, настроение красноармейцев, командиров, что говорят о Советской власти рабочие и крестьяне — только чистую правду. И так увлеклись, что о времени, конечно, забыли. А товарищ Фотиева чуть приоткрыла дверь и заглянула в кабинет: десять минут прошло.

Я вскочил и собрался уходить, дав товарищам знак кончать беседу. Но Владимир Ильич махнул рукой и сказал: — Садитесь!

Прошло уже пятнадцать минут. Я вновь поднялся, сказал, что мы израсходовали времени в три раза больше, чем было дозволено. Он развел руками и, улыбаясь, произнес:

— Вот видите, беседа у нас очень хорошая, и в самом разгаре, все интересно, а времени мало. Ну что ж, придется расходиться.

Мы встали. Он тоже встал и еще спросил:

— У меня к вам последний вопрос. Вы из какой губернии?

— Из Саратовской, — ответил я.

— Вы из какой?

— Из Оренбургской.

— А вы из какой?

— Из Белоруссии.

Четвертый оказался с Украины, а пятый сказал:

— Я, товарищ Ленин, из Венгрии.

— А как вы к нам попали?

— Это товарищ Франц. У нас в полку он называется Волковым, — объяснил я.

— Когда чехословацкий корпус восстал против Советской власти, — сказал товарищ Франц, — многие коммунисты из военнопленных вступили добровольцами в Красную Армию. Вот я и служу в Красной Армии.

Ленин так радостно на всех посмотрел и сказал смеясь:

— Ну, у вас почти полный интернационал! Передайте привет и самые лучшие пожелания всем красноармейцам, рабочим и крестьянам, скажите, что дела Советской власти улучшаются. Победа обязательно будет за нами.

Товарищ Фотиева уже стояла в кабинете, терпеливо ожидая, когда мы наконец выйдем. Владимир Ильич увидел ее и сказал, чтобы она тут же позвонила Михаилу

Ивановичу Калинину, передала ему, что Ленин просит принять нашу делегацию вне очереди, так как нам надо срочно возвращаться на фронт. Кроме того, надо помочь фронтовикам получить проездные документы в пассажирский поезд и обязательно выдать на дорогу продовольствие.

Не хотелось уходить, но надо было. Хотелось еще спросить Ильича, не узнает ли, не помнит ли он курсанта, который приходил в этот же кабинет приглашать его на выпускной вечер. Да не решился...

Мы вышли на площадку лестничной клетки. Стоим, смотрим друг на друга, и никто не может начать разговор. Но вот наш боевой товарищ Франц произнес:

— Ну что, дрались? Дрались. У Ленина были? Были. Теперь поехали еще крепче драться. И можно умереть.

Мы дружно рассмеялись и пошли к выходу.

У Михаила Ивановича Калинина пробыли не менее часа.

В Оренбург вернулись через трое суток пассажирским поездом, — кажется, впервые за время гражданской войны не в теплушке. Нас встретили с оркестром, несколько дней ходили с собрания на собрание: и в полк, и в железнодорожные мастерские, и по лесопильным заводам. А потом всем нашим «интернационалом» — снова в бой за Советскую власть.

После ранения и госпиталя я вернулся на курсы в Москву, в Кремль. Гражданская война кончилась. Мне поручили вести партийную работу в кремлевской партийной организации, входившей в кремлевский подрайком. Я был командиром взвода на курсах и ответственным организатором подрайкома.

В конце двадцать первого года, когда началась широкая дискуссия о роли и задачах профсоюзов, решено было провести такую дискуссию и у нас. Мы пригласили лидеров всех направлений. Владимира Ильича решили не беспокоить.

Дискуссия длилась более четырех с половиной часов. Уже близилось голосование. По выступлениям, по разговорам в перерывах можно было предположить, что кто в аудитории будет голосовать за тезисы «рабочей оппозиции». И это в организации, которая объединяет помимо кремлевских курсов и все остальные учреждения

Кремля. Решили позвонить по телефону Владимиру Ильичу, рассказать ему о сложившейся обстановке.

Как ответственный организатор кремлевского подрайкома, я позвонил Ленину и попросил помочь нам. Владимир Ильич обещал прийти на собрание.

На следующий день собрание продолжалось. Ленин, как и сказал, пришел к нам. За тридцать минут он дал характеристику всем направлениям, участвующим в дискуссии, и закончил убедительно, просто. Ленин призвал собрание голосовать за тезисы десяти, то есть за тезисы Центрального Комитета партии. Результат оказался блестящим: за тезисы ЦК проголосовало девяносто шесть процентов участников дискуссии.

БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ

Есть люди, для которых все на свете одним миром мазаны. Такие люди смотрят словно бы поверх человека. Все для них — на одно лицо.

У Ленина можно было поучиться умению замечать и ценить в человеке человека. Он в каждого всматривался, видел у каждого индивидуальное лицо. Для него и часовой на посту был не просто часовой, а прежде всего человек. Я убеждался в этом не раз за время службы и учебы в Кремле.

Мне нередко приходилось в начале девятнадцатого года стоять на посту возле квартиры Ильича.

Как-то вечером, когда я увидел его впервые и поздоровался с ним, Владимир Ильич остановился и спросил, рабочий я или крестьянин. Я несколько растерялся, не нашелся сразу с ответом и сказал, что в последнее время работал на заводе компании «Зингер» в Подольске, а вообще происхожу из крестьян.

— Ну, значит, рабочий, — сказал Владимир Ильич, предъявил мне пропуск и быстро прошел в свою квартиру.

Конечно, он понял, что мне приятно отнести себя к рабочему классу.

Через некоторое время я снова стоял на посту в коридоре. Опять был вечер. Горело электричество — четыре не очень-то яркие лампочки на весь коридор. Для девятнадцатого года это было хорошим освещением.

Владимир Ильич подошел ко мне и сказал:

— Товарищ часовой, неплохо было бы сэкономить одну электролампочку. Как вы думаете? Не будет ли это

неудобством для дежурных и для тех, кто проходит по коридору?

Я, конечно, согласился, что достаточно и трех лампочек, и одну тут же выключил.

Ленин потом снова спросил меня, когда немного спустя проходил по коридору: достаточно ли света, не темно ли.

Мы были не очень-то грамотными людьми, но Владимира Ильича всегда очень хорошо понимали и рады были его послушать. Я впервые его услышал в январе девятнадцатого года на митинге протеста против убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Убили их пятнадцатого января, а девятнадцатого на площади перед зданием Моссовета состоялся многолюдный митинг. С балкона второго этажа выступил Ленин. Он закончил свою гневную речь возгласом: «Смерть палачам!» И все мы подхватили этот возглас. Удивительно, какое глубокое и искреннее чувство братской солидарности возбудил он своей страстной речью в нас, простых и не очень-то развитых парнях, впервые услышавших имена вождей германского пролетариата! Мы всей душой возненавидели германских белогвардейцев, как и наших, российских. По слову Ленина мы готовы были идти на смерть и за германскую революцию.

Ленин несколько раз выступал у нас на курсах. Он очень дорожил временем. Положит перед собой часы и сразу начинает говорить о самом главном: о положении в стране, на фронте, о том, что надо сделать, чтобы победить врагов Советской республики. За пятнадцать — двадцать минут он умел просто и ясно рассказать именно о том, о чем нам больше всего хотелось узнать.

И еще вспоминаю один случай, который каждого, кто был свидетелем его, мог поучить отношению к человеку.

Я был в паряде по охране VII Всероссийского съезда Советов в Большом театре. Это происходило в декабре девятнадцатого года. На съезде было очень много народу, в нем уже участвовали представители Башкирии, Киргизии и Туркестана. Все знали, что с докладом о работе ВЦИК и Совнаркома должен выступить Ленин.

Как и на всяком таком заседании, вначале решались процедурные вопросы: состав президиума, состав комиссий, регламент. Известно, как это происходит, — каждой делегации хочется быть представленной в президиуме или в других выборных органах съезда. А в те времена

это вызывало особенно много шума. Споры, возражения в общем-то возня по мелочам. Мы уже знали, что Ленин не терпит пустячной болтовни, многословия, жесткие меры принимает против всякой суеты, до предела уплотняет заседания, успевая множество важнейших вопросов решать быстро и без лишних слов. Нам об этом не раз рассказывали товарищи из секретариата Совнаркома и крупные политические работники, которые приходили в наш клуб и казармы поговорить с будущими командирами.

И на съезде Ленин в ожидании, когда кончится процедурное обсуждение и можно будет приступить к делу, пытливо, внимательно всматривался в зал. Неожиданно он встал из-за стола президиума и сошел по ступенькам со сцены. В зале он остановился возле пожилого делегата в седьмом или восьмом ряду. Делегат этот все время прикладывал к уху ладонь, чтобы лучше слышать. Ленин наклонился к нему, о чем-то спросил, вернулся на сцену и обратился к съезду с предложением: делегата такого-то — он назвал его фамилию — ввести в состав президиума. Это неважно, что в президиуме будет одним человеком больше установленной нормы. Важно, чтобы человек хорошо слышал докладчика и выступающих и чтобы он смог потом толково отчитаться перед теми, кто выбрал его на съезд.

После съезда я сразу же отправился на фронт и не раз вспоминал потом в трудные минуты этот случай, в котором ярко проявилась ленинская забота о человеке.

НАШ КОМАНДИР — ЧАСОВОЙ КРЕМЛЯ

Осенью двадцатого года я был начальником пулеметной команды 414-го стрелкового полка, которому предстояло штурмовать Перекоп.

В кармане моей гимнастерки лежал аттестат взводного командира, выданный Первыми Московскими пулеметными курсами в Кремле. С чего начать? Как стать командиром?

Я вдруг почувствовал, что полгода учения — это ничтожно малый срок. Что можно узнать за полгода, если до этого никогда и ничему не учился, кроме сапожного ремесла и солдатчины. Полгода пролетели быстро — вздохнуть не успел. Караульная служба, обучение политической грамоте, немного лекций о военных науках, немного практических и строевых занятий — и командир готов. Тогда мы спешили, да иначе и не могло быть: сами требовали скорее отпустить на фронт, доучимся, мол, в бою. Каждый из нас хорошо понимал, что врага надо одолеть любой ценой, и готов был отдать жизнь во имя победы. А вот как подойти к людям до боя, как найти с ними общий язык?

Пулеметчики встретили меня недоверчиво: молодой и невзрачный, до такой степени истощенный голодной московской жизнью, что похож на больного. Весь в скрипучих ремнях, но это еще не значит, что умеет разбираться в людях, руководить ими.

И я внимательно приглядывался к первым в моей жизни подчиненным: народ пестрый — есть молодые, есть дядьки, такие, что мне годятся в отцы. Первое знакомство радости не принесло. Я привык быть в одном

строю с красногвардейцами и добровольцами, людьми, сознательно шедшими в бой за Советскую власть. Сам я владимирский, но детство и юность прошли в Москве, и школой жизни для меня стала революционная Пресня. А тут — иной человеческий материал: хлопцы, мобилизованные из разных сел Украины, на городского смотрят с недоверием и предубежденностью. Всевозможные самостийники и эсеры внушали крестьянам, будто город — это продразверстка, грабировка для села, рабочий только и знает тянуть у крестьянина его добро, чтобы жить в сытости и довольстве. Как живут рабочие в больших промышленных центрах, здесь понятия не имели. Я в этом убедился тотчас по приезде.

На станции лежали горы пшеницы, облитой керосином. Пшеница, подпаленная недавно ушедшими белогвардейцами, дымилась, и никто ее не спасал. Сердце у меня перевернулось от боли. Я сказал красноармейцам, что, если б сюда пустить моих товарищей-курсантов или рабочих «Трехгорной мануфактуры», живо бы спасли эти вороха зерна. Пустили бы либо на кашу, либо на помол даже пропитанную керосином. Все пойдет в дело, когда есть нечего.

Пулеметчики высмеяли меня: Москва на всю Россию славилась филипповскими калачами, а новый командир говорит, будто рабочие станут есть горелую вонючую пшеницу.

Я стал рассказывать, как живет Москва. Для убедительности показал сохраненную мной корку хлеба пополам с древесиной, полученную в сухом пайке на дороге.

— Где ж тебе такой хлеб выдали?

— В Кремле.

— А ты был в Кремле, командир?

— Был. Учился там и служил.

— Скажешь, и Ленина видел?

— Не только видел. Даже разговаривал с ним.

Я похвастался сторяча, и самому даже неловко стало, потому что все мои разговоры с Ильичем были отрывочными, обычными разговорами часового с Председателем Совнаркома. Но моих пулеметчиков это заинтересовало больше, чем я ожидал. Будто еще не доверяя мне, один из бойцов осторожно спросил, о чем же у нас с Лениным был разговор. Я объяснил, что разговаривать приходи-

лось по службе, поскольку курсанты несли в Кремле караул по охране правительства и квартиры Ильича.

В тот же день комиссар полка сказал мне, что пулеметчики настойчиво интересовались, откуда прибыл новый командир и где он обучался. Ответ комиссара их взволновал. Я сразу же почувствовал, что меня «приняли», служба в Кремле — это лучше всякого аттестата. И со следующего же вечера начались наши ежедневные беседы о Москве и о Ленине.

Признаться, я не совсем был к ним подготовлен. Так бывает в жизни: находишься в какой-либо замечательной среде, встречаешься с людьми особенными, исключительными, но к этому настолько привыкаешь, что считаешь делом обыкновенным. А вот стоит отдалиться на расстояние, и все приобретает другую, легендарную окраску. Подобное превращение происходило тогда и со мной.

В котле московских революционных событий я ко многому привык, как к само собой разумеющемуся.

Имя Ленина я впервые услышал еще перед Октябрьской революцией на Ходынке, куда мы ходили с Пресни агитировать солдат не выступать против большевиков. Там произнес речь Емельян Ярославский. От него я и узнал о большевистской партии и ее вожде.

На «Трехгорку» Владимир Ильич приезжал не раз, но мне, как красногвардейцу, все время приходилось быть в охране фабрики, и я не слышал его выступлений. Во время первомайской демонстрации пресненцы прошли близко от трибуны, и я сам, своими глазами увидел Ленина. Я смотрел на него с любопытством и восторгом. Малоразвитый, стихийно участвующий в революции парень, я вдруг увидел перед собой главу государства. Я еще, конечно, не понимал, какая гигантская личность — Ленин. Мне много надо было читать, чтобы осознать до конца весь смысл происходящего. Все это стало приходить позже, когда меня послали учиться в Кремль. Но даже тогда, встречаясь с товарищами по Пресне, я не решался что-либо рассказывать об Ильиче. Здесь же, на фронте, я вдруг вспомнил до мельчайших подробностей каждую встречу с Лениным, каждое слышанное от него слово.

Вот я стою в октябре девятнадцатого года в паре со своим однокурсником на посту у Спасских ворот. Позд-

ний вечер. Полным ходом через Красную площадь к воротам идет легковая автомашина. Мы преграждаем ей винтовками путь. В излишнем усердии я даже щелкаю затвором. И вдруг вижу: в машине Владимир Ильич. Он открывает дверцу, протягивает пропуск и говорит:

— Товарищи, тороплюсь.

— И не попало за это? — перебивают мой рассказ взволнованные пулеметчики.

— Такой в Кремле был порядок. Порядок для всех. А Ленин порядок уважает.

— А все-таки царя бы не остановил.

— Так то ж царь, ядрена вошь, — вступается за меня уже кто-то из слушателей. — При царе он и в часовых бы не стоял...

И разговор уже продолжается самостоятельно о власти царской и о Советской власти, о том, как жили и как будем жить.

А на следующий вечер требуют, чтобы я рассказывал, как стоял на часах в Совнарком, узнал ли меня Ленин, разговаривал ли со мной, и по-детски радуются тому, что Ленин узнал, протянул мне руку, а я упавшим голосом сказал, что часовому здороваться запрещено, и чуть было не отказался от рукопожатия.

— Обиделся Ленин? — спрашивают пулеметчики.

— Нет. Разве Ленин будет на это обижаться. Он понимает, что не мной устав выдуман. Он только заулыбался и говорит: «Не стесняйтесь, товарищ курсант, мы с вами знакомы, можно и поздороваться». Я, конечно, поздоровался.

— А как же винтовка?

— Так я ее в левую руку взял, а правую протянул Ленину. Я все еще не верил, что он меня запомнил. А он, уходя в кабинет, даже похвалил меня. Молодец, говорит, ловко у вас тогда получилось. — И я рукой показал, как заряжал винтовку...

— Веселый, значит, человек.

— Еще какой веселый. Стоишь возле кабинета и часто слышишь: смеется Ильич. Дела решаются серьезные, работает много, а сам всегда бодрый, веселый. Устанет, иногда вечером придет отдохнуть к нам в клуб — мы там любительские спектакли устраивали. Как увидишь со сцены, что в зале сидит Владимир Ильич, сразу

забываешь всю пьесу и суфлера не слушаешь. А он смеется и хлопает нам, как настоящим артистам.

— Значит, уверен в нашем деле, раз веселый. А в Совнарком много крестьян ходит?

И заставляют рассказывать о ходаках — это больше всего интересует. Тут же находятся красноармейцы, у которых односельчане были ходаками. Я на время как рассказчик забыт, у меня появились помощники, пошел разговор о крестьянских делах и о Советской власти на селе.

Так ночь за ночью шли наши беседы об Ильиче. Многого от меня не требовалось. Если бы я позволил себе что-нибудь преувеличить, придумать — это почувствовали бы сразу. Моим пулеметчикам было достаточно того, что их командир видел Ленина и охранял его. Их интересовало и то, какой он внешне, во что одет, как разговаривает с людьми обыкновенными, держится властно или просто, ходит ли пешком, много ли вокруг охраны, — словом, спрашивая, люди отметали все дурное, что слышали о новой власти от врагов революции, и ломали поколениями созданное представление о сильных мира сего.

Ничто другое, пожалуй, не могло так быстро сблизить меня с незнакомыми бойцами моей пестрой команды, как эти беседы об Ильиче. А это было очень важно перед таким смертельным боем, каким был бой за Перекоп. Мы шли в бой дружно. Я почувствовал цену этой дружбы, когда был тяжело контужен и потерял сознание. Бойцы не бросили меня, а вынесли на руках из-под огня в тыл.

С КРЕМЛЕВСКИМ АТТЕСТАТОМ

Годы уходят... Все труднее становится вспоминать пережитое в далекой юности. Мы, кремлевские курсанты времен героической борьбы за власть Советов, видели и слышали Ленина, служили и учились, постоянно чувствуя его заботу и внимание. И хотя наши головы покрыла седина, мы и сейчас с душевным волнением вспоминаем любой разговор с Ильичем, даже несколько оброненных им слов, любой, пусть даже незначительный, штрих. Не каждому дано помнить подробности. Но все, что можно шаг за шагом восстановить в памяти, надо сохранить для тех, кто не видел Ленина.

В конце декабря девятнадцатого года я был назначен на пост у наружных ворот Спасской башни. Стояли тридцатиградусные морозы, резкий ветер бил в лицо. Все, кто направлялись к Кремлю, старались поскорее покончить с формальностями, предъявить часовому пропуск и въехать в ворота. Мне, молодому курсанту, только что прибывшему с фронта и не знавшему в лицо работников Кремля, приходилось подолгу задерживать каждую машину или сани.

К концу смены я увидел быстро подъезжавшую к воротам машину. Она остановилась без предупреждения. В открывшейся дверце показалось знакомое лицо: Ленин. Поздоровавшись со мной, он протянул пропуск.

Я растерялся от неожиданной встречи. Читаю пропуск, смотрю Ленину в лицо и молчу.

— Товарищ курсант! Можно ехать? — мягко спросил Владимир Ильич, заметив мое волнение.

— Пожалуйста, товарищ Ленин, можно ехать, — тепло ответил я и наконец-то догадался вернуть пропуск.

Я понимаю, часовой не должен теряться на посту, и, если бы строгий караульный начальник узнал про мое поведение, мне изрядно досталось бы. Но Ленин на меня не обиделся. Взяв пропуск, он с той же мягкостью сказал, уезжая:

— До свидания, товарищ курсант, желаю вам успехов в учении...

Полгода спустя я еще раз убедился в исключительной душевности Ленина. Это было летом. Мы стояли возле Царь-пушки и утешали курсанта, который получил тревожное письмо из деревни: у его родителей незаконно отобрали хлеб.

Мы знали, что Владимир Ильич установил порядок разбора жалоб, поступающих на его имя, в течение двадцати четырех часов. Кто-то посоветовал курсанту написать Ленину. Но в это время Владимир Ильич неожиданно подошел к нам, стал расспрашивать, как учимся, что пишут из дому. Неудобно было жаловаться. Мы сказали Ильичу, что все идет хорошо и для такого тяжелого времени даже кормят прилично. Но Ленин заметил, что все чем-то взволнованы, и обратил внимание на паренька с письмом в руке:

— Вы чем-то озабочены, товарищ курсант? Что у вас случилось?

Курсант ответил, что получил из дому неприятное письмо. Владимир Ильич попросил прочитать его вслух.

Внимательно выслушав, Ленин сказал, что конфискация имущества у родителей красноармейцев — дело рук врага. Он записал в блокнот адрес родителей курсанта и попросил его немедленно написать заявление. Кроме того, Ленин сказал нам, что Реввоенсовет на основе постановления Советского правительства издал приказ, запрещающий какие бы то ни было переселения семей военнослужащих или реквизицию их имущества. Он посоветовал всем нам заручиться необходимыми справками со ссылкой на этот приказ и послать эти документы родителям.

Стоит ли говорить, насколько у каждого из нас, встревоженных за судьбу своих родителей, стало легче на

душе. А родителям моего товарища, конечно, немедленно помогли...

В беседах с нами Ленин говорил, что переход к мирной работе по восстановлению народного хозяйства потребует много специалистов и что иным из нас, возможно, скоро придется сменить специальность военную на гражданскую. Ленин спросил как-то, не считаем ли мы нужным наряду с военными предметами изучать какую-нибудь гражданскую специальность, например электротехнику.

Через некоторое время на курсах начал работать кружок по изучению электротехники, которая впоследствии стала для многих основной специальностью.

К мысли об участии командиров Красной Армии в мирном строительстве Ленин возвращался не раз.

27 октября 1920 года Ильич присутствовал на просмотре документального кинофильма о работе Шатурской электростанции и о новом способе добычи торфа при помощи торфососа инженера Р. Э. Классона. Я хорошо запомнил тот вечер, а спустя несколько десятков лет с волнением прочитал об этом событии *.

В Свердловский зал Кремля собрались на просмотр кинофильма и курсанты. В центре переполненного зала был оставлен свободный ряд кресел. Туда сели Ленин, Крупская, Калинин, Кржижановский, Винтер, бывший тогда начальником строительства электростанции на шатурских торфяных массивах, и инженер Классон. Ленин сидел впереди меня, на одно кресло правее, и я слышал, какие он задавал вопросы своим соседям, какие делал замечания и что советовал.

Когда на экране показали босого рабочего, с закатанными до колен брюками, на площадке разжиженного торфа, Ленин сказал товарищам из Шатуры, что необходимо улучшить охрану труда.

После просмотра фильма Владимир Ильич продолжал беседу с работниками электростанции. Те показывали образцы торфа, называли его калорийность, зольность. Слушая беседу, мы окружили Ленина плотным кольцом. Я оказался ближе других к Ильичу, он дал мне в руки кусочек торфа и, обращаясь ко всем курсантам, сказал, что перед нами новый вид топлива, с помощью которого

* См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 683.

мы быстрее электрифицируем нашу республику. За торфом не нужно спускаться глубоко в шахту, не нужно затрачивать много труда и времени — он добывается на свежем воздухе. Пока разрушен Донбасс — а для его восстановления потребуется много времени, — мы должны полностью использовать местные энергетические ресурсы, в особенности торф, для получения дешевой энергии, как это сделали на Шатуре.

Ленин напомнил, что после гражданской войны многие курсанты будут работать в промышленности, и порекомендовал серьезно подготовиться к этому.

Слова Ильича оказались пророческими. Кончилась гражданская война. Одни прочно связали свою жизнь с армией, другие ушли на учебу, на хозяйственную работу, но каждый из нас навсегда сохранил кремлевский аттестат, напоминающий о встречах с Ильичем.

ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА

Когда вспоминаешь о прошлом, особенно о встречах с Владимиром Ильичем, одолевает робость: как бы не исказить события, не преувеличить, не повторить того, что слышал от других за эти годы, — словом, не фантазировать, а передать хоть малое, но свое. Я всегда отношусь к воспоминаниям с доверием и интересом и очень огорчаюсь, когда вижу какую-нибудь неточность, когда дело касается фактов, мне хорошо известных. С памятью что-то плохо стало, может быть, сказываются былые контузии. Только я не решился бы положиться на одну память. Но, к счастью, у меня было одно юношеское увлечение, которое позволило сохранить кое-что из прошлого. Я любил писать в газеты и был военкором.

Все началось с небольшой заметки в газету «Красный воин» в 1925 году, к Октябрьской годовщине. В этой заметке я рассказал, что стоял часовым у квартиры и кабинета Ильича. Потом пришел я в «Правду». Заметку прочла Мария Ильинична Ульянова и предложила написать просто и без выдумки воспоминания кремлевского часового. Эти воспоминания и были напечатаны 21 января 1926 года в «Правде». Я сохранил их. Вот что облегчает мне сейчас, много лет спустя, задачу поделиться с молодыми читателями своим небольшим рассказом.

Но прежде только добавлю, как я попал в Кремль. Отвоевался я на двух войнах. На германскую войну пошел без всякой охоты: призвали моих одногодков в царскую армию перед самым крушением самодержавия. Наш запасной полк с Ходынки хотели отправить во Францию.

А мы отказались. Летом 1917 года по приказу Керенского нас отправили на фронт. Под Барановичами меня избрали в большевистский полковой комитет 6-го Таврического полка.

В новую армию, в нашу Рабоче-Крестьянскую, я уже вступил добровольно, зная, зачем это делаю. Воевал против генерала Краснова, против банд Антонова.

В 1921 году мне очень захотелось учиться. Я прочел в газете «Беднота» объявление о том, что в Москве набирают рабочих и крестьян на всякие курсы советских и сельскохозяйственных работников. Отпросился из армии, приехал в Москву на Самотеку, где был приемный пункт, но мне там, как коммунисту и участнику гражданской войны, предложили пойти учиться на красного командира в Кремль. Мандатную комиссию, которая состояла из курсантов, я прошел легко, а вот по четырем действиям арифметики провалился. Но все-таки приняли, дал слово нагнать. Я действительно нагонял на совесть. Даже английский язык взялся изучать и, между прочим, в Совнаркоме поразил одного иностранца, сказав ему: «Хау ду ю ду?»

Так вот, как только я попал в Кремль, в Школу имени ВЦИК, засела у меня в голове мысль: «Теперь, наверно, буду иметь возможность видеть товарища Ленина и даже, кто знает, разговаривать с ним». Я прислушивался к тому, что рассказывают старшекурсники, осторожно узнавал у них, как это им повезло попасть на пост у Совнаркома. Меня назначали то к Оружейной палате, то в караул на кремлевскую стену. А товарищи говорят, что часовыми в Совнарком назначают лишь особенно заслуженных курсантов, образцово несущих службу.

Я и не надеялся попасть в Совнарком. Хоть бы к воротам поставили, когда через них проезжает Ленин, и то была бы надежда увидеть его.

Каждый раз, когда старшина роты объявлял наряд, я с завистью слушал, как называют фамилии других товарищей, назначенных на особо важные посты. Однажды, когда зачитывали список тех, кто пойдет охранять X съезд партии, я услышал и свою фамилию. Раздалась команда дежурного по роте: «Товарищи, назначенные в караул для охраны съезда партии, становись!»

И вот я стою уже на посту у одной из дверей Свердловского зала. Делегаты волнуются, с нетерпением ждут

выступления В. И. Ленина. Вдруг на трибуне появляется человек с большим открытым лбом, рука в кармане, говорить начинает с улыбкой, в зале раздаются несмолкающие аплодисменты. Делегаты вооружились карандашами, блокнотами, чтобы не пропустить ни одного слова...

Съезд партии кончился. Через два дня я шагал из караульного помещения уже на пост у Совнаркома. Иду и думаю: «Теперь, наверно, увижу Ильича близко». Однако на этот раз Ленина я так и не увидел. Но вот пришла моя очередь заступить на пост возле его квартиры. Стою, кругом тишина, только слышен стук маятника часов да изредка бьют куранты. Смотрю, отворяется дверь кабинета, быстрыми шагами идет к своей квартире Ленин и здоровается, улыбаясь.

Сердце мое радостно забилося, и оттого, что я увидел Ленина, и оттого, как тепло он отнесся ко мне.

Мне не раз потом приходилось быть в карауле у квартиры товарища Ленина. И всегда поражало, какую скромную трудовую жизнь ведет Владимир Ильич. Бывало, ночью, в три часа, когда кругом мертвая тишина, открывается дверь одной из комнат, выходит Ильич и, улыбаясь, здоровается с часовым. И думалось мне: для всех ночь — время отдыха, только единственный человек не отдыхает, не спит — Владимир Ильич Ленин.

Как-то я вместе с курсантом Трифоновым нес караульную службу на территории Кремля. Около двух часов ночи мы заметили одинокого прохожего с поднятым воротником пальто. Ускорили шаги. Человек пошел нам навстречу. Было очень темно, и мы не узнали Ленина. Он предъявил нам свои документы и сказал:

— Товарищи, я устал, вышел подышать свежим воздухом.

Мы узнали Ленина по голосу, но все же пришлось посветить фонариком, прочесть, что написано в предъявленном нам удостоверении. Мы оба очень смутились. Ильич сказал:

— Так и надо поступать, товарищи... Правильно, — и пошел дальше.

Известие о смерти Ленина застало меня в глухой провинции, где проводил отпуск. Я сейчас же поехал в Москву. Никак не мог себе представить, что уже нет в живых этого великого человека.

С ПИСЬМОМ К ИЛЬИЧУ

Вот теперь, когда мне перевалило уже за шестьдесят и старые кремлевские курсанты снова отыскиали друг друга, товарищи показали мне телеграмму Владимира Ильича Ленина, посланную 10 июля 1919 года в Казань Надежде Константиновне Крупской. Телеграмма была опубликована в одном из Ленинских сборников в 1945 году, а потом вошла в Собрание сочинений В. И. Ленина, но до сих пор я о ней ничего не знал. А ведь как дорого знать, что Ленин запомнил твое имя. В телеграмме говорится:

«Казань, Ульяновой.

Все здоровы. Сегодня видел Горького, убеждал его поехать на вашем пароходе, о чем я уже послал одну телеграмму в Нижний, но Горький категорически отказался. Покровского отпускаем на отдых. Заместительницей его назначили временно Менжинскую. Письмо твое от Урецкого получил и с ним отправил ответ. Имеете ли московские газеты?

Ленин» *.

Как я попал к Ленину — это целая история. Вот как все произошло.

В восемнадцатом и в начале девятнадцатого года меня преследовала одна беда за другой. Я был просто затравленный, замученный человек. Семья наша находилась в разброде: кто где — нельзя было понять. Из Киева, где я провел семнадцатый год и часть восемнадцатого, я

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 374.

бежал от погромов на родину в Мозырь, точнее в местечко Копаткевичи, недалеко от города. Но там тоже были белогвардейцы-погромщики. Из Киева пришла телеграмма, что гайдамаки арестовали моего брата и разыскивают меня: я успел там насолить гайдамакам, когда меня, юношу, увлек, как принято говорить, вихрь событий. Единственное спасение — бежать через границу в Советскую Россию. Под Унечей я смешался с мешочниками и перешел границу. Меня очень хорошо приняли в Москве товарищи, знавшие по семнадцатому году в Киеве, и назначили заведующим отделом распространения литературы издательства Наркомзема. Казалось бы, хорошо. Наконец-то я избавился от страха преследований и занят полезным делом. Но тут я заболел испанкой. Только вылечился от испанки, как подцепил сыпняк. Из тифозной больницы вышел в ужасном состоянии. Маргарита Васильевна Фофанова, член коллегии Наркомзема, уже знавшая меня по работе, послала к члену ВЦИК Якову Бурову, который организовывал интересное дело — рейсы агитационно-инструкторского парохода «Красная звезда» вверх и вниз по Волге, по освобожденным от Колчака районам.

Я был до того шупленький и тощий, что Буров, оглядев меня, пожал плечами и спросил, способен ли я носить книги пачками.

— Если немного поем, — ответил я, — то смогу носить не только пачками, но даже мешками.

Бурову это понравилось. Он был очень простой, добрый человек, из рабочих, отлично понимал мое состояние и дружески протянул мне руку.

На пароходе отправлялись в агитационно-инструкторскую поездку крупные работники партии и представители центральных советских учреждений. От Наркомпроса ехала Надежда Константиновна Крупская. С пароходом должна была идти баржа. На барже предполагалось устроить лекторий с кинозалом. А в трюмах решили разместить склад политической и даже художественной литературы. Заведовать этим складом Буров предложил мне.

Это был интересный поход. На стоянках возле нас собирались толпы людей. Надежда Константиновна выступала на красноармейских и крестьянских митингах. На барже была устроена выставка для крестьян. Впервые

в жизни люди, как зачарованные, смотрели кино. И всюду мы оставляли небольшие библиотечки. Не следует забывать, что мы шли в далекие от железных дорог районы, которые Красная Армия только что очистила от Колчака. Всем раздали винтовки. Пользуясь каждой свободной минутой, мы занимались военным делом. И мужчины, и женщины — все, кто были на пароходе и на барже.

Книги, брошюры, листовки шли нарасхват, и вскоре мы остались без литературы. А пароход поднимался вверх по Каме, к Мотовилихе, в рабочие районы Урала.

Меня вызвал Буров и говорит:

— В Москве застряли два вагона литературы. Их надо срочно отправить в Казань. Ты пересядешь ночью на встречный пароход до Нижнего, а оттуда — в Москву. Заодно отвезешь Владимиру Ильичу письмо от Надежды Константиновны и передашь ему от всех нас привет.

Можно себе представить, как я был счастлив. Мне вручили целую кипу пакетов — и для Феликса Эдмундовича Дзержинского, и во ВЦИК, и в Совнарком, и лично Владимиру Ильичу Ленину. На встречный пароход я пересел ночью и поэтому не смог увидеть Надежду Константиновну. Не будить же ее, да к тому же она прихворнула.

В Москву я приехал в жаркий июльский день и немедленно отправился в Кремль, к Троицким воротам, в бюро пропусков. Подаю в окошко свой мандат, мне говорят: сдайте пакеты, мы их доставим, кому надо. Но я объясняю, что мне поручено передать письмо Ленину лично. Куда-то позвонили, пришел товарищ и провел меня в здание правительства.

Женщина в приемной Председателя Совнаркома сказала, что она секретарь Ленина и я должен отдать ей письмо. Я очень боялся, что так и не увижу Ленина, но письмо пришлось отдать. Я только добавил, что мне поручено передать личный привет. Женщина усмехнулась. Видимо, я был не первый настойчивый посетитель. Она сказала, чтобы я обождал, и ушла в кабинет Ленина.

Она была там долго, наверно, Ленин читал при ней письмо. А я ждал и думал: «О чем я буду говорить с Владимиром Ильичем?»

Ну, конечно, о нашем походе, о Надежде Константиновне. Но я же мало что о ней знаю, кроме того, она больна, и, чтобы не тревожить Ильича, лучше на эту тему

не разговаривать. О себе рассказывать тоже нечего, никаких революционных подвигов я не совершал.

Но тут вышла женщина-секретарь, сказала мне: «Пожалуйста, проходите», я прошел в кабинет и увидел Ленина. Я так разглядывал его, что Ленин рассмеялся, протянул мне руку и сказал:

— Ну, здравствуйте, товарищ.

— Здравствуйте, здравствуйте, Владимир Ильич. Надежда Константиновна передала вам большой привет, она чувствует себя хорошо, и весь наш пароход, наша баржа — все просили вам кланяться.

Владимир Ильич усадил меня на кожаный диванчик, сам сел рядом, свою руку положил мне на колено и очень ласково спросил:

— Вы что, ранены, товарищ?

Я забыл сказать, что моя правая рука была на перевязи. Я был одет в полную красноармейскую форму, потому что считалось, что мы вроде на военной службе. На мне была гимнастерка цвета хаки, такие же штаны, обмотки и ботинки. Вот Ленин и подумал, что я ранен на фронте. Мне стало так неудобно, что я тут же объяснил:

— Нет, Владимир Ильич, я не ранен. Я катался на лодке и натер мозоль.

Владимир Ильич помолчал немного, потом спросил:

— Вы член партии, товарищ?

— Нет, Владимир Ильич, я не член партии.

Наверно, Владимир Ильич почувствовал, как мне неловко, и перевел разговор на другую тему. Он расспросил, как мы живем и работаем на пароходе, и особенно поинтересовался, как с продовольствием.

— Очень хорошо, Владимир Ильич, — ответил я, довольный тем, что хоть что-то могу рассказать.

Владимир Ильич о чем-то задумался и опять спросил:

— Как вы думаете, товарищ Урецкий, что, если послать к вам Алексея Максимовича Горького?

— Конечно, Владимир Ильич. Мы будем продавать его книги, а он будет выступать перед читателями на митингах.

— Он очень разнервничался в последнее время, — сказал Владимир Ильич. — У вас он мог бы поправиться. Как вы думаете?

— У нас он очень поправится, Владимир Ильич, —

сказал я и не удержался, чтобы не добавить для убедительности: — Я после тифа тоже очень поправился.

Тогда Владимир Ильич встал, подвел меня к большой карте, которая висела на стене, и попросил показать маршрут нашего похода. Хотя я и путался от волнения, но маршрут показал. Где ошибался, Владимир Ильич меня поправлял. Он даже знал, что в ближайшее время мы пойдем вниз по Волге, к Царицыну.

Но ведь Царицын — в руках Деникина, деникинцы наступают, а Ильич говорит, что мы пойдем к Царицыну.

— А ведь Деникин-то прет, Владимир Ильич, — сказал я.

Владимир Ильич заложил руки в карманы, приподнялся на носках и очень внимательно посмотрел на карту.

— Ничего, мы еще его попрем! — сказал Ленин.

Ленин подвел меня к столу и спросил, есть ли у меня записная книжка. К счастью, записная книжка нашлась. Владимир Ильич записал в нее номера своих телефонов и сказал:

— Когда поедете обратно, обязательно позвоните.

Когда я позвонил и сказал, что уезжаю и вагоны с литературой уже отправлены, Владимир Ильич попросил передать Надежде Константиновне поклон и получить в секретариате письмо для нее. Наверно, он был очень занят.

На пароходе я рассказал всем товарищам, как я разговаривал с Ильичем.

С нами в походе была Мария Ивановна Лебедева, старая большевичка, которая работала в Кремле и знала Ленина. Она очень смеялась, когда узнала, что Ильич принял меня за раненого красноармейца, а я перевязал только мозоли. Но мне было не до смеху. Я рассказал, как стыдно было отвечать Ильичу, что я все еще беспартийный. Какой же я беспартийный, если все время работаю с партией!

На этом же пароходе в девятнадцатом году меня приняли в Коммунистическую партию. А потом, накануне второй годовщины Октября, когда я уже действительно стал красноармейцем, меня послали на пулеметные курсы в Кремль, и я стал курсантом 1-го взвода 3-й роты.

Мне очень хотелось скорее попасть в караул в Совнарком, особенно на пост № 27. Должен же я снова встретить Владимира Ильича и сказать, что я уже член партии.

Но эти аргументы никого не убеждали. Меня назначили в секрет возле Троицких ворот, в маленькую будочку с пулеметом. У тебя, говорят, такой росточек, что ты подходишь для секрета. Другой там будет задыхаться, у него занемеют руки и ноги, а ты себя будешь чувствовать хорошо. Вот и иди в секрет.

Все же я попал однажды на 27-й пост. Заступил я после часу ночи. В Совнаркоме продолжалось заседание, и я думал, что ему не будет конца. Когда оно кончилось, было очень поздно. Вышли несколько человек, они продолжали что-то обсуждать в коридоре. По голосу я узнал среди говоривших Ленина. Вот сейчас он подойдет, и я с ним поговорю.

Интересно, узнает ли он меня? Я ему скажу: «Владимир Ильич, вы сказали тогда правду. Красная Армия действительно погнала Деникина. Освобожден Царицын». И еще я ему скажу, что теперь я член партии и что за мой прием голосовала сама Надежда Константиновна. Потом я спрошу, почему не приехал Горький. Я же всем на пароходе и на барже рассказал, что скоро будет Горький, а он не приехал.

Чего я только не передумал, готовясь к разговору с Ильичем! Но вот он простился с товарищами, быстро подошел ко мне, показал пропуск и, не задерживаясь, направился в квартиру. Я не успел произнести ни слова, хотя приготовил их тысячу. Ленин, наверное, очень устал. В руках у него были бумаги, и, возможно, он еще будет работать ночью.

В три часа меня сменили, и я ушел в караульное помещение, но долго не мог заснуть.

В семь утра я снова был на посту, прислушивался к каждому шороху за дверью и точно угадал шаги Ленина. Едва скрипнула дверь, у меня на устах уже было «Доброе утро». Ленин ответил на мое «Доброе утро», однако все слова, что я хотел сказать, будто застряли у меня в горле. И я стал себя убеждать: «А почему, собственно, Владимир Ильич должен меня помнить? К нему приходят тысячи людей, всех запомнить невозможно. Тем более что он не записал даже мою фамилию».

Я не решился подойти к Ленину и потом, когда вместе с ним работал на первомайском субботнике.

А вот спустя десятки лет узнал, что он запомнил мою фамилию. Он умел замечать людей.

ЮНОСТЬ БОЕВАЯ

В 1954 году я приехал в Москву из военного округа, где служил после Отечественной войны, заболел и слег в госпиталь. Те, кто лежали в госпиталях, знают, как тоскливо быть одному. Я — москвич, но, как все военные люди, я и сибиряк, и киевлянин, и брянский, и казанский. Знакомых в Москве много, родных — никого. Есть сослуживцы по войне — начальники или подчиненные. А мне очень захотелось повидать друзей моей московской юности, товарищей двадцатых годов. В те годы я учился на Первых пулеметных курсах в Кремле, преобразованных затем в Школу имени ВЦИК, — ныне это училище имени Верховного Совета РСФСР. Жив ли кто из товарищей по взводу, по роте, из тех, с кем стоял в строю на кремлевском плацу, ходил в караул на кремлевские стены, был в паре часовым у Троицких ворот, кого сменял на постах у залов заседаний съездов и конгрессов, у квартиры Ильича? Где они, соседи по койке в казарме, участники бурных схваток на курсантских партийных собраниях?

Любимым местом наших прогулок был Тайницкий сад в Кремле. Мы любили этот сад за его красоту, уют и еще за то, что туда не надо было отпрашиваться у командира. Любили мы его, наверно, еще и потому, что там, в Тайницком саду, довольно часто гулял Владимир Ильич Ленин. Он любил Тайницкий садик в Кремле, особенно летом, когда пекло солнце и с Москвы-реки дул освежающий ветерок.

Мы старались ему не мешать, сдерживали себя настолько, насколько юность способна быть сдержанной.

Он подходил к нам сам, садился на скамейку в кружок курсантов — и плотина прорывалась. Нам бы только его послушать, а он сам больше всего любил расспрашивать и слушать. Если он замечал у кого-нибудь из нас в руках письмо, не стесняясь, спрашивал: «От матери? От отца? А нельзя ли почитать?» Больше всего его интересовало, откуда мы, кто мы, как воспринимаем науки, каковы будут у Красной Армии новые командиры.

Меня он спросил, успев перед этим уже все разузнать про других:

— А вы, юноша, тоже уже курсант?

Товарищи рассмеялись, а я покраснел. Но что поделаешь, если я едва ли не самый молодой на курсах и действительно выгляжу птенцом.

Но я — курсант, пришел на курсы по путевке Краснопресненского райкома партии и по рекомендации самого Емельяна Ярославского.

Это, наверно, прозвучало по-мальчишески хвастливо, и Владимир Ильич очень серьезно спросил:

— А родители вам разрешили, молодой человек?

Неужели у меня вид маменькиного сыночка? Я ответил, что из родителей в Москве есть только отец, где мать — не знаю. Но у отца я действительно спрашивал разрешение и получил его.

Товарищей это еще больше рассмешило, но это было так.

Ильич спросил, чем занимается мой отец, и я ответил, что он рабочий, революционер, но теперь лежит в больнице на Божедомке, у него туберкулез.

Все вокруг притихли, а я стал рассказывать Владимиру Ильичу об отце.

Двенадцать лет отец просидел в Бутырской каторжной тюрьме, приговоренный царским судом за участие в вооруженном восстании на Пресне. Все эти двенадцать лет я провел в казенном приюте, тоже напминавшем тюрьму. Нашу семью после осуждения отца выгнали из прохоровских спален. Мать, попав в черные списки, уехала искать работу в Петроград и там вторично вышла замуж. Старший брат был изувечен на германском фронте. А я попал в приют. Отца освободил из тюрьмы семнадцатый год. Кончилась и моя жизнь в приюте. Я стал для отца живой надеждой, всем, что осталось от разбитой семьи. Мы снова поселились в живагинской спальне на

«Прохоровской мануфактуре», и отец пристроил меня на прядильную фабрику. Он называл меня шутя кадетом, потому что в приюте нас муштровали палками старые утеры, приставленные в дядьки к воспитанникам с первых дней империалистической войны. Кадет из нас, конечно, не вымуштровали. Как только задул ветерок с воли, приютские разбежались, и очень многие вступили в Красную гвардию. Так вот отец, отдавший делу революции лучшие годы своей жизни, взял с меня слово, что без его согласия я на военную службу не пойду.

Как-то весной к нам на «Прохоровку» пришел мой приютский товарищ Иван Чаглей. Он был одет в форму кремлевского курсанта. Я пристал к отцу с просьбой отпустить меня сейчас же на военную службу, потому что все равно через несколько месяцев, когда мне стукнет восемнадцать, я уйду. И он согласился. Но только чтобы до фронта я пошел учиться на курсы, где учился Чаглей.

Еще в Бутырках отец сдружился с Емельяном Ярославским — они провели несколько лет в одной камере. Позже, после смерти отца, в некрологе, напечатанном в «Правде», Емельян Ярославский писал: «П. Г. Еремин очень гордился, что оставляет сына, коммуниста, красного командира. Есть кому нести Красное знамя отца, когда-то в зимние декабрьские дни пламеневшее на баррикадах Красной Пресни».

На эту командирскую дорогу по просьбе отца направил меня Емельян Михайлович.

В конце апреля, когда набор на пулеметные курсы уже был закончен, я пришел в Кремль. Я стоял перед начальником курсов Александровым — немолодым и строгим полковником старой армии — и плакал. Любой экзамен я мог выдержать: приют дал мне пять классов городского училища. Строй я знал и умел держаться перед командиром, как солдат. Жизнью не был избалован. А вот слез удержать не мог, потому что начальник курсов сказал, что поступать мне рановато, надо годик обождать. За другим столом сидел комиссар. Увидев плачущего парня, он подошел к столу, взял мои документы, прочел и, нагнувшись к Александрову, что-то зашептал. На курсы меня приняли.

В канун Первомайского праздника нам объявили, что демонстрации не будет. Во всех газетах были напечатаны

лозунги Центрального Комитета партии о дне великого почина — о Первомайском субботнике. Вся страна выйдет на субботник, и уж конечно каждый коммунист. На вечерней поверке был зачитан приказ о том, где и когда будем работать: в восемь тридцать построение, в девять — начало. Мы знали решение Московского комитета о том, что каждый коммунист участвует в субботнике там, где живет.

Ночью прошел дождь, всех встревожило — уж не испортится ли погода. Но утро настало ясное, настоящий май.

К девяти часам мы уже стояли в строю на плацу. На левом фланге — штатские, рабочие и служащие. Ровно в девять, когда зазвонили на башне часы, к строю незаметно подошел Ленин и встал на правый фланг. Я увидел его внезапно и впервые в жизни: в черной грубошерстной тужурке, в темно-серых брюках, в грубых ботинках, он выглядел как обыкновенный рабочий. Он стоял в строю «смирно», как все, вместе работал и вместе со всеми отдыхал. И все же это было странно для нас, даже неловко: Ленин — и вот таскает с нами бревна и мусор, как будто у него нет дел поважнее. А он не знал в этот час дела важнее для коммуниста, чем Первомайский субботник, участвовать в котором призывал всех Центральный Комитет.

Я не видел, когда Ленин ушел, но позже из газет узнал, что в два часа он был на Театральной площади, на закладке памятника Карлу Марксу.

Субботник кончился, и я получил первое увольнение в город. Я выскочил из Трицких ворот, стремясь скорее на Пресню, где в живагинской спальне лежал больной отец: он, конечно, не был на субботнике, а у меня есть сегодня что ему рассказать.

Но за воротами я сразу попал в густую праздничную толпу. Она буквально мчалась и увлекла меня в другую сторону, к храму Христа Спасителя, где на месте снесенного в восемнадцатом году памятника Александру III закладывался обелиск Освобожденному труду. Толпа шумела:

— Ленин, Ленин туда поехал!

Я увидел Ленина второй раз за этот день. Он выступал на мигинге. Это был уже не простой рабочий в простой одежде, таскавший два часа назад вместе с нами

бревна на кремлевском плацу, а вождь и трибун. Он говорил о том, как нелегко организовать свободный труд и работать в условиях переживаемого тяжелого времени. «Сегодняшний субботник, — сказал Владимир Ильич, — является первым шагом на этом пути, но, так идя далее, мы создадим действительно свободный труд».

После митинга я добрался наконец до нашей Пресни, до прохоровских спален, переполненный тем, что увидел и услышал за день. Мне казалось, что вся Москва переживает такое же праздничное чувство, какое царит в моей душе.

Войдя в знакомую живагинскую спальню, я был поражен мрачной, тяжелой атмосферой. Усталые люди или молча лежали на нарах, или собирались кучками, что-то сердито обсуждая и кого-то ругая.

Отец сказал, что народ очень обижен. Фабрики еще стояли, в спальнях жили семьями тысячи голодных людей. Более тысячи человек поработало на разборке боезапаса на складах Хорошевского шоссе и на строительстве фабричной железнодорожной ветки, которую Прохоров так и не построил за десятилетия. Эта ветка была надеждой на лучшие времена, на скорый пуск фабрики. Было заранее объявлено, что участникам субботника будет выдан паек: полфунта хлеба, четвертка колбасы и две карамельки. Но многим прохоровцам пайков не хватило.

Я тихо поговорил с отцом о своей курсантской жизни, о том, что Ленин с нами работал на субботнике и высказывался о близком улучшении жизни.

Беседа наша подходила уже к концу, когда в спальню вбежал мальчишка и во все горло крикнул:

— На большую кухню Ленин приехал!

Я побежал за всеми. Народ собрался очень быстро — жили все кучно, скопом.

Возле большой кухни нашей фабричной столовой, на бревнах, среди коммунистов «Прохоровки», сидел Ленин. Он разговаривал с секретарем ячейки Владимиром Алексеевичем Горшковым о том, что надо сделать, чтобы скорее пустить в ход фабрики.

«Прохоровка» стояла, потому что не было топлива. Но стране, армии и особенно селу в обмен на хлеб нужна мануфактура. Фабрики надо пустить в ход. Надо своими силами отремонтировать вагоны и паровоз и послать от-

ряд рабочих на заготовку и вывоз дров. Так посоветовал Ильич фабричным коммунистам.

А потом в просторном помещении столовой Ленин выступил с речью. Он знал, как раздражены и возбуждены слушатели, и учел этот момент в своем выступлении. Как депутат Моссовета от «Прохоровки», он извинился перед своими избирателями за ошибку властей, которые рассчитали, что на субботник выйдет только двести тысяч человек, и заготовили двести тысяч пайков. А в субботнике приняло участие четыреста двадцать пять тысяч москвичей. Пайков не хватило. Ленин сказал, что талончики, выданные участникам субботника, не пропадут. Их надо сохранить, и через два-три дня паек будет выдан всем. Он не сказал «завтра» или «скоро». Он сказал через два-три дня, потому что запасов в Москве не было, и хлеб еще следовало подвезти. Потом Ильич поздравил всех с Первым мая, объяснил значение субботника и коротко рассказал о международном положении. В трудной атмосфере голодной «Прохоровки», где на тысячи человек насчитывалось десятка полтора коммунистов, он сумел овладеть сердцами слушателей, увлечь всех и вселить надежду.

Я вернулся на курсы потрясенный, не в силах рассказать о пережитом даже своим молодым друзьям.

А вскоре случай столкнул меня с этим великим человеком лицом к лицу в Тайницком саду. И при всех еще малознакомых мне курсантах, забыв застенчивость, робость, потому что Ильич умел располагать к себе, умел слушать, я рассказывал ему об отце, о себе, о том, почему мне важно было получить отцово согласие, чтобы пойти служить.

Этот разговор курсанты, очевидно, запомнили. Через некоторое время меня, молодого коммуниста, неожиданно избрали секретарем ячейки роты.

Не буду рассказывать о других встречах с Ильичем. Как и многим курсантам, мне посчастливилось нести караульную службу на X съезде партии, на II и III конгрессах Коминтерна. Я стоял часовым и на посту № 27, о котором рассказали уже многие, видел Ильича в поздний ночной час, спешащего с папкой из Совнаркома домой, и в час утренний, спокойного и отдохнувшего, запомнил его походку, улыбку, неизменное «Здравствуйте, товарищ», обращенное к курсантам, запомнил Ильича

всегда доброго и ласкового, как бы ни был он озабочен и огорчен. Вспоминая об этом, невольно повторяешь рассказанное другими. В одном смысле это естественно: мы были часовые, молчаливые и сдержанные по воинскому долгу, свидетели некоторых минут и часов ленинской жизни и деятельности. Поэтому внешне все наши впечатления схожи. Но у каждого все же остался свой, неповторимый след в душе, связанный с личным характером и с жизненным путем, который привел часового на этот почетный пост.

И вот несколько десятилетий спустя мне страстно захотелось найти этих товарищей, повидать старых друзей.

Начало было простое и не очень трудное: медицинская сестра принесла телефонную книгу, и я начал искать в ней некоторые сохраненные памятью фамилии. Но не просто оказалось найти интересовавших меня людей. Ведь Соколовых, Антоновых, Александровых, Жариковых, Даниловых и в телефонных книгах, и в справочных бюро значится великое множество. И все же мои хлопоты не пропали даром. После долгих поисков я набрел наконец на одного из бывших курсантов: «Да, служил, да, учился... Как же, как же, помню, вы такой высокий, брюнет... Что-что? Не высокий и не брюнет? Ну что ж, вполне возможно, воды-то сколько утекло... Я и сам вот стал блондином — седина, брат... Да, да, обязательно встретимся...» И действительно, наши встречи постепенно наладились. Вначале разыскался десяток друзей, потом их становилось все больше. Завязалась переписка, началось узнавание друг друга по старым групповым фотографиям, выяснение судеб, находки, разочарования, огорчения. Многих недосчитались. Кто погиб в гражданскую войну, кто навсегда остался лежать в земле Испании, иные не вернулись с Халхин-Гола. А разве мало наших боевых товарищей сложили головы на фронтах Великой Отечественной!

Мы стали собираться, посещать памятные места, благо в Кремль был открыт свободный доступ для всех. В Училище имени Верховного Совета мы встретились с курсантами нынешних дней. А потом в «Правде» появилась заметка и фотография тех, кто работал с Ильичем на историческом первомайском субботнике. После этого посыпались письма со всех концов страны, и бывших курсантов-кремлевцев отыскивались уже сотни. Мы стали бы-

вать в Музее Революции и Центральном музее Вооруженных Сил СССР, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Каждый стремился закрепить то, что еще сохранила память, по крупицам восстановить личные впечатления и воспоминания об Ильиче, записать дорогие сердцу факты, связанные со становлением наших Вооруженных Сил и их командного состава.

Так вернулась боевая юность к посевшим курсантам революционных лет.

АНЯ НОВИКОВА — ИВАН ИВАНОВИЧ

Среди часовых у квартиры Ленина на 27-м посту была девушка, которую я хорошо знал. Это — Аня Новикова, героиня гражданской войны, бесстрашная разведчица и подпольщица по прозвищу Иван Иванович. Конечно, лучше всего о себе и о своих встречах с Ильичем могла бы рассказать она сама, но ее нет в живых. Она умерла в двадцать пятом году еще очень юной. Я знал ее по совместной учебе на пулеметных курсах и по службе в отряде легендарного Камо.

На курсы в Кремль я поступил в мае девятнадцатого года, когда перевели меня в Москву из Витебска с пехотных курсов. Аня Новикова появилась у нас месяцем позже. О таком событии сразу же стало известно во всех ротах: прибыла девушка, одета во все мужское, держится как парень, даже рапортует о себе так: «Курсант Новикова прибыл!», «Курсант Новикова пост принял!», «...пост сдал!..»

Каждому, конечно, хотелось посмотреть на такого необычного курсанта. Я вскоре увидел ее, девочку лет семнадцати, невысокую, стриженную под мальчишку, подвижную и, что сразу же можно было определить, весьма решительную.

Попасть на наши курсы было не так-то просто. В девятнадцатом году среди нас, по-моему, не было необстрелянных: все или недавние красногвардейцы, или воевали с бандами, или фронтовики гражданской войны. И большинство — коммунисты. А тут пришла девушка, да еще такая молоденькая. Кто она, откуда, что успела сделать

для революции, чем заслужила право учиться на красного командира?

Приехала она, оказывается, с Тамбовщины, из деревни Гостеевка, Козловского уезда. Умеет коней запрягать, землю пахать, рубить дрова, рыбачить, стрелять. Из батрацкой семьи. Отца, члена комитета бедноты, в первые месяцы после Октября убили кулаки. В отцовых сапогах, штанах и рубахе, обрезав косы, явилась девушка в Козлов к Никите Сергеевичу Тулякову, известному московскому рабочему-большевику, который находился там с особым коммунистическим военно-заградительным отрядом, и потребовала, чтобы ее зачислили бойцом. Почти год воевала она против белогвардейцев, в бою держалась лучше иного парня, поставила себя с мужичпами на равную ногу, и звать ее стали не Анной Ивановной и не Аней, а Иваном Ивановичем. Боевые заслуги Новиковой были бесспорны, и пришла она к нам на курсы по путевке Московского комитета партии.

На курсах к Ивану Ивановичу быстро привыкли.

Новикова занималась, работала и в караул ходила наравне со всеми. Особенно увлекалась разборкой и сборкой пулеметов разных систем. Она и здесь, в Кремле, сумела поставить себя в мужской среде так, что все ее уважали и боялись допустить малейшую вольность. Знали: в случае чего Иван Иванович так огреет и отбреет, что лучше и не подходить...

Шло время. Другие жизненные события заслонили от меня Ивана Ивановича.

Однажды я стоял на посту в Совнаркоме. Дело было ночью. Возле меня остановился секретарь ВЦИК Енукидзе, стал расспрашивать о том, о сем и вдруг спросил, хочу ли я пойти на боевую работу, в подполье. Я ответил, что согласен пойти куда угодно, лишь бы было опасно и интересно. Я вообще был по натуре романтиком. Еще в мальчишеские годы начитался приключенческой литературы и из Витебска, где мы жили с матерью, прачкой, по господским углам, сбегал в Америку. В пассажирском вагоне, под лавкой, я добрался до Одессы, проник даже в трюм американского парохода, но перед самым отплытием меня извлекли оттуда и выбросили на причал. Потом бежал в Германию и тоже был принудительно отправлен на родину. Когда началась первая мировая война, я бросил работу в депо и подался на фронт.

Приключений хватало, но уже таких, о которых стоит вспомнить.

На фронте попал в германский плен, бежал, пробрался к своим. Меня заподозрили в шпионаже, посадили в двинскую тюрьму, судили и оправдали. С тех пор подобная романтика больше не привлекала меня. В тюрьме я впервые познакомился с большевиками, а потом, после нескольких месяцев службы в красногвардейском отряде, и сам вступил в Коммунистическую партию.

Не удивительно, что предложение товарища Енукидзе о работе в революционном подполье очень заинтересовало меня.

Как и было условлено, я на другой день пришел на квартиру к секретарю ВЦИК и там впервые познакомился с Камо.

Кто такой Камо, я тогда не знал. Но, просидев целый вечер вместе с ним за столом и наслушавшись его рассказов о дореволюционной подпольной борьбе, о побегах из тюрем, о его встречах с Лениным, боевой совместной работе с Красиным и Литвиновым, я был потрясен. Вот она, настоящая романтика!

Камо расспросил меня о родных, о работе в депо, о мальчишеских побегах, о пребывании в тюрьме и о том, что делал в октябре семнадцатого года. Узнав, что из родных у меня есть только мать, он многозначительно покачал головой и сказал:

— Ай-яй-яй, одна мать, бедная мать! Пожалей ее. Пойдешь со мной — не вернешься. Убит будешь, понимаешь?

— Не обязательно же должны убить!

— Нет, обязательно. Ты сам себя убьешь.

Я молчал, не понимая, что это значит. Зачем я должен себя убивать? Камо тут же объяснил:

— Понимаешь, нужно взорвать штаб. Привяжу тебе вот сюда, на живот, бомбу. Пойдешь в белогвардейский штаб и взорвешься вместе с этой бомбой и белогвардейцами. Страшно? А?

— Нет, — не подумав, брякнул я.

— Э-э-э, зачем неправду говоришь? Почему не страшно? Нет таких людей, которым умереть не страшно. Подумай лучше и мать пожалей.

Я впервые разговаривал с кавказским человеком, и мне было интересно, даже весело его слушать. Я еще не

представлял себе, что это за человек, какая и где ждет нас работа. Я знал, что подбирают людей для переброски в тыл Деникина — и все. Я сказал, что уже сутки думал над тем, стоит ли идти в подполье, и мне все теперь ясно. Но Камо не любил таких скороспелых решений.

— А все-таки мать надо жалеть, подумай, — сказал он, простился со мной, предупредив, что болтать о нашей беседе не надо, и я ушел.

Уже позже я узнал, что старый большевик-подпольщик и боевой конспиратор Симон Аршакович Тер-Петросян, по партийной кличке — Камо, побывал перед этим у Владимира Ильича и получил боевое задание сформировать диверсионную группу для действий в тылу врага. Сохранилось письмо Ленина в Реввоенсовет Республики по этому поводу. Камо просил было, чтобы Центральный Комитет партии выделил ему в отряд старых большевиков. Но Ленин предложил использовать комсомольцев и молодых членов партии. И вот Камо подбирал людей — и на командных курсах, и в Свердловском университете, и в партийных организациях районов Москвы.

Через некоторое время мне было приказано явиться в 3-й дом Советов в Каретном ряду. Там совершенно неожиданно я встретил и Аню Новикову.

Оказывается, и с ней Камо уже разговаривал, пугал, советовал пожалеть мать, подумать, но Аня, которую для подпольной работы рекомендовал Туляков, твердо решила идти в отряд.

Камо привык иметь дело с опытными большевиками-подпольщиками. Нам он не очень-то доверял: молоды. Он обучал нас обращению с личным оружием, стрельбе из пистолета навскидку, правой и левой рукой, использованию взрывчатых веществ, конспирации и многому другому, что необходимо для подпольщика.

В конце августа вся подобранная им группа отправилась на тренировочные занятия в лес, далеко за Москву. Камо заставил нас стрелять по различным целям до последнего патрона. Когда кончились патроны, мы собрались вокруг нашего командира, и он начал беседу об условиях предстоящей работы в тылу.

Внезапно мы услышали какой-то шум, треск сучьев, в одно мгновение нас окружили военные с винтовками наперевес и с дикими криками «красные гады», «красная сволочь» захватили нас в плен. Мы знали из газет,

что где-то в Московской губернии появились белые банды. Очевидно, в лапы одной из таких банд мы попали. И главное, ни одного патрона в пистолетах, ни одной гранаты. Из кустов вышел офицер с погонами подполковника. Размахивая плеткой, он подошел к нашей группе. Окружившие нас солдаты еще больше остервенели и с руганью, замахиваясь винтовками, стали теснить нас.

Мы смотрели на Камо и ждали команды. Мы были готовы броситься на них с голыми руками. Все равно же расстреляют. Но Камо поднял руки, опустил голову и смотрел в одну точку. У нашего командира был такой растерянный вид, что мы просто не узнавали его. Но, может, он что-нибудь придумает? Возможно, его растерянность — только хитрость?

— Обыскать негодяев и связать! — приказал подполковник. — Сейчас они у меня заговорят.

Нас всех обыскали, отняли оружие, связали руки. Подполковник сразу определил, что Камо — старший, и приказал увести его в лес. Мы видели, как его по дороге били прикладами в спину, слышали его стоны. «Пытают», — подумал я.

Потом раздался залп, очевидно расстреляли Камо.

Уводили поочередно одного за другим. Крики, стоны, залп за залпом.

Дошла очередь до меня. Но я не буду вспоминать, что произошло со мной, а расскажу лучше о том, как повела себя Аня Новикова, которую потащили в лес после меня.

Глазам девушки открылась страшная картина: шагах в восьми от дерева, к которому ее повели на расстрел, лежал на спине Камо, полураздетый, в окровавленной рубашке, из-под которой виднелось истерзанное, в крови, тело. Его лицо было покрыто окровавленной тряпкой. Шагах в пяти справа, на большом суку, болталась веревочная петля.

Подполковник начал допрос Анны Новиковой. Он угваривал ее, предлагал награды, соблазнял красивым будущим, угрожал, только бы она рассказала про свой отряд и про воинские части, расположенные поблизости.

— Не на ту напал, сволочь! — зло крикнула Аня и плюнула подполковнику в лицо.

Подполковник не на шутку рассвирепел, замахнулся нагайкой, но почему-то не ударил Аню.

— Расстрелять! — приказал он.

Новикову тут же поволокли к дереву, привязали и приготовились расстреливать.

Команда «Отставить!» была подана в самый последний момент. И дальше все повторилось так же, как это было и со мной, с той лишь разницей, что на меня еще накидывали петлю и перед «помилованием» полоснули нагайкой.

«Убитый» Камо сбросил с себя «окровавленные» лохмотья, стер грим, подбежал к Новиковой, расцеловал, стал успокаивать ее, объясняя, что проверку она прошла отлично. Все «белые», даже «подполковник», которому Аня плюнула в лицо, поздравляли ее с успешно выдержанным экзаменом на революционную стойкость. А потом ей приказали быстро уйти в кусты, где спрятались все мы, уже прошедшие проверку. Испытание продолжалось.

Экзамену подвергли двадцать два человека. Выдержали испытание шестнадцать.

Один из испытуемых, когда его подвели к виселице, сразу заявил, что его трогать нельзя. Он, видите ли, белогвардейский разведчик, агент Деникина. Распоров подкладку голенища, шпион вынул оттуда удостоверение, напечатанное на тряпице, и подал «подполковнику», роль которого исполнял известный чекист Г. А. Атарбеков.

Через несколько дней огорченный Камо сообщил нам, что Ильич узнал про это испытание, вызвал его к себе и отчитал. Камо сказал Ленину:

— Понимаете, Владимир Ильич, шпиона поймал.

— Все равно нехорошо, — сказал Ленин. — Нельзя так делать. Нужно придумать что-то другое. Мы обязаны уметь разбираться в людях.

Шестого сентября девятнадцатого года в приказе по Московским пулеметным курсам была объявлена выписка из протокола заседания президиума ВЦИК. Президиум предложил откомандировать десять курсантов в распоряжение ЦК РКП(б). Среди этих десяти была и Анна Новикова. В последний раз меня официально называли в документе Роман Аксенов. Камо приказал мне забыть эту фамилию, и с тех пор я стал Разиным.

До отправки в тыл нам пришлось еще повоевать за Курском, участвовать в рейде против Мамонтова. Отряд пополнили бойцами с Орловских курсов и кавалери-

стами. Аня Новикова была командиром пулеметного расчета.

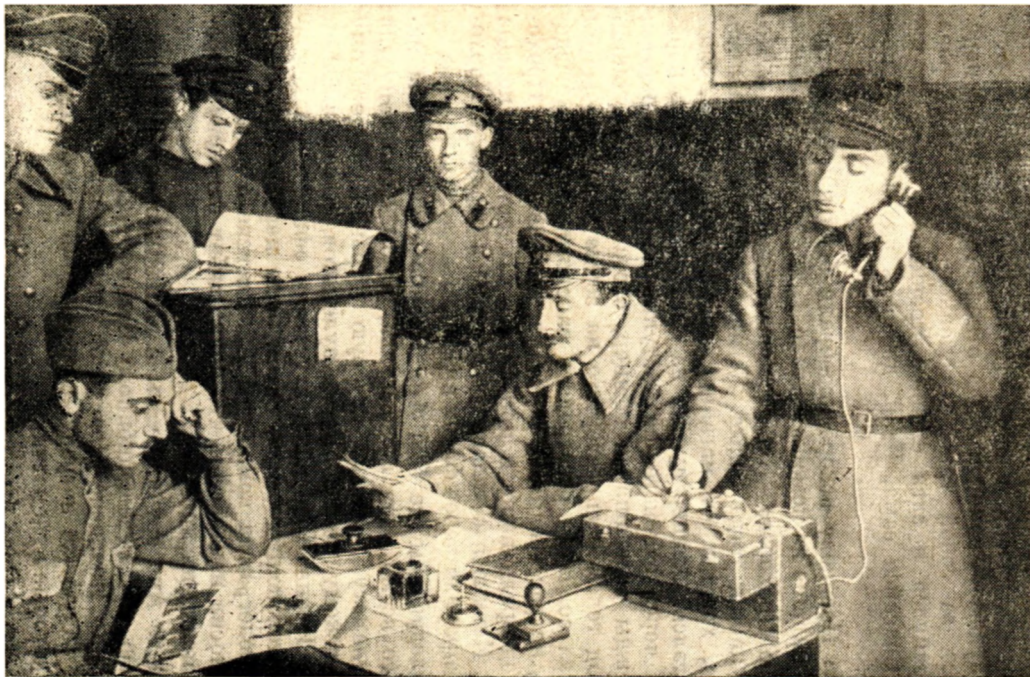
В первый же день нашего прибытия на фронт Камо отправил Новикову в разведку, дав ей в подчинение пятнадцать кавалеристов. В тылу противника разведчики напоролись на казачий эскадрон. Аня сумела с боем вывести свою группу из кольца белоказаков. Она отходила последней, расстреливая белогвардейцев из пулемета со своей тачанки. В отряд Аня вернулась вся забрызганная грязью, окруженная своими кавалеристами. Она ушла к Камо для доклада о результатах разведки, а кавалеристы расхваливали нам своего командира, признаваясь, что они не очень-то охотно отправлялись в рейд под командованием девчонки, а это, оказывается; не девчонка, а черт.

Мы стали действовать в тылу Деникина. Заняв небольшой город Малоархангельск, мы расположились там на отдых. Охрану на наиболее угрожаемом участке несла застава из двадцати бойцов и одного пулеметного расчета под общим командованием Ани Новиковой. Застава расположилась верстах в шести от города на опушке леса.

Днем застава обнаружила двигавшийся к городу разъезд кавалерии и до двух рот пехоты. И конники и пешие так спокойно шли по дороге, что вначале Новикова приняла их за своих. Только с близкого расстояния, когда начался взаимный опрос: «Кто вы?», «А кто вы?» — она опознала белых.

Надо было срочно предупредить отряд. Опасаясь внезапного окружения заставы, Новикова приказала красноармейцам немедленно отойти к городу и доложить о противнике, а сама осталась на месте с пулеметчиками и открыла по белым огонь.

Все силы врага обрушились на этот одинокий пулеметный расчет. Белые, очевидно, решили, что в бой с ними вступил целый отряд. Неся потери, они разделились на две группы и повели наступление с флангов. Аня сама лежала у пулемета, поворачивая его то в одну, то в другую сторону. Третий номер — Ваня Шулецов, восемнадцатилетний комсомолец, был убит. Второй номер — Вася Прохоров был тяжело ранен. Он помогал Новиковой до тех пор, пока не потерял сознание. Свое первое ранение в голову Аня даже не заметила. Ей сказал об этом Прохоров, увидевший, что ее каштановые волосы

В дежурной комнате курсов. Второй справа — С. В. Искржицкий, третий — А. А. Александров

в крови. Второй раз ее ранило уже в тот момент, когда Прохоров потерял сознание. Ранение оказалось более ощутимым, но заменить Новикову никто не мог, и она продолжала вести огонь по противнику, пока не раскалилась казенная часть ствола. Тогда девушка вынула из пулемета замок и стала отползать, осторожно перетаскивая за собой тяжело раненного Васю Прохорова. Вася очнулся и едва слышно прошептал:

— Спасайся сама, Иван, доберись до своих... Я кончен...

Аню Новикову вскоре подобрали бойцы нашего отряда, спешившие на помощь заставе.

Васю Прохорова — он и сейчас жив, находится в Москве — нашли тогда белые. Казачий офицер, свесившись с седла, хлестал его нагайкой, приказывая встать. Вася не двигался. Офицер пустил на него коня. Но конь перескочил через раненого, не наступив на него. Трижды и четырежды возвращался офицер, заставляя коня танцевать над телом распростертого на земле человека. Потом приказал солдатам расстрелять раненого. Солдаты раздели его, но расстреливать не стали. А ночью Васю Прохорова подобрали наши и привезли в санчасть, где лежала и Аня. Новикова осталась на лечение в отряде, а Прохорова отправили через фронт в Орел.

В следующем же бою Аня Новикова участвовала наравне со всеми. Она потребовала, чтобы Камо допустил ее к пулемету, в засаду, которую устроили офицерскому Алексеевскому полку. Шесть пулеметов, в том числе и пулемет Ивана Ивановича, встретили офицерскую колонну уничтожающим огнем. Затем была перехвачена паническая телеграмма командира Алексеевского полка, который доносил начальству, что полк разбит наголову и требуется подкрепление.

В Орле Ане вручили часы с выгравированной на них надписью «От Революционного Военного Совета Республики Аппе Ивановне Новиковой за проявленную доблесть». Такую же награду одновременно с ней получили еще некоторые пулеметчики.

Там же в Орле был расформирован наш партизанский отряд. 17 октября мы вернулись в Москву, а 20-го Аня получила выписку из приказа по Кремлевским пулеметным курсам о завершении учебы. Началась срочная под-

готовка к предстоящей подпольной работе в тылу у белых.

Камо одел нас так, чтобы мы смахивали на выходцев из богатых семей. К такой роли надо было привыкнуть еще до заброски во вражеский тыл. Пришлось Ивану Ивановичу расстаться с мужской военной формой. Новикова располагала теперь таким набором платьев, шляп и туфель, что ей могла позавидовать любая модница. Но Аня очень огорчилась: она опасалась, что расставшись с формой, потеряет с таким трудом завоеванное равноправие в нашей среде.

В отряде были еще две девушки: Аня Литвейко, бывшая работница электролампового завода, и Асмик Папьян, из Свердловского университета. Им надо было играть роль светских барышень, а они понятия не имели о нравах и поведении «в обществе». Правила хорошего тона изучали по нелепой старой книжце «Элегантная женщина», составленной в таком тоне: «Когда женщина, сидя с мужчиной, оправляет юбку, это создает атмосферу интимности». Но в общем эти «наставления» не помешали девушкам отлично справиться с боевым делом.

В ночь на 7 ноября 1919 года, напутствуемые Сергеем Мироновичем Кировым, мы отправились на парусной рыболовной лодке «Гурьевка» из Астрахани через Каспий в Баку, в логово врага, с грузом золота, валюты, драгоценностей, николаевских денег, динамита, оружия и патронов для закавказской подпольной организации.

Нас было семнадцать человек вместе с Камо. Каждую минуту нам грозила либо гибель в шторме, либо встреча с деникинской флотилией, которая базировалась тогда на Махачкалу и патрулировала в море, блокируя Астрахань. Штормы на Каспии беспощадные. Многих укачало, и они лежали как трупы. Аня сидела в трюме и спокойно наблюдала за Камо, который готовил заряды к ящикам с динамитом для взрыва нашей «Гурьевки» в случае встречи с деникинским сторожевым судном. Он предупредил, что либо мы должны будем захватить судно противника, либо погибнуть вместе с «Гурьевкой».

Через семнадцать суток утомительнейшего путешествия мы выгрузили взрывчатку, оружие и ценности на маленький остров в бакинской бухте, закопали груз в землю, а сами проскользнули в Баку и разошлись по конспиративным квартирам.

Некоторое время Аня Новикова работала вместе со всеми в бакинском подполье. В конце декабря Камо взял ее с собой в Тифлис, где он намерен был подготовить диверсию против ставки и штаба Денкина, находившихся в Краснодаре. Ане и другим камовцам предстояло проникнуть в ставку и уничтожить штаб вместе с Деникиным.

Но 15 января 1920 года охранка меньшевистского правительства в Тифлисе опознала Камо и арестовала его на станции во время посадки на батумский поезд. Вместе с ним были арестованы и все его спутники. В тюрьме Аня Новикова просидела два месяца, пока Камо не удалось выйти на свободу и добиться освобождения всей группы.

Меньшевики выслали Камо и всех, кто был связан с ним, из Грузии в мусаватский Азербайджан.

Снова подполье, борьба. Большевики готовили вооруженное восстание. Аня Новикова была связной в рабочих районах. Она участвовала в разгрузке оружия, доставленного морем из Астрахани в район Черного города, переправляла его на шлюпках в другие места, разносила по рабочим кварталам.

В ночь на 28 апреля было назначено восстание. Но мусаватское правительство капитулировало, и в конце апреля бакинский пролетариат праздновал день установления Советской власти в Азербайджане.

В Баку прибыл бронепоезд 11-й армии. Командовал группой бронепоездов герой гражданской войны Михаил Григорьевич Ефремов. Аня стала просить, чтобы ее зачислили в команду бронепоезда. Она отправилась с бронепоездом на фронт. И мы расстались.

Больше мне не пришлось встречать нашего Ивана Ивановича. Аня Новикова была первой в стране девушкой-командиром, пулеметчицей, разведчицей и подпольщицей. Она была первой девушкой, стоявшей на посту у кабинета Ильича. Когда Аня взяла в руки оружие, ей было всего пятнадцать лет.

ИЗ ДНЕВНИКА ДЕВЯТНАДЦАТОГО ГОДА

У меня сохранился дневник девятнадцатого года. Первая запись была сделана на Восточном фронте, в Малмыже, в полку, в котором я служил. Вот она. «1 июня. Сегодня получил долгожданное известие о том, что мне политком дивизии разрешил ехать на курсы командного состава».

Запись скупая, но я вижу за ней свою юность, себя в красноармейской форме, впервые в жизни разлученного с семьей, жаждущего воевать и учиться. Именно учиться, чтобы лучше воевать. Учиться на красного командира.

Стремление учиться внушил мне отец — рабочий, революционер, большевик. Он сам был для меня примером настойчивости и целеустремленности. Крестьянин Бузулукского уезда, Самарской губернии, неграмотный, он задался целью стать квалифицированным рабочим. Уйдя из деревни с лопатой в руках, он начал с расчистки снега на железной дороге, а через несколько лет уже был составителем поездов, а потом и машинистом, пока его не уволили за участие в знаменитой забастовке железнодорожников Уфы в 1905 году. До самой революции отец проработал механиком на лесопилке у одного купца, а меня заставил окончить городское училище и довел до третьего курса уфимского учительского института. Учебу мою прервала революция.

Вместе с отцом я вступил в Красную гвардию, а потом он же подготовил меня к вступлению в Коммунистическую партию. Гражданская война разлучила нас. Отца захватили колчаковцы. В числе других осужденных большевиков его должны были отправить поездом смерти в

Сибирь, но отец сбежал во время посадки в вагон, а затем скрывался в подполье.

Время было такое, что об окончании учительского института нечего было и думать. Как и все коммунисты, я понимал, что воевать за Советскую власть придется долго, и потому всеми силами стремился попасть на создававшиеся повсюду краткосрочные курсы красных командиров.

В полдень третьего июня я выехал на телеге из Малмыжа в Вятские Поляны, в политотдел, и там узнал, что меня посылают учиться в Москву. А через неделю уже был курсантом 3-го взвода 3-й роты Кремлевских пулеметных курсов.

Все для меня было не только новым, но и удивительным. «Глубокий провинциал» очутился в центре России, в сердце революции, и на все, даже на мелочи быта, смотрел восторженными глазами. Приведу несколько записей из дневника. Они во многом примитивны и могут показаться будничными. Но это записи не литератора, а красноармейца. В них сохранились черточки юноши девятнадцатого года, язык того времени, круг интересов и увлечений.

Вот первая подробная запись, сделанная в Кремле в один из первых дней моей курсантской жизни.

«14 июня. Встал по обыкновению, когда бывает подъем, в семь часов. Чувствую себя хорошо: доволен ранним подъемом и вообще той жизнью, какую веду. Нравится она тем, что это правильный образ жизни, приучаю себя к порядку, что очень важно, особенно мне, не бывшему на военной службе. В десять утра был горячий завтрак, после него нас выстроили и повели опять на репетиции для парада к предстоящему сегодня выпуску красных офицеров, наших предшественников. Некоторым надоело, а мне, новичку, нет. Парад принимал товарищ Смилга, член Реввоенсовета Республики. Парад мне очень понравился и хотелось бы участвовать еще. Особенно мне понравилось, как мы прошли церемониальным маршем мимо принимающего парад.

Вечером в Доме Союзов был устроен торжественный митинг-концерт с участием товарища Ленина. Этот митинг тоже имел громадное значение для меня. Великолепный зал, речи хороших ораторов, главным образом товарища Ленина, которого я увидел и услышал впервые.

Товарищ Ленин указал на ту трудную и ответственную работу, которая возложена на красных командиров, и просил их выполнить эту обязанность с революционной честью. Остальные ораторы обрисовали наше положение на фронтах и указали на то, какую огромную роль на этих фронтах могут сыграть красные командиры, и призывали нас посерьезнее отнестись к делу. Отвечал красный командир, который сказал, что раз мы написали на своем знамени «Победа или смерть», то отступать не будем, а пойдём вперед и вперед. Речи ораторов были встречены громкими аплодисментами и звуками «Интернационала». После митинга был хороший концерт с участием лучших сил Москвы, некоторые из артистов всемирно известны. Особенно хорош был балет в исполнении всемирно известных Гельцер и Жукова».

«15 июня. Воскресенье. После обеда я с группой товарищей пошел в Исторический музей. Осматривали предметы и вещи людей, живших в каменном, бронзовом и железном веках. Экскурсия, несомненно, интересная. Из музея я с товарищем пошел на братские могилы на Красной площади, мы сели на скамейку у могилы товарища Свердлова».

«16 июня. Сегодня в первый раз был на занятиях — классных и строевых. Очень понравилось и заинтересовало. Появилось большое желание как можно лучше выучить военное дело. Были уроки: пулемет «максим», фортификация, топография и тактика. Потом изучали Дисциплинарный устав. Я получил представление о военных науках, о том, что знают офицеры и что должен буду знать я, красный командир. Вечером впервые играл в футбол».

Дальше изо дня в день следуют записи человека, которому всякое соприкосновение с военной наукой, еще в недалеком прошлом чуждой и запретной, доставляет теперь радость, является для него открытием, вселяет надежду на победу в гражданской войне. Нелегко давались нам знания. С утра занятия в классах, затем строевая подготовка, после обеда двадцативерстный марш в пешем строю за город и там тактические занятия на местности, а вечером, несмотря на позднее возвращение, при тусклом свете в казарме топографическое черчение и потом на скорую руку пометка в дневнике: «Главное, что получили много практических знаний».

Мы слушаем лекции старых офицеров, жадно разбираем на уроке политграмоты «партии и классы», обучаемся фехтованию и верховой езде, несем караул, под оркестр ходим на прогулки по городу и даже во время отдыха стараемся не терять времени зря.

Митингами и собраниями особенно увлекались в девятнадцатом году. Ораторы выступали горячие, и слушали мы их горячо. Вот кончился митинг, и выступает лектор.

Лектор перенес «слушателей во времена Екатерины Второй, — записано в дневнике. — Он говорил про жизнь Екатерины в этом саду, как она гуляла с Орловым-Чесменским, танцевала в этом дворце менуэт и в то же время раздавала своим приближенным, Орлову и другим, крестьян, над которыми они безжалостно издевались. По знаку лектора оркестр играл менуэт. Постепенно лектор дошел до тех времен, когда народ, не будучи в состоянии переносить муки, поднял восстание против своих тиранов. Он указал на Великую французскую революцию, и оркестр по его знаку исполнил «Марсельезу». Потом он дошел до наших дней, и лекция кончилась «Интернационалом». К несчастью, пошел проливной дождь. После митинга хотели устроить концерт, подыскивали закрытое помещение, стали туда перетаскивать рояль, но публика уже расходилась, пришлось уйти и курсантам».

Вот идут подряд несколько записей о суровой московской жизни.

«Москва за последние дни буквально голодает, хлеба совсем не выдают, на Сухаревке его продают по 80 рублей за фунт. Жизнь очень трудная, почти невозможная. Москва волнуется, главную роль здесь играют агенты Деникина и Колчака, мешочники и лавочники. Вечером прекратили выдачу увольнительных записок, а тех, кому были выданы, попросили вернуться в Кремль».

На другой день курсантов отпустили в город. «По городу расклеено сообщение президиума Московского Совдепа — протокол объединенного заседания специальной комиссии под председательством товарища Ленина, в котором сообщаются результаты обследования продовольственного положения Москвы. По точным данным оказывается, что хлеб в Москву идет, сегодня уже пришел поезд. Отгруженным хлебом Москва обеспечена до 1 августа. Кроме того, приняты экстренные меры к ре-

гулярной доставке хлеба в Москву в будущем. Это объявление успокоило население».

«Вечером, после ужина, было общее собрание коллектива РКП(б) наших курсов. Между прочим, обсуждался вопрос о продолжении отчисления полфунта хлеба от пайка курсантов в пользу голодающих детей. Большинство голосов постановлено отчисление продолжать впредь до улучшения продовольственного положения в Москве».

Проходит некоторое время, и мы отправляемся разгружать эшелон с хлебом для москвичей.

«Сегодня суббота, — записано в дневнике. — А по субботам, как известно, устраиваются коммунистические субботники. По постановлению общего партийного собрания наших курсов все свободные в субботу курсанты идут работать на один из московских вокзалов. Собрались нас много во главе с комиссаром курсов, его помощником и заведующим курсами. Под духовую музыку, с красным плакатом «Да здравствует коммунистический субботник!» мы пошли на Брянский вокзал. Там нас разбили по группам. Я попал в группу, которая выгружала из вагона рожь. Мы, двадцать пять человек, приблизительно в полтора часа разгрузили вагон с рожью, перевешали ее и сложили в амбар. Труднее всех досталось тем, кто разгружал тяжелые полосы железа и уголь. Выпачкались они немилосердно. Работали все замечательно, даже блестяще. В результате двухчасовой работы мы разгрузили шестнадцать вагонов ржи, железа и угля и нагрузили четыре вагона пенькой. С музыкой и песнями вернулись домой. Пришли и уснули как убитые».

И снова — запись.

«Продовольственное положение в Москве улучшилось. Сегодня нам выдали настоящий хлеб. Все волнения в городе утихли сами собой. Белогвардейцы замолчали в связи с нашими победами на востоке и юге».

Записи о караульной службе предельно сжаты: распространяться об этом не полагалось. В караул я попал на третий же день. 12 июня я дежурил у входа в Управление делами Совнаркома. А в воскресенье 29 июня впервые записал: «Днем стоял в карауле в квартире товарища Ленина». Конечно, не в квартире, а у входа, где был самый почетный пост бойца Красной Армии. На этом

посту и на других постах в Совнарком, где работал и жил Владимир Ильич, я стоял не один раз.

В Кремле я стал красным командиром. Я не был всю жизнь военным. В мирное время занимался партийной работой в Башкирии и Сибири. В военное время, как и все, воевал. В гражданскую войну я прошел с Красной Армией от Волги до Байкала, в Великую Отечественную — от Волги до Эльбы. После войны вернулся в Кузбасс на партийную работу. Потемневшая ученическая тетрадь девятнадцатого года, спутница моей курсантской жизни в Кремле, всегда была со мной. Я часто заглядывал в нее, и короткие строки становились для меня дорожкой.

Ленин! Я видел его близко, слышал, охранял его. Он хорошо знал нас, молодых парней со всей России, рабочих и крестьян, которым доверено было защитить и сохранить Советскую власть. «Мы написали на своем знамени: «Победа или смерть!» — перечитываю я запись в дневнике, сделанную сразу после того, как прослушал речь Владимира Ильича в Доме Союзов. — Отступить не будем, а пойдем вперед и вперед». И я всю жизнь стремился выполнять свой боевой долг с революционной честью, как наказывал Владимир Ильич.

ОДНОКАШНИКИ

(Письмо в редакцию «Правды»)

Уважаемые товарищи!

В Вашей газете вместе с репортажем о субботнике двадцатого года в Кремле напечатан снимок участников этого субботника. В центре стоит генерал Д. С. Чупрыгин, а за ним высокий, в шляпе, С. В. Искрицкий... У меня есть к Вам большая просьба: перешлите письмо генералу Чупрыгину или сообщите мне его адрес.

Дело в том, что за три года учебы в Школе имени ВЦИК в Кремле — с 1921 по 1924 — мне тоже не раз пришлось стоять на посту № 27, у квартиры Владимира Ильича Ленина, а Д. С. Чупрыгин был моим командиром. Именно ему мы, курсанты 6-й роты, которой он командовал, обязаны многим, обязаны тем, что смогли одолеть трудные для нас, полуграмотных рабочих, военные науки, обязаны тем, что вынесли все тяжкие условия голодной курсантской жизни. С высоким чувством пролетарской ответственности за судьбу Родины мы относились к этим трудностям, да еще отчисляли от скудного пайка в пользу голодающих Поволжья. Именно ему, нашему командиру, мы обязаны были и крепкой воинской дисциплиной. Он умел мягко, хотя и непреклонно, подметить недостатки каждого, подбодрить, внушить веру в свои силы и помочь развитию хороших задатков. Я уверен, что он помнит тогдашних своих «самородков», как он нас называл, активистов и постоянных докладчиков на собраниях — братьев Гуриновпчей, Коровина и меня. Может быть, ему что-либо известно о

судьбе замечательного коммуниста и бойца гражданской войны Александра Гуриновича? Это была удивительно цельная и прекрасная личность!

Хотелось бы вместе с товарищами многое по-хорошему вспомнить, вспомнить самое дорогое, веселое и грустное, что не стирается годами в памяти.

Однажды ночью я стоял на посту № 27 и, признаться откровенно, кажется, подремывал. Тихо было кругом, в квартире Ленина все спали. Медленно шло время моей ночной вахты. Ночью, если не заседал Совет Народных Комиссаров, никто в коридоре не появлялся. А если шла смена, то стук кованых каблуков курсантов доносился еще с нижнего этажа.

Я увидел Ленина, когда он подошел почти вплотную, совсем не с той стороны, с которой я мог его ожидать. Я знал от часового, которого сменил, что Ленин дома. А Ленин шел со стороны главного входа, быстро и неслышно шагал по толстому ковру к посту, на котором я стоял. Это было так внезапно, что я испугался. Главное же меня испугал необычный вид Ильича: голова была обвязана платком, длинные концы платка, завязанные узлом, торчали наверху, лицо страдальческое, как у человека, которого мучит острая зубная боль. Я задрожал и крикнул:

— Стой!

Ленин, обыкновенно послушный нашим воинским порядкам, сразу остановился и мягко спросил, чуть склонив набок голову:

— Вы, товарищ курсант, разве не узнаете меня?

Сонная одурь и страх разом пропали. С чувством вины в каком-то непоправимом проступке я произнес:

— Владимир Ильич, извините меня. Но я не узнал вас и испугался.

Он засмеялся чуть принужденно и, как мне показалось, иронически взглянул на мою винтовку. Комичность положения, вероятно, отвлекла его на минуту от зубной боли. Он объяснил, что вышел из квартиры черным ходом — там был 19-й пост, — обошел здание вокруг и вот прошел сюда. Вид его, очевидно, необычен, у него страшно разболелись зубы, ничто не помогает, и вот, в конце концов, он решил немного пройтись.

Я помню, как в 1922 году перевозили Ленина в Горки. Раскрыли двери квартиры и выкатили в коридор кресло

с маленьким передним и двумя большими задними колесами. Когда кресло подкатили к дверям, у которых я стоял на посту, какой-то рабочий не рассчитал своих сил и с ходу стукнул передним колесиком о порожек. Толчок, может быть, и не был сильным. Даже наверняка не был сильным. Но Ленин был в плохом состоянии, он тяжело застонал, голова его качнулась в такт толчку. Подбежали врачи и родные, осторожно помогли Ильичу занять более удобное положение. Кресло покатали дальше, а у меня сердце сжалось от боли и гнева на человека, который, сам того не желая, причинил Ленину страдание.

Но служба есть служба. Я молча стоял на посту навтыяжку и глотал слезы. А когда, сменившись, рассказал об этом в роте, курсанты все в один голос ругали этого рабочего, даже не задумываясь над тем, что сделал он это нечаянно.

Мы часто видели Ленина в Кремле: и в здании Совнаркома, и в нашем курсантском клубе, и просто на улице.

А потом настали скорбные дни и ночи почетного караула у гроба вождя в Колонном зале, когда целую неделю шли и шли люди проститься с ним, шли, не чувствуя ни обмороженных щек и ушей, ни слез, бегущих по лицу.

Вот обо всем этом и о многом другом вспомнилось мне теперь, спустя десятилетия, когда я увидел фотографию и ныне здравствующих сокурсников, и командиров — участников первомайского субботника двадцатого года.

Хотелось бы написать и Сергею Бирюзову *, Маршалу Советского Союза, который обучался в одной роте со мной под командой Даниила Чупрыгина. Тогда мы все, курсанты, жили очень дружно.

«Иных уж нет, а те далече». Вот и бывший наш командир батальона генерал армии Захаров умер. Многих, многих нет. Но все, что связано с обучением в Школе ВЦИК, с жизнью и службой в Кремле, вблизи Ленина, — все это осталось в сердце навсегда.

* Маршал Советского Союза Сергей Семенович Бирюзов трагически погиб во время авиационной катастрофы под Белградом 19 октября 1964 г. — *Прим. ред.*

НАЧАЛО ПУТИ

За время многолетней военной службы в Школу имени ВЦИК я попадал трижды: в двадцатом, двадцать первом и двадцать третьем годах. Впервые это произошло, когда формально я еще был штатским. Формально потому, что уже не раз держал оружие в руках — воевал под Знаменкой против гайдамаков и в Донбассе с деникинцами, но не в рядах Красной Армии, а в партизанском и в рабочем отрядах. В мае двадцатого года меня, секретаря райкома комсомола станции Попасная, по призыву партии послали на Кремлевские пулеметные курсы. Однако завершить учебу тогда не удалось: из Москвы на врангелевский фронт набирали пополнение, и я отправился пулеметчиком в курсантскую бригаду. Лишь после гражданской войны я вернулся в Кремль, в объединенную Школу имени ВЦИК, закончил ее, служил в ней на строевых должностях почти десять лет, до ухода в авиацию.

Когда речь заходит о воспоминаниях, мне, как, наверно, и моим товарищам, да, впрочем, и всем людям моего поколения, которым довелось хоть раз видеть и слышать Ленина, хочется прежде всего рассказать о том времени, о своем первом карауле у квартиры Ильича. Именно эту памятную вежу я ставлю в пачало своего военного пути. Сейчас мне без малого семьдесят, но оказалось, что совсем нетрудно представить себя двадцатилетним курсантом, воскресить некоторые штрихи молодости. Нетрудно потому, что об этом своем первом карауле я часто вспоминал на протяжении всей жизни.

Вот она, наша казарма, на втором этаже, куда после карантина я прибыл с двумя спутниками: Павло Гетманским и Григорием Скляренко. Широкий и длинный зал, уставленный рядами солдатских коек, в углу, на низких стеллажах, — станковые пулеметы под чехлами и коробки с лентами, между окон — ружейные пирамиды, винтовки с открытыми затворами и подсумки с патронами. А в окна видна Царь-пушка на каменном постаменте.

Наш 3-й взвод состоит из молодежи, самому младшему еще нет и восемнадцати. Некоторые уже понюхали пороху. Вечером, после ужина, знакомимся друг с другом. Наше знакомство начинается с песен. Павло Гетманский сильным и красивым баритоном неожиданно для всех запеваёт «Выхожу один я на дорогу». Слова знают не все, но подтягивает весь взвод. Старшина роты Барышников, что-то пишущий за столиком дежурного, оборачивается в нашу сторону, доволен: хорошее пополнение. А курсант 1-го взвода Михаил Сбитнев на другом краю зала густым басом запеваёт «Ермака».

На следующий день командир взвода, построив нас, выясняет, кто запевалы.

Мы часто ходим с песнями в строю. Строем идем и в столовую.

Обед. Раздатчики приносят из кухни большие бачки. В нос ударяет острый запах несвежей рыбы. На первое — суп с воблой, вернее, не суп, а уха: вода и крошечные кусочки воблы неопределенного цвета. Но мы знаем, что Москва живет трудно. Едим с аппетитом, стараясь не обращать внимания на неприятный запах. Очень мало хлеба. Никак не можем разделить его, чтобы хватило на завтрак, обед и ужин. Кусочек хлеба кладем за щеку, как сахар, и прихлебываем суп вприкуску.

Я заметил, что у Саши Халдина, круглолицего парня из Череповца, нет ни крошки хлеба. Еще утром он возвратил свой «хлебный долг», остальное не сберег и съел до обеда. Он глотает суп, не отрывая от миски глаз. Григорий Скляренко кивком показывает на Сашу, отламывает от своего пайка маленький кусочек. Все поступают так же. Скляренко собирает эти кусочки, пододвигает к Халдину. Тот краснеет, отказывается. Мы сердито предлагаем Саше Халдину не ломаться. Он тихо говорит: «Спасибо, ребята».

На второе — пшенная каша с киселем. Жидкий, но все же клюквенный. Говорят, что наши повара раньше работали в ресторане «Метрополь». Умеют кормить!..

Вечером в нашем взводе собрание. На повестке дня вопрос, уже решенный старожилками курсов: «Помощь голодающим детям». Мы, новички, должны тоже определить свое отношение.

— В Москве с продовольствием очень тяжело, — говорит командир взвода. — Есть случаи, когда на заводах рабочие от недоедания теряют сознание. Дети мрут от голода. Правительство все меры принимает, но мы тоже не можем стоять в стороне. Каждому полагается на день один и три четверти фунта хлеба. На собрании курсанты постановили полфунта хлеба недополучать от государства, четвертку фунта отчислить в пользу подшефного завода. Сейчас есть предложение отчислить от пайка еще одну четвертку — в пользу голодающих детей. Первый и второй взводы такое решение уже приняли. Как вы?..

Сеня Беляков, избранный нами секретарем собрания, записывает наше единогласное решение: отчислить! Так что наш суточный хлебный паек теперь — три четверти фунта.

Хлеб раздают с утра. Раздатчики приносят его в больших деревянных ящиках разрезанным на порции. Начинается розыгрыш пайков. Именно не раздача, а розыгрыш. Каждому хочется получить краюшку с толстой коркой, которую можно жевать долго, держать во рту, как сахар. С ней можно съесть миску супу или выпить кружку кипятку, чего не сделаешь с таким же количеством мякиша. Один раздатчик со списком садится на табуретку спиной к ящику. Другой кладет руку на порцию хлеба и громко спрашивает: «Кому?» Первый раздатчик называет фамилию из списка, а курсанты строго следят за проведением этой лотереи.

Труден был двадцатый год для курсантов. Что такое триста граммов плохого хлеба для здоровых парней, которым за день приходилось вышагивать верст по двадцать, усиленно учиться, собирать и разбирать станковые пулеметы, ходить на стрельбища, разгружать уголь на железной дороге и стоять в карауле!

Но так жила вся пролетарская Москва, все население Кремля. С голоду, говорят, не запоешь. А наш взвод

как начал службу весело, так и продолжал быть песенным взводом. Курсантская песня не умолкала в Кремле, и многие помнят, как любил слушать нас Ленин.

О Ленине мы стали расспрашивать командира отделения Булычева во время первой же прогулки по Кремлю. Булычев, как старожил, знакомил с кремлевскими улицами, рассказывал про Царь-колокол, про Царь-пушку, про Арсенал, Чудов монастырь, Грановитую палату, про Бориса Годунова и Гришку Отрепьева. В ту пору он нам казался уж очень образованным человеком. Когда он подвел курсантов к Совнаркому и просто сказал, что в этом здании живет Ленин, Саша Халдин спросил.

— А ты, товарищ Булычев, видел Ленина?

Булычев сказал, что видел Ленина, когда стоял на посту у его квартиры и еще когда работал с ним вместе на субботнике. Мы стали расспрашивать, как выглядит Ленин. Но командир отделения не стал распространяться. Он сказал, что Ленина мы еще увидим, он часто бывает среди курсантов. И добавил, что если у нас хорошо пойдет служба, то мы будем стоять на постах в Совнаркоме.

И вот нас построили повзводно. Осмотрено обмундирование, обувь, отдан рапорт дежурному командиру, у старшины в руках большой лист бумаги, он громко произносит:

— Слушай наряд караулов по Кремлю на сегодня, семнадцатое мая...

Мы знали еще с вечера, что пойдем в караул. И вот старшина объявляет наряд.

Саша Халдин сияет: он назначен на пост у входа в приемную Совнаркома. Я поворачиваю голову к Халдину, даю ему понять, что рад за него: возможно, он сегодня увидит Ленина.

В это время старшина говорит:

— Пост номер двадцать семь — у входа в квартиру товарища Ленина: первая смена — Ручко, вторая — Звездин, третья — Волков.

Я просто не верю своим ушам. Но старшина уже читает список дальше, а Гриша Скляренко тихонько толкает меня локтем и шепчет поздравление.

Все же я подошел потом к старшине «свериться», не ошибка ли это. Он пристально посмотрел мне в глаза и сказал:

— Ты кто, рабочий? Комсомолец? Обязан справиться

с этим заданием. Когда тебя на этот пост намечали — думали. Зря не назначат. А если какие пелады с уставом, не беда — выручит классовое чутье. Понятно? Иди и готовься к караулу.

Командир роты, которому я должен был подробно доложить об обязанностях часового, сидя за столом в ротной канцелярии, выслушал меня и спросил:

— Вы видели когда-нибудь товарища Ленина?

— Никак нет, знаю только по портретам.

— Товарищ Ленин очень похож на портретах. Но одно дело знать его по фотографиям, а другое — видеть в жизни. Вот почему часовому разрешается спрашивать у товарища Ленина пропуск. После, когда вы с ним хорошо познакомитесь, спрашивать пропуск необязательно. Вы, конечно, знаете, что в Кремле все посты ответственные, а двадцать седьмой занимает особое место. Партийная организация и командование курсов доверяют вам это задание. Надеюсь, вы с ним справитесь.

Взволнованный, я слежу за церемонией развода караулов, выслушиваю наставления дежурного о бдительности, провожаю глазами караул, который назначен на кремлевские стены, и в семь часов вместе с разводящим, четко отбивая шаг, подхожу к зданию Совнаркома.

Иду во главе цепочки. У каждого поста — внизу, на втором этаже и на третьем у лифта — наша цепочка тает.

Вхожу с разводящим в коридор Совнаркома. У дверей квартиры, в глубине коридора, — часовой. Постарше меня, очевидно старый солдат, курсант из выпускников. Красиво стоит.

Смена происходит быстро, строго по уставу. Разговоры вполголоса. Старый часовой и разводящий бесшумно уходят. Я поправляю на груди металлический свисток на толстом красном шнуре и вытягиваюсь по стойке «смирно».

Справа от меня — дверь в квартиру. От нее идет длинный коридор к выходу. По одну сторону коридора несколько дверей. Вдоль другой — большие окна, выходящие в сторону Спасской башни. Все просто и строго. На полу длинная ковровая дорожка. Передо мной на стене инструкция — «Часовому поста № 27».

В ней сказано, что часовой должен беспрепятственно пропускать в квартиру по предъявлении пропуска Владимира Ильича Ульянова (Ленина), Надежду Константи-

новну Крупскую, Дмитрия Ильича Ульянова, Марию Ильиничну Ульянову и Анну Ильиничну Ульянову-Елизарову, а остальных лиц — по указанию перечисленных товарищей.

Я стою и думаю о предстоящей встрече с Лениным. Мы, рабочая молодежь, услышали о нем давно, еще во время Февральской революции. У нас в Донбассе с его именем связывали все успехи по разгрому врагов Советской власти, в том числе и деникинской армии. Когда я пытаюсь мысленно представить себе Ленина, мне невольно кажется, что увижу очень высокого человека могучего телосложения.

Трудно стоять неподвижно на одном и том же месте. Время тянется медленно. Я стою, ослабив немного правую ногу, и думаю, думаю...

Мой дед по отцу был крепостным черниговского помещика, прожил восемьдесят лет и умер в 1910 году. Думал ли он, что настанет время, когда крестьяне будут жить без помещиков?..

Отец, железнодорожный рабочий, не только думал, но и твердо знал, что рабочие могут вполне обойтись без господ и капиталистов. И такое время настало!

Внук крепостного, я стою сейчас на посту № 27 и охраняю главу первого в мире рабоче-крестьянского правительства...

На Спасской башне пробило половину девятого. До смены — всего полчаса. В середине коридора открылась дверь, из нее вышло несколько человек. Мужчина с газетой в руках остановился у столика в другом конце коридора. Он стоит неподвижно, слегка опершись о столик.

Внимательно всматриваюсь. Ко мне быстро идет незнакомый мужчина среднего роста, с бородкой и усами, с большим лбом. В левой руке — пачка газет. В лице что-то очень знакомое, но я не уверен, что не ошибаюсь. Может, мне это только кажется, потому что все время жду Ленина?

— Прошу предъявить ваш документ.

Мужчина остановился, внимательно на меня посмотрел и, чуть картавя, спросил:

— Вы разве не знаете меня?

— Никак нет, не знаю.

— Вот, пожалуйста! — Он протянул мне маленькую красную книжечку — удостоверение личности.

На левой половине — знакомая фотография (оказывается, все же легче узнать фотографию!). На правой написано: «Предъявитель сего Владимир Ильич Ульянов (Ленин) является Председателем Совета Народных Комиссаров...»

Владимир Ильич терпеливо ждал, глядя на меня немного прищуренными глазами.

— Простите, товарищ Ленин, не узнал! Прошу проходить. — И я вернул удостоверение.

— Ничего, пожалуйста, — улыбнулся Владимир Ильич, вынул из кармана ключ, открыл дверь и, кивнув мне, ушел в квартиру.

Теперь время мчалось удивительно быстро.

Пробило девять на башне, и меня сменил курсант Звездин.

А возле Грановитой палаты я попал в объятия Саши Халдина. Он — в третьей смене, ему положено сейчас отдыхать, но он ждал моего возвращения.

— Ну как, видел?

Я высвобождаюсь из объятий и спешу в караульное помещение поставить винтовку в пирамиду. Меня окружают товарищи, усаживают на скамью, требуют, чтобы рассказывал. А я не могу подобрать нужных слов и говорю не то, что переживал. Говорю, что он вовсе не великан, как мы думали, что я его не узнал и спросил пропуск, что он на это не обиделся...

ЛЕНИН НАС ЛЮБИЛ

Все верно, что рассказывает о нашей жизни в Кремле генерал-майор авиации Семен Ручко. Я знал его еще не генералом, а правофланговым нашей роты. Много лет не видел, а помню, что он был едва ли не самый высокий среди нас и всегда ходил со своими дружками — Григорием Скляренко, которого уже нет в живых, и Павло Гетманским, ныне находящимся в Севастополе. Только мы с ним учились вместе не в двадцатом, а в двадцать первом году, когда Ручко вернулся с фронта. Я поступил на пулеметные курсы осенью двадцатого года, приехал из Конной армии Буденного и очень тревожился: вдруг не примут, уж больно невеселой была моя фронтовая профессия.

Надо мной некоторые подтрунивали: «Какой это фронт? Вошебойка! Ты вроде банщиком на фронте был». У меня действительно так сложилась военная судьба. Вступив добровольно в Красную Армию, я вдруг попал в банно-строительный отряд с громким названием «имени Октябрьской революции». Удружил мне односельчанин Георгий Михайлович Бахтурин, который в это время был начальником санитарной летучки. Он-то и сказал военному комиссару, что я работал в Москве и плотником, и столяром, и слесарем. А в это время как раз началась эпидемия тифа. При ВЦИК создали комиссию, которая послала на фронт банно-строительные отряды. Вот меня и направили в такой отряд на Западный фронт, под Лиду, где я угодил в плен к полякам и сам заболел тифом. Из госпиталя мне удалось бежать и перебраться через фронт, в Советскую Россию. А здесь меня,

как уже пережившего эдакое «боевое крещение», снова послали строить бани, но только на Южный фронт, в Конную армию Буденного. Конечно, в моем мальчишеском возрасте это было большим огорчением. Много лет спустя, будучи райвоенкомом в Москве во время Великой Отечественной войны, я сам доставлял такие огорчения молодым людям, которые рвались на фронт, отправляя их по специальности туда, где в них больше нуждалась армия. Но в юности я сам очень обижался на своего военкома.

Утешила меня лишь газета со знаменитым выступлением Ленина на VII Всероссийском съезде Советов. Всегда хорошо, когда человека поднимают на некоторую вышку над его будничным трудом и он начинает понимать общее значение того маленького дела, которым занят. А я, прочитав газету, понял, какое огромное значение придается нашей скромной работе. Ведь сам Владимир Ильич сказал: *«Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!»*

На фронте к нам относились чудесно. У конармейцев начинался настоящий праздник, когда прикатывала наша летучка с горячей водой и, главное, с сотнями комплектов чистого белья.

Итак, двадцатый год я провел на Южном фронте. Оттуда меня послали учиться на красного командира, и я два года находился в Кремле, в Школе ВЦИК, в одной роте с Семеном Ручко.

И еще в одном ошибся Ручко: у меня не бас, а тенор. Мы все любили петь, а я больше всего любил запевать нашу «Курсантскую», на мотив «Варшавянки»:

Стены Кремля и бойницы кремлевские
Были оплотом тиранов-царей.
Ныне в воротах курсанты московские
Стали на страже свободы своей.

Или еще была у нас хорошая песня:

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд.
Но день настанет неизбежный,
Неумолимый, грозный суд.

А припев кончался словами: «Над миром наше знамя реет, оно горит и ярко рдеет, то кровь горит огнем, то кровь рабочая на нем». Не могу без волнения вспоми-

нать эти слова и это дорогое время. Очень любил наши песни слушать Ленин. Остановится возле казармы, когда гуляет, услышит, что мы поем, и долго не отходит, слушает... А то еще спросит иного курсанта:

— А что вы пели, товарищ? Очень хорошая песня...

Ленин нас любил. Это видно было по всему: и по тому, как он слушал наши песни, и по тому, как он относился к часовым, и по его заботе об условиях нашей жизни, что подтверждается сохранившимися ленинскими записками к коменданту, и, наконец, по тому, что он никогда не отказывался выступать перед курсантами. Каждому, кто в те годы учился в Кремле, случалось слушать Ленина не только на съездах и конгрессах, где мы несли караульную службу, но и в нашем кремлевском клубе. В зал имени Свердлова приходили тогда и Михаил Иванович Калинин, и Анатолий Васильевич Луначарский, и другие. Это Ленин заботился, чтобы в политическом воспитании курсантов участвовали самые крупные деятели. И сам Владимир Ильич приходил в этот зал, и с докладами, и запросто, посетителем, на наши концерты и киносеансы.

Я помню, как показывали документальный фильм о строительстве Каширской тепловой электростанции. Ленин сидел рядом с Демьяном Бедным в шестом или седьмом ряду переполненного курсантами зала. А мне удалось сесть почти по соседству, в следующем ряду. Больше, чем на экран, я смотрел на Владимира Ильича. Не только потому, что это Ленин, но, наверно, и потому, что я уже лично, хоть немного, но знал его, побывал в карауле возле квартиры и даже разговаривал с ним. Я не мог забыть, с какой сердечностью, предъявляя пропуск, Владимир Ильич спросил меня:

— А вы не утомились, товарищ? Вам часто приходится быть в карауле?

Я ответил, что мне, как выпускнику, приходится ходить в караул не чаще раза в неделю, а вот первокурсникам, мол, достается. Сказал — и смутился. И Ленин это заметил, сказал, что смущаться не надо, что красный офицер должен быть человеком смелым. Всего несколько фраз, а уже протянулась какая-то нить, я почувствовал обаяние его личности. Он и здесь, в зале, на киносеансе, видимо, почувствовал, что мы, курсанты, не сводим с него взгляда, прислушиваемся, быть может, завидуем

тому, кто сидит рядом с ним и разговаривает. Он не оставил этого без внимания. И еще до начала сеанса повернулся к курсантам и стал рассказывать о значении электрификации, о будущем.

В перерывах он разговаривал не только со своими спутниками, но и с нами, шутил, задавал вопросы. Он любил проводить короткие минуты досуга среди курсантов, вероятно, потому, что мы словно бы представляли географию всей страны, представляли боевую рабочую и крестьянскую молодежь — будущее Красной Армии.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

Александров Александр Александрович (род. в 1895 г.). В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию и непрерывно служил в ее рядах до 1950 г. Член КПСС с 1941 г. На протяжении многих лет работал преподавателем в Школе имени ВЦИК (ныне Училище имени Верховного Совета РСФСР) и в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Ныне — полковник в отставке.

Богданов Николай Иванович (род. в 1899 г.). Член КПСС с 1918 г. В Красную Армию пришел в том же году по партийной мобилизации. После окончания Первых Московских пулеметных курсов был направлен на фронт и принимал участие в составе войск 11-й армии в героической обороне Астрахани.

После окончания гражданской войны служил на различных командных должностях. Во время Великой Отечественной войны был заместителем начальника штаба 3-й армии. В 1955 г. в звании генерал-майора уволился в запас.

Воробьев Василий Фролович (1899—1966 гг.). Член КПСС с 1918 года. На Восточном фронте в боях против колчаковских войск командовал взводом, ротой. В мае 1919 г. окончил Первые Московские пулеметные курсы. Служил в Красной Армии командиром батальона, полка, начальником штаба дивизии, корпуса. В годы Великой Отечественной войны — командир дивизии, помощник командующего войсками фронта, начальник штаба армии. С 1946 по 1960 г. возглавлял кафедру истории военного искусства Военной академии имени М. В. Фрунзе. Генерал-лейтенант запаса.

Горшков Семен Михайлович (1898—1966 гг.). Член КПСС с 1918 г. В 1917 г. был избран в большевистский комитет в 6-м Таврическом полку, под Барановичами, затем принимал участие в гражданской войне. В 1921 г. был командирован в Военную школу имени ВЦИК. После демобилизации из рядов Красной Армии в 1927 г. долгое время работал в авиационной промышленности. В последнее время — персональный пенсионер.

Громушкин Иван Васильевич (1897—1965 гг.). Член КПСС с 1919 г. С ноября 1918 по декабрь 1919 г. был курсантом Первых Московских пулеметных курсов. По окончании учебы служил на тех же курсах командиром пулеметного взвода. В декабре 1920 г. с отдельной курсантской бригадой выехал на врангелевский фронт.

После демобилизации из армии в 1925 г. был направлен на профсоюзную работу, учился в Институте внешней торговли СССР. В период Великой Отечественной войны участвовал в боях на Западном и Калининском фронтах.

Данилов Николай Иванович (род. в 1898 г.). Член КПСС с 1918 г. На Первые Московские пулеметные курсы прибыл с Восточного фронта в феврале 1919 г. Завершив краткосрочную учебу на курсах, добровольно ушел сражаться на Туркестанский фронт. В 1922 г. демобилизовался и был направлен на профсоюзную работу. С 1931 по 1934 г. учился в Транспортной академии, после окончания которой работал в Китае. С 1941 по 1954 г. служил в Советских Вооруженных Силах, сначала начальником военно-автомобильной дороги, а затем командиром военно-строительной части. Прошел боевой путь от Москвы до Берлина. Ныне — инженер-полковник запаса.

Еремин Михаил Петрович (род. в 1902 г.). Член КПСС с 1919 г. В 1920 г. был направлен на Первые Московские пулеметные курсы. За сорок лет службы в Советской Армии прошел путь от солдата до генерал-майора. В годы Великой Отечественной войны с первого до последнего дня находился на фронте. Ныне — генерал-майор запаса.

Зубанов Иван Петрович (1902—1964 гг.). В 1919 г. вступил в Красную Армию добровольцем. Участвовал в боях с врангелевцами и махновцами. В 1921—1924 гг. — курсант Военной школы имени ВЦИК. Член КПСС с 1922 г. В годы Великой Отечественной войны командовал полком на фронте. Полковник запаса.

Киселев Федор Георгиевич (род. в 1897 г.). Будучи рабочим завода компании «Зингер» в Подольске, в ноябре 1918 г. вступил в Красную Армию. В начале 1920 г. окончил Первые Московские пулеметные курсы. Участвовал в гражданской войне на Северном и Южном фронтах. С 1923 г. — на хозяйственной работе. В последние годы — пенсионер.

Кузин Иосиф Иванович (род. в 1897 г.). Член КПСС с 1917 г. Красногвардейцем, а потом красноармейцем участвовал в подавлении контрреволюционных мятежей в Орловской губернии. С августа 1918 по апрель 1919 г. учился на Первых Московских пулеметных курсах. В качестве начальника полковой пулеметной команды, а затем комиссара полка участвовал в боевых действиях на Восточном и Южном фронтах. В 1924 г. по болезни демобилизован и перешел на работу в Наркомат путей сообщения. Ныне — персональный пенсионер.

Мальков Павел Дмитриевич (1887—1965 гг.). Член КПСС с 1904 г. В 1917 г. был членом Гельсингфорского партийного комитета и членом Центробалта. Активный участник Октябрьской революции. С 29 октября 1917 г. — комендант Смольного, затем комендант Кремля. В дальнейшем — на руководящей советской работе. Был членом ВЦИК. Награжден орденом Ленина.

Матусевич Илларион Кириллович (род. в 1899 г.). Член КПСС с 1919 г. С декабря 1919 по июль 1921 г. учился и служил в Военной школе имени ВЦИК. Сейчас — подполковник запаса.

Мухин Федор Анатольевич (1901—1968 гг.). В ноябре 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию. Учился в Смоленске на пехотных курсах командного состава, по окончании

которых воевал на Южном и других фронтах. С 1924 г. служил в органах местного военного управления. Подполковник запаса.

Нефедов Николай Петрович (род. в 1898 г.). Член КПСС с 1918 г. Вместе с отцом вступил в Красную гвардию в Уфе. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. Сейчас — персональный пенсионер.

Оськин Михаил Григорьевич (род. в 1893 г.). Член КПСС с 1917 г. Красногвардейцем участвовал в октябрьских боях в Москве, был в отряде Красной гвардии на Украине. С июля 1918 г. по июнь 1919 г. учился на Первых Московских пулеметных курсах, затем в качестве взводного командира воевал на фронтах гражданской войны. С 1923 г. — на хозяйственной работе. Участвовал в Великой Отечественной войне, затем снова вернулся на хозяйственную работу. Ныне — персональный пенсионер.

Раин-Аксенов Роман Владимирович (1898—1962 гг.). Член КПСС с 1917 г. Сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции вступил в Красную гвардию. В феврале 1919 г. начал учебу на Витебских пехотных курсах, а затем для продолжения военного образования был переведен в Москву на Первые Московские пулеметные курсы. Участвовал в боях на фронтах гражданской войны, выполнял диверсионно-разведывательные задания в тылу врага, в отряде Камо (С. А. Тер-Петросян). После гражданской войны учился на юридическом факультете Московского университета, затем работал на различных должностях. В годы Великой Отечественной войны выполнял задания командования в тылу врага, в Белоруссии.

Ручко Семен Григорьевич (род. в 1900 г.). Член КПСС с 1921 г. В годы гражданской войны в составе партизанского отряда участвовал в боях против немецких захватчиков и гайдамаков на Украине. В мае 1920 г. был зачислен на Первые Московские пулеметные курсы, а затем направлен на борьбу с Врангелем. Окончил Военную школу имени ВЦИК и Военную академию имени М. В. Фрунзе. С 1934 г. служил в частях Военно-Воздушных Сил. В годы Великой Отечественной войны участвовал в боевых действиях на Западном фронте, а затем готовил командные кадры для частей ВВС. Ныне — генерал-майор авиации в отставке.

Сбитнев Михаил Никитович (род. в 1899 г.). В январе 1919 г. вступил в Красную Армию, был на Западном и Южном фронтах, после чего командирован на учебу в Военную школу имени ВЦИК. С 1921 г. — член КПСС. Окончив Военную школу имени ВЦИК, служил на различных командных должностях до 1949 г. В настоящее время — полковник в отставке.

Смилга Эдуард Эдуардович (род. в 1897 г.). Активный участник гражданской войны. Накануне Октябрьского вооруженного восстания, будучи в городе Юрьев (ныне Тарту, Эстонская ССР), вступил в красногвардейский отряд. В ноябре 1917 г. был избран в группу латышских стрелков-красногвардейцев для отправки в Петроград с целью охраны Советского правительства в Смольном. Сопровождал поезд при переезде Советского правительства из Петрограда в Москву в марте 1918 г. В середине июля 1918 г. добровольно ушел на фронт и оставался в Красной Армии до окончания гражданской войны. В 1937 г. окончил Военно-инженерную академию, а затем работал в Наркомате оборонной промышленности. В настоящее время — инженер-майор в отставке.

Соколов Сергей Александрович (род. в 1898 г.). Участник октябрьских боев в Москве. Учился на Первых Московских пулеметных курсах, затем сражался на бронепоездах против Деникина на Южном фронте. Ныне — персональный пенсионер.

Урецкий Исаак Захарович (1899—1962 гг.). В 1917—1918 гг. работал в Киеве секретарем профсоюза строительных рабочих, затем — в издательстве Наркомзема. В 1919 г. вступил в КПСС. В 1920 г. окончил Первые Московские пулеметные курсы. Служил в Красной Армии в качестве начальника пулеметной команды, секретаря политотдела Военной школы имени ВЦИК. С декабря 1922 г. находился на партийной и хозяйственной работе.

Федотов Петр Никитич (род. в 1896 г.). В декабре 1917 г. вступил в Красную гвардию. После окончания курсов комсостава в Кремле был отправлен сначала на Восточный, а потом на Юго-Западный фронт. Участвовал в Великой Отечественной войне. В пятидесятые годы преподавал в одном из московских институтов.

Харитонов Яков Васильевич (род. в 1896 г.). В Октябрьские дни 1917 г. вступил в Москве в Красную гвардию, участвовал в боях на Красной Пресне. В январе 1920 г. окончил Первые Московские пулеметные курсы и был направлен на Южный фронт. Участвовал в штурме Перекопа. По состоянию здоровья в 1922 г. был демобилизован из армии, работал на фабрике «Трехгорная мануфактура», в Наркомпросе. В 1941 г. ушел на фронт, в народное ополчение. Ныне — персональный пенсионер.

Шорихин Федор Иванович (род. в 1899 г.). С юных лет участвовал в революционном движении московских рабочих. В 1919 г. добровольно вступил в Красную Армию и участвовал в боях на фронтах гражданской войны. В годы Великой Отечественной войны добровольно вступил в дивизию народного ополчения. Был дважды ранен. В 1946 г. уволился из армии. В пятидесятые годы работал в Московском государственном университете имени Ломоносова.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	3
Э. Э. Смилга. Из Смольного — в Кремль	5
П. Д. Мальков. Кремлевские курсанты	13
А. А. Александров. Смена караула	18
В. Ф. Воробьев. Дух времени	26
И. И. Кузин. Правдивое слово	35
П. Н. Федотов. Смоленские ходоки	42
С. А. Соколов. Ильич гордился нами	45
М. Г. Оськин. Жизнь Ленина в опасности	48
Н. И. Богданов. Взводный социалистической армии	51
Ф. А. Мухин. Сила простоты	59
Ф. И. Шорихин. За дело отца	62
И. В. Громушкин. Кремлевские курьеры	71
Н. И. Данилов. Хлеб с фронта	76
Ф. Г. Киселев. Без лишних слов	87
Я. В. Харитонов. Наш командир — часовой Кремля	90
И. К. Матусевич. С кремлевским аттестатом	95
С. М. Горшков. Заветная мечта	99
И. З. Урецкий. С письмом к Ильичу	102
М. П. Еремин. Юность боевая	108
Р. В. Разин-Аксенов. Аня Новикова — Иван Иванович	116
Н. П. Нефедов. Из дневника девятнадцатого года	127
И. П. Зубанов. Однокашники	133
С. Г. Ручко. Начало пути	136
М. Н. Сбитнев. Ленин нас любил	143
Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний	147

Е70 Пост 27. Сборник воспоминаний. М., Воениздат, 1970.

152 с., с илл., 100.000 экз., 41 к.

Настоящая книга возникла по почину бывших курсантов школы имени ВЦИК, любовно называемых в народе кремлевскими курсантами. В сборник вошли воспоминания тех, кто встречался с Владимиром Ильичем Лениным, кто стоял на посту № 27 у его квартиры и до наших дней сохранил в памяти ленинские черты, дорогие каждому советскому человеку.

ЗК26.3

1-12-2

64-70

ПОСТ 27

Сборник воспоминаний

Редактор *М. Д. Конюшенко*

Кудожник *В. В. Васильев*

Художественный редактор *А. М. Голикова*

Технический редактор *Н. Я. Макарова*

Корректор *М. Г. Тихонова*

Г-69535. Сдано в набор 28.4.69 г.

Подписано в печать 4.11.69 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4³/₄

Усл. печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 7,589

Бумага типографская № 2. Тираж 100.000 экз.

Изд. № 3/2619.

Цена 41 коп.

Зак. 830.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3